

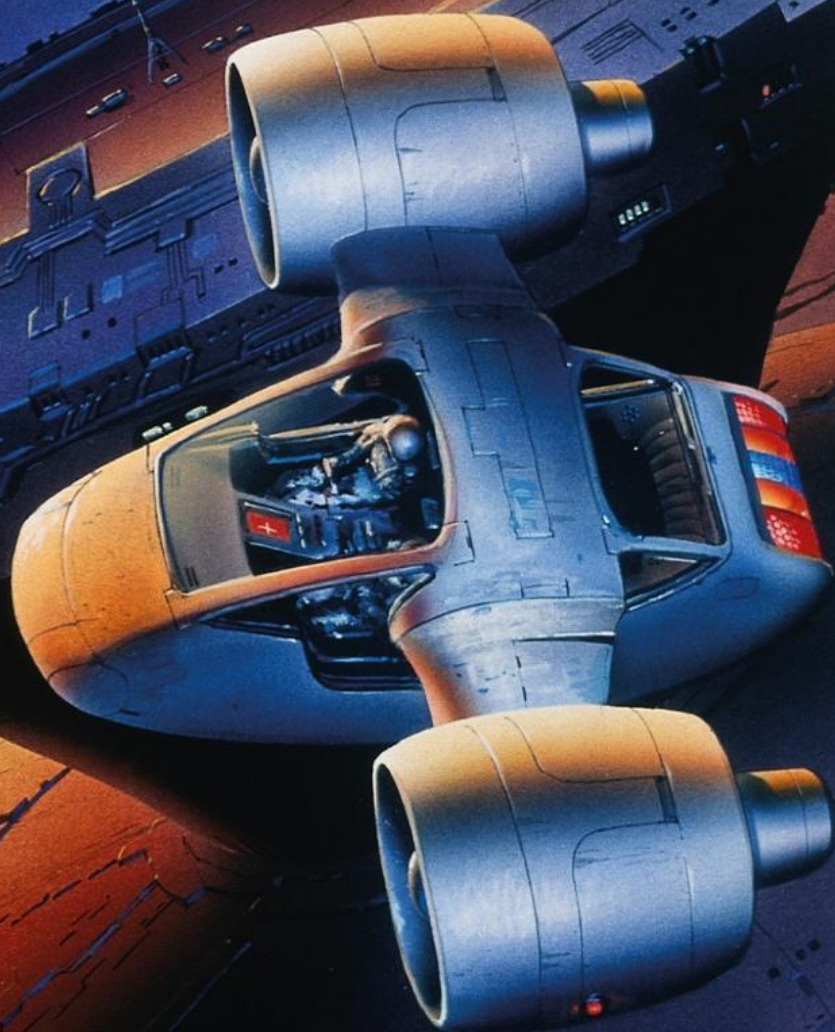
БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Аластер
Рейнольдс

МЕДЛЕННЫЕ ПУЛИ

« А З Б У К А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Аластер Рейнольдс

Медленные пули

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Рейнольдс А. П.

Медленные пули / А. П. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18369-8

Земные катастрофы и межзвездные войны, сегодняшние научные прорывы и завтрашнее высокотехнологичное мракобесие, мечта о бессмертии и встреча с мечтой, после чего остается только умереть... Вселенная Аластера Рейнольдса, кажется, вобрала в себя все популярные субжанры и темы фантастики, и исследуются они с проницательностью и хваткой практикующего ученого. Недаром его называют одним из главных научных фантастов современности, «британским Хайнлайном». В данном сборнике автор знаменитого «Пространства Откровения» предстает перед нами как мастер малой и средней формы – эти рассказы и повести по увлекательности нисколько не уступают прославившим его грандиозным космооперам. По мотивам произведений «За Разломом Орла» и «Голубой период Зимы» были сняты, пожалуй, две лучшие серии нашумевшего сериала «Любовь, смерть и роботы», спродюсированного Дэвидом Финчером. Большинство произведений, вошедших в эту книгу, на русском языке публикуются впервые. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18369-8

© Рейнольдс А. П., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

За Разломом Орла	7
Подлинная история	7
За Разломом Орла	24
Энола	47
Помехи	57
Кардифф после смерти	84
Ангелы праха	89
Спайри и королева	109
Понимание пространства и времени	131
Часть первая	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Аластер Рейнольдс

Медленные пули

Alastair Reynolds

Zima Blue Collection. Short Stories of Beyond the Aquila Rift Collection

The Iron Tactician (novelette)

Slow Bullets (novelette)

© 2020 by Alastair Reynolds

© А. И. Ахмерова, перевод, 2020

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020

© А. С. Киланова, перевод, 2020

© Е. В. Кисленкова, перевод, 2020

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020

© Н. В. Кудрявцев, перевод, 2009

© А. В. Новиков, перевод, 2007, 2011

© Г. В. Соловьева, перевод, 2020

© К. Сташевски, перевод, 2020

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2020

© О. М. Степашкина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

За Разломом Орла

Подлинная история

Держа в ладонях пиалу с кофе, я размышляла о том, чем занимаюсь, вернувшись домой. Одно-единственное слово привело меня сюда с Земли – я всегда надеялась его услышать, но почти позабыла о нем за прошедшие семнадцать лет.

Слово это было «дерьмо», и оно более-менее отражало мое душевное состояние.

Гроссарт пообещал встретиться со мной в кофейне «Ленивцы» на среднем ярусе Стратасити. Мне пришлось пробивать себе путь к столику на двоих у окна, недоумевая, почему этот столик – явно с лучшим видом – оказался свободным. Скоро я поняла: кафе «Ленивцы» находилось прямо под стартовой площадкой для дайверов и кто-нибудь из них то и дело с треском пролетал мимо окна. Создавалось впечатление, что сидишь внутри небоскреба после краха фондовой биржи.

– Повторить, мэм?

Мохнатый робот-официант преодолел сплетение трубок под потолком, смахивавшее на кишечник, и завис над моим столиком.

Я решительно поднялась с места:

– Нет, спасибо. Я уйду. Если меня спросит мужчина... Если он спросит Кэрри Клэй, передайте: чтоб ему мочиться против ветра.

– Ну что вы, это ведь не слишком приятно.

Тот самый мужчина возник рядом со столиком, словно призрак. Я взглянула на него, когда он усаживался на свободный стул, а потом вздохнула, покачав головой:

– Боже! Вы бы хоть попытались придать себе сходство с Гроссартом, если уж не в состоянии явиться вовремя.

– Прошу прощения. Вы же знаете, что пунктуальность не для нас, марсиан. Или знали когда-то.

Я возмутилась:

– На что это вы намекаете?

– Ну, вы провели какое-то время на Земле, верно? – Он подозвал щелчком пальцев официанта, который успел двинуться по потолку в обратный путь. – Мы совсем как японцы: никогда не доверяем тому, кто уезжает, а потом возвращается. Пожалуйста, два кофе.

Я вздрогнула, когда мимо окна просвистел дайвер.

– На этот раз сделайте... – начала я, но официант уже удалился.

– Смотрите, теперь вы связаны обязательством.

Я снова бросила оценивающий взгляд на лысеющего мужчину средних лет.

– Вы не Джим Гроссарт. Даже отдаленно не похожи. Я встречала и более убедительных...

– Двойников Элвиса?

– Кого?

– То же самое говорили про Элвиса, когда он оставил затворничество. Что он выглядит не так, как ожидали поклонники.

– Понятия не имею, о ком или о чем вы толкуете.

– Разумеется, не имеете, – сказал он, торопливо переходя на извиняющийся тон. – Вы и не должны. Это моя вина: постоянно забываю, что не все помнят такие давние события. – Он указал на мой пустой стул. – Не присядете, чтобы мы могли нормально поговорить?

– Спасибо. То есть спасибо, нет.

– И я предполагаю, что даже слово «дерьмо» на данном этапе никак не поможет делу?

– Простите, – помотала я головой. – Вам придется сделать гораздо больше.

Слово, конечно, имело значение, однако меня не сильно впечатлило то, что оно известно собеседнику. Я не оказалась бы на Марсе, если бы некто, знавший его, не связался с моим агентством. Проблема состояла в том, что этот человек едва ли был тем, кого я искала.

Все это началось довольно давно.

Я сделала себе имя, освещая важные события на Земле – единственная журналистка, допущенная в Ватикан в период Перезагрузки Папства, – однако до того я считалась на Марсе репортером средней руки. Мною было написано много статей, но больше всего я гордилась одной, посвященной первой высадке – событию, которое с каждым десятилетием становилось все более туманным и все сильнее обрастало мифами. Считалось, что Джим Гроссарт и остальные погибли во время беспорядков, но я доказала, что дело могло обстоять иначе. В конце концов, ни одного тела не нашли. А беспорядки давали шанс легко исчезнуть из поля зрения общественности раньше, чем груз славы сделается слишком тяжелым. Нелишне напомнить также, что прорыв в медицине, который и спровоцировал беспорядки, позволил бы любому человеку той эпохи дожить до сегодняшнего дня, пусть даже «Гидра» совершила посадку столетие назад.

Я и тогда понимала, что вероятность ничтожно мала, однако – сознательно опустив один факт, обнаруженный за время расследования, – оставила способ связаться со мной.

– Ладно, – произнес он. – Давайте я посвящу вас кое во что. Первым словом, произнесенным на Марсе, было слово «дерьмо», и на этом мы сходимся, но далеко не всем известно, что я произнес его, потому что на предпоследней перекладине лестницы у меня соскользнула нога.

Я позволила себе движением брови выразить легкое удивление, не более того. Он продолжил:

– При передаче сообщения слово вырезали, получилось совершенно незаметно. Сообщения приходили на Землю с двадцатиминутной задержкой, и никто не обратил внимания на несколько лишних секунд, потребовавшихся цензорской программе. Помните, как запинаясь Нил Армстронг, читая свои стихи на Луне? Никто не позволил бы вновь случиться такому.

Официант подал нам кофе, цепляясь за трубки на потолке четырьмя задними конечностями, пока длинная пара передних опускала на стол дымящиеся пиалы. Дешевый коричневый мех плохо прикрывал остов робота.

– Только мне кажется, что это Луи сбивался, читая стихи, – сказала я.

– Луи?

– Армстронг. – Я отхлебнула кофе, он имел насыщенный цвет сливочной ириски, как и настоящее марсианское небо. – Первый человек на Луне. Но опустим это.

Он махнул рукой: мол, ошибся, но это ничего не меняет.

– Не важно. Суть в том, или была в том, что все, сказанное на Марсе, передавалось на Землю через «Гидру». Но корабль не просто отправлял сообщения, он еще и сохранял копии, заносил их в карту памяти. И туда все записывалось без цензуры.

Я еще раз с опаской глотнула из пиалы. Я и забыла, какие напитки нравятся нам, марсианам: пиво в глиняных кружках, способных впечатлить своими размерами даже викинга, и кофе в посудинах, из которых вполне мог бы прихлебывать кумыс Чингисхан после целого дня кровопролития.

– Расскажите, как мне удалось заполучить карту памяти, – и я, возможно, останусь, чтобы допить кофе.

– Вот этого я не могу знать наверняка.

– Ага. – Я улыбнулась. – Слабое место.

– Нет, просто я понятия не имею, кому Эдди мог продать карту. Но сам я точно продал ее ему. Он растаман, приторговывает всякой раннемарсианской всячиной. Но в последний раз я видел Эдди несколько десятилетий назад.

Все это внезапно перестало походить на совсем уж напрасную трату времени.

– Эдди до сих пор занимается своей торговлей, – сказала я, припомнив запах дури, сочившийся из передвижной лавки старьевщика и разливавшийся по пологим склонам долины Ареса. – Карту он никому не продавал до меня, пока я не занялась исследованием, касающимся «Гидры».

Он откинулся на спинку стула:

– Итак, теперь вы готовы согласиться с тем, что я тот, за кого себя выдаю?

– Я не уверена. Пока еще.

– Но вы настроены менее скептически, чем несколько минут назад?

– Вероятно, – ответила я.

Все это еще предстояло всесторонне обдумать.

– Послушайте, мой внешний вид – не моя вина. Гроссарт, которого вы знаете по своим исследованиям, был мальчишкой, тридцатилетним парнем.

– Но вы, должно быть, прошли курс лечения от старости, иначе мы не вели бы сейчас этот разговор.

– Верно, только это было ничуть не похоже на марсианское лечение. Не забывайте: если бы его можно было пройти запросто, вообще не случилось бы никаких беспорядков. А я в то время был слишком занят, стараясь исчезнуть, чтобы думать еще и о качестве лечения. – Он потер рукой макушку: морщинистая красная кожа в венчике колючих седых волос. – Мой психологический возраст составляет примерно семьдесят лет, хотя я родился сто тридцать два года назад.

Теперь я взглянула на него внимательнее, вспоминая изображения Джима Гроссарта, с которыми ознакомилась много лет назад. Его лицо было настолько лишено индивидуальных черт – чистый холст, – что не было смысла гадать, как он мог бы выглядеть в старости. Но на самом деле ничто в человеке, сидевшем напротив, не противоречило моим ожиданиям.

– Если вы действительно Джим Гроссарт... – Теперь я говорила, понизив голос.

– Никаких «если», Кэрри.

– Какого черта вы ждали семнадцать лет, чтобы со мной встретиться?

Он улыбнулся:

– Вы уже допили кофе?

Мы вышли из «Ленинцев» и поднялись на лифте на шестнадцатый уровень города, к тому месту, откуда прыгали дайверы. Их падение начиналось с мостков, которые выступали на тридцать метров из городской стены и завершались кольцеобразной платформой. Дайверы в ярких костюмах стояли в ожидании на кольце – ограждение было только с внешней стороны, – и время от времени один из них шагал в центр кольца и падал. Иногда они прыгали по двое и по трое; иногда были связаны друг с другом. Из всей амуниции у них имелось лишь дыхательное оборудование и костюмы белок-летяг – ни парашюта, ни страховочного реактивного ранца.

Это сильно смахивало на самоубийство. А иногда им и являлось.

– Должно быть, это весело, – заметил Гроссарт, пока мы уютно сидели в герметизированной смотровой галерее.

– Ага. Если вы клинический сумасшедший.

Мне тут же захотелось взять свои слова обратно, однако Гроссарта они, кажется, не задели.

– Ну, прыжки со скалы не так уж трудны, если вы интуитивно схватываете суть уравнений Навье – Стокса и знакомы с основными принципами аэродинамики. Там даже дают напрокат беличьи костюмы для двоих.

– Даже не думайте об этом.

– Что, высота – это не ваше? – произнес он, отворачиваясь, к моему несказанному облегчению, от окна. – Не очень-то по-марсиански.

Он был прав, пусть мне и не хотелось это признавать. Сила притяжения на Марсе немногим меньше двух пятых от земной – этого недостаточно, чтобы почувствовать разницу при падении со значительной высоты, зато хватает, чтобы марсиане росли, гораздо реже страдая от болезненных столкновений тела с поверхностью планеты, которые жители Земли принимают как должное. Марсиане относятся к высоте так же, как остальное человечество – к электричеству: всего лишь понимают, что это опасно, но никак не чувствуют сосущего под ложечкой страха.

А я чертовски долго отсутствовала.

– Идемте, – сказала я. – Пробежимся по сувенирным лавчонкам. Моя прапрабабушка не простит мне, если я не пришло к ней какую-нибудь пеструю дрянь.

Мы с Гроссартом выбрали один из магазинчиков, которые тянулись вдоль внутренней стены смотровой галереи, и протиснулись мимо стендов с открытками, стоявших по бокам от двери. В магазине было полно народу, но никто не обратил на нас внимания.

– Господи, только взгляните на это. – Гроссарт поднял пресс-папье – заполненную снегом половинку шара с моделью «Гидры», замершей на красном пластиковом основании.

Там был даже Гроссарт: крошечная фигурка в скафандре, лишь немногим меньше самого посадочного модуля.

– Простенько, но со вкусом, – сказала я. – По крайней мере, если сравнивать с этим. – И показала ему брелок в виде существа, которого при снисходительном отношении можно было принять за ленивца.

– Нет, это весьма достойный образчик товара. Взгляните-ка. – Гроссарт взял камень янтарного цвета и прочитал написанное на ценнике: – «Лечебный кристалл ленивцев. Этот камень видоизменяет и фокусирует естественные хромодинамические поля тела, обеспечивая душевную и физическую гармонию».

– Но вы же не сможете доказать, что он этого не делает?

– Нет, но, мне кажется, Брэд Тричлер захотел бы донести несколько интересных мыслей до его владельца.

Я приободрилась при упоминании геолога с «Гидры».

– Хотелось бы познакомиться и с Тричлером тоже. И с Мануэлом д'Оливейрой, пока мы здесь. Это возможно?

– Возможно.

– Я имею в виду – здесь и сейчас.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, это возможно. В конце концов, все они здесь.

– И вы не возражаете против разговоров о них?

– Нисколько. – Он положил камень на место. – Эти ребята сохранили мне жизнь, Кэрри. Я никогда не забываю о моем долге перед ними.

– В таком случае все мы перед ними в долгу. – Я разговаривала, копаясь на полке с записями якобы музыки ленивцев, причем некоторые композиции были дополнены голосами китов и эскимосским горловым пением. – Произнося эту фразу, понимаешь, как невыразимо тоскливо она звучит.

– Ну что вы! Только из-за того, что я был первым человеком на Марсе? – Он покачал головой. – Догадываюсь, как я, по-вашему, должен себя ощущать. Как Элвис в грейслендском сувенирном магазине, который изучает пластмассового себя, предназначенного для приборной доски. И конечно же, на дворе эпоха белых комбинезонов и гамбургеров.

Я недоумевающе уставилась на него.

– Но я вовсе не испытываю ужаса, Кэрри, – добавил он. – На самом деле это меня здорово забавляет.

Я посмотрела на балахон, выставленный на полке на самом видном месте. На груди красовалась надпись: «Мой лучший друг побывал в Страта-Сити на Марсе, а мне досталась только эта паршивая футболка».

– Чертовски трудно в это поверить, Джим.

– Вы все-таки не понимаете меня до конца. Чего, по-вашему, я хочу? Почестей? Нет. Я прибыл на Марс, чтобы начать колонизацию планеты. Именно по этой причине другие последовали за мной: я сделал этот первый шаг. Он был трудным, уж поверьте, но я все равно его сделал.

Я кивнула. Хотя прошло семнадцать лет с тех пор, как я написала статью о высадке, я помнила все: Джим Гроссарт покинул Землю, отправляясь в оплаченную частным фондом дешевую экспедицию – еще более дешевую, чем кто-либо мог вообразить, – смутно представляя, как будет возвращаться с Марса. Его спонсоры намеревались затем отправлять провизию и новых поселенцев, пока не сформируется колония, способная обеспечить себя. Они планировали снарядить корабль побольше, чтобы забрать тех, кто пожелает вернуться, но предполагалось, что кое-кто захочет остаться на Марсе насовсем. Так оно примерно и получилось, однако путь Гроссарта был трудным абсолютно во всем, как и ожидалось: одних только кризисных моментов хватило бы, чтобы подвести этого человека к грани безумия и, вероятно, даже толкнуть за эту грань.

Тут, как мне кажется, все зависит от того, что вы подразумеваете под психическим здоровьем.

Гроссарт продолжал:

– Знаете, что беспокоило бы меня больше? Планета, которая слишком серьезно относится к своему прошлому. Это означало бы, что нам не удалось привезти с собой кое-что человеческое.

– Что именно? Необъяснимую склонность производить и потреблять безвкусные безделушки для туристов?

– Да, что-то в этом роде.

Тут он приложил к лицу аляповатую пластмассовую маску, и передо мной вдруг предстал тот человек, которого я надеялась встретить в «Ленинцах»: молодой Джим Гроссарт.

– Кажется, здесь вам не о чем беспокоиться, – заметила я.

Гроссарт положил маску в ящик, к сотням других, как раз в тот момент, когда продавец начал недобро коситься на нас.

– Да, думаю, не о чем. А теперь... – Он расплылся в улыбке и потер руки. – Вы ведь знаете, что я собираюсь вам предложить?

Он смотрел сквозь витрину на стартовую площадку дайверов.

Полагаю, на юридическом языке это называется шантажом. Я хотела рассказа (или хотя бы объяснения того, почему Гроссарт связался со мной после стольких лет), а он хотел совершить большой прыжок. Более того, он хотел прыгнуть в связке с кем-нибудь.

– Послушайте, – начала я, – если это так важно, может, вы просто прыгнете, а я посмотрю на вас снизу? Или прямо отсюда?

– А что, если я решу снова исчезнуть? Вы же проклянете себя за то, что позволили мне уйти прямо из-под носа?

– Весьма вероятно. Но по меньшей мере у меня останется понимание того, что я не согласилась на немыслимую глупость.

Мы уже стояли в очереди за беличьими костюмами.

– Да, – сказал он. – Но ведь еще вам придется жить с пониманием того – когда вы начнете работать над статьей, а я знаю, вы начнете, – что вы не сможете включить в текст эпизод, где совершаете большой прыжок с капитаном Джимом Гроссартом.

Я холодно взглянула на него:

– Негодяй!

Однако он был прав: личные страхи – это одно, а испорченный сюжет – совсем другое.

– Но теперь это не важно.

– Просто скажите: вы знаете, что делаете, правда?

– Ну разумеется, знаю. До некоторой степени.

Нам выдали костюмы белок-летяг. Первым делом требовалось надеть дыхательное оборудование и средства связи. Запаса воздуха в каждом костюме хватало на несколько минут, однако этого было достаточно. Сами костюмы представляли собой грязно-коричневые комбинезоны в обтяжку, с мягкой подкладкой и светящимися рекламными лозунгами. Беличьими они назывались из-за складок эластичной ткани, вшитой между руками и ногами, наподобие кожных складок у белки-летяги, – этой ткани хватало, чтобы удвоить площадь поверхности вашего тела во время падения. Мой комбинезон был всего лишь скромно укреплен на груди и животе, зато у Гроссарта имелась защитная прокладка в пятнадцать сантиметров толщиной. Мы надели шлемы, опустили смотровые щитки и подтвердили, что связь работает.

– Я вас вовсе не заставляю, – заявил Гроссарт.

– Нет, вы лишь играете на том, что я продажная скотина, готовая почти на все ради сюжета. Давайте просто опустим это, хорошо?

Мы протиснулись через шлюзовую камеру, которая вела к площадке для прыжков. Город Страта возносился вокруг нас на сотни метров: здания прижимались друг к другу настолько плотно, насколько позволяла конфигурация стен. Между постройками покрупнее извивались змеями герметизированные переходы; шахты лифтов и лестничные пролеты соединяли уровни города. Прямо над нами, взгроможденные на край каньона, сверкали неоновыми вывесками на фоне ранних сумерек несколько больших гостиничных комплексов: «Хилтон», «Холидей инн», «Лучшая марсианская гостиница».

Затем – понимая, что это, вероятно, не лучшая идея, – я посмотрела под ноги. Город под нами спускался на несколько километров, прежде чем перейти в гладкую и голую стену каньона, которая продолжалась еще ниже, и от этого зрелища ком подкатывал к горлу. Долина Маринер была глубочайшим каньоном на Марсе, и сейчас, когда нижние участки скрывались в тени, я видела на дне только собранные в кучку крошечные брызги далеких огней.

– Ради бога, Джим, надеюсь, вы знаете, что делаете.

На конце платформы распорядитель соединил нас в пару, поставив меня позади Гроссарта. Ноги у меня были связаны, руки неудобно зафиксированы по бокам, и я превратилась в объемный груз за спиной моего спутника.

Другой распорядитель отсоединил наши воздухопроводные трубки от устройства в платформе, и теперь мы дышали через костюмную систему. А потом прошаркали вперед и стали дожидаться своей очереди.

Я спрашивала себя, что я делаю. Я познакомилась в баре с человеком, давшим несколько правдоподобных ответов по поводу первой высадки, но у меня нет ни единого доказательства, что я действительно имею дело с Джимом Гроссартом. Может, когда меня отскребут от дна каньона, выяснится, что это просто местный псих, заранее все спланировавший.

– Мисс? – произнес он, когда мы подтащились к самому краю.

– Что такое?

– Наверное, вам стоит узнать это сейчас. Я не Джим Гроссарт.

– Нет?

– Нет. Я командир корабля Мануэл д’Оливейра. Но разве вы предпочли бы кого-нибудь другого для большого прыжка?

Я подумала о том, что ждет впереди – бабочки в животе уже выделяли фигуры высшего пилотажа, – и решила, что он, наверное, сказал правду. Д’Оливейра был пилотом «Гидры»,

тем человеком, который спустил крохотный посадочный модуль, хотя аэродинамический тормоз был сорван взрывом, случившимся посреди полета. То была не хрестоматийная посадка, но с учетом альтернативы – стать интересным новым пятном в долине Аргира – д’Оливейра справился очень даже неплохо.

– Вы отлично справитесь, командир.

– Зовите меня Мануэлом, пожалуйста. – Он говорил на американском английском почти безупречно, но с легким романским акцентом. – Скажите, как вы поладили с Джимом?

– О, отлично. Он мне понравился. Разумеется, за исключением того, что он все время поминал какого-то покойника по имени Элвис.

– Да. Простите ему эту маленькую слабость. Учитывая все обстоятельства, он не так уж плох. Думаю, нам мог бы достаться капитан и похуже. Джим объединял нас. И до сих пор объединяет. Кажется, уже наша очередь. Вы готовы, мисс...

– Кэрри Клэй. – Было странно представляться заново, но промолчать казалось невежливым. – Да, я готова.

Мы сделали шаг вперед и прыгнули в отверстие в центре платформы. Я посмотрела наверх – хотя меня привязали к д’Оливейре, поворачивать голову я все же могла – и увидела, как кольцо платформы уменьшается вдалеке. Всего два удара сердца – и мы пронеслись мимо яруса с «Ленивцами», а потом полетели еще быстрее. Ощущение невесомости, конечно, не было для меня совсем уж новым, но это вполне компенсировалось осознанием все нарастающей скорости и близости проносившейся мимо городской стены.

– В этом, разумеется, весь фокус. – Д’Оливейра развернул нас животом вниз, раскинув руки и ноги. – У большинства кишка тонка, чтобы держаться так близко к городской стене.

– Да неужели?

– Но отказываться от этого – большая ошибка, – заявил д’Оливейра. – Если хорошо знаешь город, можно лететь вот так близко, и все будет отлично. Главный просчет в том, чтобы отлетать слишком далеко.

– Действительно.

– Ну да. Непростительная ошибка. – Он помолчал. – Гм... Ничего не замечаете? Мы не ускоряемся. Вы снова обрели вес.

– Как глупо с моей стороны. Я... не заметила.

– Через сорок пять секунд достигается равновесная скорость. Пролетели уже четыре километра, но вы бы даже не догадались, верно?

Теперь мы падали в узкий вертикальный каньон, где с двух сторон нас обступали строения, а с третьей – скала. Д’Оливейра принялся читать мне лекцию о равновесной скорости, которая была бы очень интересна в другое время: о том, как нефтеперегонные заводы нарастили атмосферное давление на Марсе примерно до пяти процентов от земной нормы и этого – воздух не сделался достаточно плотным или теплым, чтобы им дышать, – хватило, чтобы человек в беличьем костюме не падал, словно камень, даже если равновесная скорость все-таки составляла одну шестую километра в секунду, отчего волосы вставали дыбом.

Это было кстати примерно так же, как лекция по анатомии человека на помосте гильотины.

Я снова посмотрела вниз и увидела, что мы приближаемся к последним ярусам на окраине города. Однако стена каньона казалась такой же высокой, как и раньше, а огни на дне – такими же далекими.

– Вам ведь известно, как появился этот город? – спросил д’Оливейра.

– Нет... но вы... сейчас... расскажете мне... как пить дать.

– Все началось с геологов, вскоре после беспорядков. – Он немного скорректировал наше положение и изменил угол атаки, так что мы теперь неслись почти вниз головой. – Они искали окаменелости в горных породах. Восьми километров отвесной стены им было мало, поэтому

они углубили основание каньона еще на два-три километра, затем покрыли всю вертикальную плоскость строительными лесами. Понаставили прямо на лесах камералки и жилые модули, чтобы не тратить время, мотаясь вверх и вниз.

Громада здания пронеслась мимо так близко, что его можно было потрогать – во всяком случае, так казалось, – а затем мы полетели вдоль шершавой скалы, из которой кое-где торчали редкие постройки.

– И вот наконец обнаружили останки древних ленивцев, здесь, на Марсе, но в другом месте. Геологи никак не хотели этого пропустить и сорвались с места, побросав все оборудование, только пятки сверкали. – Стараниями д’Оливейры мы обогнули похожий на палец скальный выступ, который иначе проткнул бы нас насквозь. – Когда они вернулись, строительные леса уже были незаконно захвачены. В основном молодежью, скалолазами и бейсджамперами, охочими до новых ощущений. Потом кто-то открыл здесь бар, и не успел никто и глазом моргнуть, как место стало центровым. – Последнее слово он произнес с изрядным отвращением. – Но полагаю, для туристов это не так уж плохо.

– Джим, кажется, ничего не имеет против?

– Нет, но он – не я. Я тоже ничего не имею против того, что мы прибыли сюда, и против того, что люди потянулись за нами. Но разве их должно быть так много?

– Вы ведь не можете нормировать жизнь планеты.

– Я и не хочу. Но когда-то добраться сюда было трудно. Месяцы пути в стесненных условиях. Сколько времени заняло это путешествие у вас, мисс Клэй?

– Пять дней на «Гайавате». – Говорить теперь стало легче: то, что еще несколько секунд назад было ужасом, переродилось в нечто сродни удовольствию. – И я не сказала бы, что условия там стесненные. Можно поспорить насчет декора прогулочной палубы, но если не считать этого...

– Я знаю. Видел припаркованные вокруг Марса туристские лайнеры, сверкающие огнями в ночном небе.

– Но если бы вы не прилетели на Марс, мы никогда бы не обнаружили окаменелых ленивцев, Мануэл. А ведь именно эти фоссилии подсказали, как добираться с Земли на Марс за пять дней. Нельзя же получить и то и другое.

– Я понимаю. И я очарован ленивцами, как никто другой. Просто... неужели обязательно узнавать так много и так скоро?

– Ну, лучше бы вам к этому привыкнуть. Поговаривают, между прочим, о строительстве звездного корабля, который будет лететь гораздо быстрее, чем мы можем себе представить.

Поверхность скалы сделалась теперь более гладкой – на самом деле было трудно оценить скорость падения, – и огоньки на дне каньона больше не казались бесконечно далекими.

– Да, я слышал об этом. Иногда мне даже кажется, что я бы с удовольствием...

– Что, Мануэл?

– Держитесь. Похоже, нам пора тормозить.

Существовало всего два традиционных способа затормозить в большом прыжке: один, менее профессиональный, заключался в том, чтобы шлепнуться о поверхность. Другой, более сложный, основывался на том факте, что нижняя часть стены каньона слегка отклонялась от вертикали. Суть была в том, чтобы падать, пока не начнешь скрести по стене под ничтожно малым углом скольжения, а затем использовать трение для уменьшения скорости. Еще ниже стена загибалась, переходя в дно каньона, и, если сделать все правильно, вы попросту катились по ней и останавливались сами, без значительных травм. Звучало просто, однако на деле все было – как сказал мне д’Оливейра – не просто. Главная проблема состояла в том, что люди обычно боялись оставаться слишком близко к стремительно проносящейся мимо стене, когда она становилась гладкой. Не стоит их за это винить: тут нужны железные нервы и точное знание того, когда можно безопасно упасть. Но если держаться слишком далеко от стены каньона,

оттягивая момент встречи с нею, получишь не легкий поцелуй, а хорошее столкновение на высокой скорости под неправильным углом.

Зато, уверил меня д'Оливейра, пока дайверы держатся на расстоянии, вид оттуда лучше.

Он деликатно подвел нас к встрече со стеной, и мы понеслись головой вниз. А затем он использовал в качестве тормоза подкладку пятнадцатисантиметровой толщины на передней части своего костюма; и мы покатались, словно на санках, по почти вертикальному склону. Нижняя часть стены была гладкой – тысячи дайверов до нас отполировали ее до идеального зеркала.

Когда все закончилось – когда мы совершили лишенную достоинства, зато обошедшуюся без увечий остановку, – распорядители вывели нас из опасной зоны. Первым делом они распустили ремни, чтобы мы могли двигаться поодиночке. Ноги у меня тряслись, словно желе.

– Ну как? – спросил д'Оливейра.

– Должна признать, что все в порядке. И это было довольно захватывающе. Я даже подумываю...

– Великолепно. Тут есть лифт, который отвезет нас обратно...

– А вообще-то покажите мне, где здесь наливают что покрепче.

Я могла не волноваться: д'Оливейра был рад отложить следующий прыжок. Он заверил меня, что на дне каньона имеется бар с хорошим ассортиментом. Но мы все же задержались ненадолго, глядя вверх, на эту невероятную скальную стену, где далеко над нами мерцали огни Страта-Сити. Город казался огромным, когда я была там, и лишь немногим меньше, когда мы пролетали мимо, зато теперь стал крошечным: тонюсенькая ниточка человеческого присутствия на монументальном полотне каньонной стены.

Д'Оливейра опустил руку мне на предплечье:

– Что-то случилось?

– Просто задумалась. Ничего особенного.

– Дурная привычка. – Он похлопал меня по спине. – Сейчас мы достанем для вас выпивку.

Примерно час спустя мы с д'Оливейрой сидели в купе поезда, направлявшегося из Страта-Сити.

– Можно бы съездить куда-нибудь еще, – сказала я, пока мы сидели в баре. – В конце концов, еще рано, и мои внутренние часы до сих пор показывают полдень.

– Уже надоел Страта-Сити?

– Ничего подобного, нет, но другое место хорошо оттенило бы его. – Я допивала водку, чувствуя, как пылают щеки. – Как вы понимаете, я собираюсь описать нашу встречу.

– Почему бы нет? – Он пожал плечами. – Джим ведь поделился с вами своим мнением о Марсе, так что я тоже имею право.

– Кое-что вы уже рассказали.

Он кивнул:

– Да я могу всю ночь проболтать, если позволите. Слушайте, а не сесть ли нам на поезд до Голомбека?

– Это не так уж далеко, – согласилась я после минутного размышления. – Но вам ведь известно, что там находится?

– Для меня это не проблема, мисс Клэй. И я вообще предложил Голомбек по другой причине. Там недавно открыли для широкой публики пещеру ленивцев. Честно говоря, мне еще не доводилось ее видеть, но очень бы хотелось.

Я пожала плечами:

– А для чего еще придуман счет на представительские расходы, если не опустошать его?

И вот мы спустились на лифте на дно каньона и сели в первый же поезд до Голомбака. Экспресс понесся по плавным холмам марсианской пустыни, пролетая над каньонами по элегантным белым мостам, выращенным из строительной кости. Было темно, пейзаж оставался непроницаемо-черным, если не считать далеких огней поселений и широких, приземистых силуэтов нефтеперерабатывающих заводов.

– Кажется, я теперь понимаю, – начала я, – почему вы связались со мной.

Человек, сидевший напротив, пожал плечами:

– На самом деле это был не я. Это был Джим.

– Ну да, вероятно. Но суть не в этом. Настало время быть услышанным, верно? Время, чтобы восстановить истину. В этом беда исчезновений – люди могут приписывать вам слова, с которыми вы не всегда согласны.

Он кивнул:

– Нас использовали всевозможные группировки, защищая то полную эвакуацию людей с Марса, то создание на нем океанов километровой глубины. И все это чушь собачья, все ложь.

– Но вы ведь, кажется, и друг с другом не были согласны.

– Да, но... – Он умолк. – Мы могли не соглашаться, но это, по крайней мере, было по-настоящему – наши мысли, а не выдумка для оправдания чужих планов. Это, по крайней мере, подлинная история.

– А если подлинная история оказывается не совсем ровной и гладкой?

– Все равно это правда.

Разумеется, он был весьма похож на Джима Гроссарта. Но я не стала бы утверждать, что они с ним выглядели одинаково: д'Оливейра как будто жил в том же обличье совсем по-другому, придавая лицевым мышцам свое собственное выражение. И держался он иначе – в нем угадывалась военная выправка.

Даже к тому времени, когда я закончила статью – с момента высадки прошло больше восьмидесяти лет, – никто так и не понял толком, что же случилось с капитаном Джимом Гроссартом. Все сходилось лишь в главном: Гроссарт был нормальным, когда покидал Землю в качестве единственного участника экспедиции на Марс.

Может быть, причиной стал несчастный случай, взрыв в дальнем космосе, который повредил на «Гидре» щиты аэроторможения. Взрыв также привел к временной потере связи, длившейся несколько недель, и лишь когда антенна заработала снова, все удостоверились, что Гроссарт выжил. В следующие несколько дней, когда он начал отсылать сообщения домой, картина понемногу прояснилась. Джим Гроссарт помешался, распался на три личности. Сам Гроссарт был только одной третью от целого, и в его голове поселились еще два, совершенно новых и полностью вымышленных «я». Каждому досталась часть знаний и навыков Гроссарта: д'Оливейра унаследовал способности пилота, а Тричлер превратился в специалиста по марсианской физике и геологии. И – из опасения еще больше повредить человеку, который уже и так перешагнул черту, – сотрудники Центра управления полетами на Земле подыгрывали ему. Должно быть, надеялись, что он восстановится после кризиса – возможно, когда «Гидра» благополучно сядет.

Но этого так и не произошло.

– Вы хоть изредка думаете о том, как все было раньше? – спросила я, сознавая, что ступаю на опасную почву.

– Раньше чего?

– Полета сюда.

Он покачал головой:

– Боюсь, я не из тех, кто живет прошлым.

Голомбек был сверкающим, пестрым скоплением куполов, башен и соединительных труб – куча елочных игрушек, переложенных мишурой. Поезд нырнул в тоннель, затем вынырнул из него и оказался в суматошном подземном торговом центре. Мы вышли и примерно час неторопливо бродили по торговым галереям, прежде чем зайти в тематический бар «Пилигримы». Пол здесь был покрыт фальшивой пылью, а чудовищно дорогие напитки подвозили поставленные на шесть колес пиратские корабли с плоскими палубами, которые то и дело терпели крушение. В итоге платить пришлось мне – как и за билеты на поезд, – но я не возражала. Д’Оливейра, или Гроссарт, или кем он там себя воображал, явно не мог швыряться деньгами. Должно быть, он был почти невидимым элементом марсианской экономики.

– Вы ведь до того сказали мне правду? – спросила я, пока мы катились в вагоне к пещере ленивцев. – Насчет того, что вы, как никто другой, зачарованы инопланетянами.

– Да. Даже если остальные иногда называют меня придурковатым мистиком. Для Джима они просто мертвые инопланетяне, полезный источник новых технологий, не более того. Я же считаю, что все это гораздо глубже, что нам предназначено было их найти, предназначено было зайти так далеко, а затем продолжить поиски, пусть даже кто-то из нас покинет Марс навсегда... – Он улыбнулся. – Может, я просто переслушал их музыки во время больших прыжков.

– А что думает о них Брэд Тричлер?

Он несколько мгновений молчал.

– Брэд не разделяет моего мнения.

– И до какой степени?

– До такой степени, что считает реликты чашей с ядом. До такой степени, что сомневается, стоило ли нам вообще прилетать на Марс.

– Радикальная точка зрения для того, кто рисковал жизнью, стремясь сюда.

– Я понимаю. И спешу заметить, я ее не разделяю.

Я сделала попытку разрядить обстановку:

– Рада это слышать. Если бы вы не прилетели на Марс, не было бы у меня большого прыжка и пришлось бы искать другой способ испугаться до чертиков.

– Да, в первый раз действительно бывает страшно.

– А во второй?

– В большинстве случаев еще хуже. Зато в третий...

– Сомневаюсь, что будет третий, Мануэл.

– Даже если потом хлопнуть водки?

– Даже так.

К этой минуте мы уже подъехали к пещере, настоящей пещере, которую перевезли из другого места, старательно разобрав и вновь собрав. Вероятнее всего, изначально она располагалась под одним из акведуков и была бы затоплена через несколько лет после начала разработки полярных льдов.

Внутри все казалось чересчур знакомым, до странности. Я то и дело напоминала себе, что это настоящие пещеры ленивцев, настоящие изделия ленивцев и настоящие наскальные росписи; что ленивцы действительно жили в этой норе. И все-таки часть моего разума продолжала настаивать, что это место немногим лучше средненького музейного макета или элитного, но все же китчеватого тематического ресторана, например тех же «Ленивцев», просто декор получше.

Вот только ленивцы действительно здесь обитали. В отличие от всех макетов, какие мне приходилось видеть, тут, например, не было пола. Мысль о поле никогда не приходила в их косматые головы, стены сливались друг с другом, образуя перевернутый пещерный свод. Предположительно, они эволюционировали на густо покрытой лесами планете, где ужасные хищники, как правило, обитали внизу, на земле. Должно быть, ленивцы спустились с деревьев в какой-то момент – они не превратились бы в высокоразвитую цивилизацию, целыми днями

просиживая задницу на ветвях, – однако неприязнь к земле, похоже, сохранилась в генетической памяти. Как мы, люди, до сих пор боимся темноты, так и ленивцы не любили бывать на земле, просто свисая сверху.

Все это было очень интересно, я с радостью провела бы здесь много часов, но только не за один визит. Мы два часа подряд со школьным восторгом застывали перед каждым экспонатом, и на ближайшие пару недель я по горло насытилась мохнатыми инопланетянами о шести конечностях.

Мы договорились встретиться в сувенирной лавке рядом с пещерой. Я купила скромную футболку, изящно украшенную орнаментом ленивцев и словами: «Пещера ленивцев. Голомбек. Марс», стилизованными под надписи ленивцев, – выглядело похоже, если вы специалист по ксенолингвистике.

– Что ж, – произнесла я, начиная ощущать легкие признаки усталости, – это было весело. Что дальше?

– Посадочный модуль недалеко отсюда, – сказал д’Оливейра. – Можем взглянуть, если хотите.

Зря я его не отговорила.

Все складывалось очень хорошо, д’Оливейра и остальные изъяснялись, словно три отдельные личности, однако этому красноречиво противоречил крохотный посадочный модуль. Что-нибудь непременно должно было случиться, но я вряд ли могла написать статью, не коснувшись проблемы одноместного посадочного модуля.

Более того, д’Оливейра, кажется, тоже этого хотел.

В очередном вагоне мы добрались до окраины Голомбека. Этот город был первым портом захода для кораблей из космоса и поэтому в любое время суток кишел вновь прибывшими путешественниками с покрасневшими глазами. Большинство магазинов, баров и ресторанов работали круглосуточно, что тоже притягивало туристов. Из всех здешних достопримечательностей «Гидра» была, безусловно, самой старой. Когда-то – задолго до моего рождения – экскурсии действительно выезжали из Голомбека к месту посадки модуля, но это осталось в прошлом. Гора пришла к Магомету: городские окраины со всех сторон вплотную подступали к кораблю.

Мы с д’Оливейрой немного задержались в герметизированной смотровой галерее. По обеим сторонам от нас раскинулся подковообразный город, занимавший половину квадратного километра марсианской поверхности. Посадочный модуль находился посередине: крохотный, перекошенный серебристый конус впечатлял меньше модели, что содержалась внутри пресс-папье, которое показывал мне Джим. Я взглянула на других посетителей и отметила, что они с трудом скрывают свое разочарование. И я не стала бы их за это винить – я помнила, что ощущала сама, когда впервые увидела «Гидру».

«И это все?»

Но теперь я старше и впечатления совсем иные. Да, модуль крошечный; да, у него такой вид, словно он вряд ли переживет очередную пылевую бурю, – но в этом-то и суть. Будь модуль посолиднее, достижение Джима Гроссарта не было бы и вполнину таким великим.

– Хотите взглянуть поближе? – спросила я наконец.

– Вспомнить старые добрые времена?.. Почему бы нет?

Я, конечно, должна была догадаться: его голос прозвучал как-то иначе.

Мы выбрались из галереи на уровень поверхности. Народ стоял в очереди на роботоправляемые автобусы, которые катились по запрограммированному маршруту вокруг места высадки, – точно так же было в моем детстве.

– Необязательно ехать, – сказал он. – Можно взять напрокат скафандр и пройти пешком, если хотите.

– До самого модуля?

– Нет, к самому модулю не пустят. Но все равно мы подберемся гораздо ближе, чем на автобусе.

Я посмотрела на площадку и увидела, что там бродят три человека в скафандрах песочного цвета. Один фотографировал остальных на фоне посадочного модуля, явно пытаясь сделать кадр, куда не попали бы городские постройки. Мой спутник был прав: люди в скафандрах находились гораздо ближе к модулю, чем проезжавшие автобусы, но все равно до него оставалось метров сорок или пятьдесят, и никто из этих людей, кажется, не испытывал желания подойти вплотную.

Большинство туристов не могли заморачиваться с арендой скафандров, поэтому мы быстро получили амуницию.

– Кажется, здесь только два размера, – проворчала я, пока мы ждали в шлюзовой камере. – Слишком маленький и слишком большой.

Он взглянул на меня без тени веселости:

– Этого достаточно.

Тут меня осенило.

– Разумеется, Брэд.

Мы вышли наружу. Над головой было темно, зато место посадки освещалось ярко, как днем, почти лишенное теней. Посадочный модуль стоял в двухстах метрах от нас, окруженный коллекцией грузовых модулей, марсоходов, научной аппаратуры и систем жизнеобеспечения. Он смахивал на потрепанный за многие века кельтский крест, окруженный чуть менее сакральными камнями.

– Что ж, Брэд, – произнесла я. – Я много о вас слышала.

– Знаю, что слышали.

– Знаете?

Мы побрели по песку цвета ржавчины.

– Я знаю, что обо мне рассказывают Гроссарт и д'Оливейра, так что не утруждайтесь.

– Что они рассказывают? Вы были не так уверены в необходимости путешествия на Марс? Но это трудно назвать нападками. Каждый имеет право на личное мнение.

Даже на три сразу, подумала я про себя.

– Они правы, несомненно: думаю, что нам не следовало сюда стремиться, – но если бы они говорили только это...

Он умолк, когда мимо нас проехал автобус со стеклянным корпусом, плавно скользящий на широких шинах по рыхлой пыли. Автобус был набит туристами, однако некоторые из них, кажется, больше интересовались своими бутербродами, а не «Гидрой».

– О чем еще они говорят, Брэд?

– Вы же наверняка знаете, так к чему притворяться?

– На самом деле я не уверена...

– Да о взрыве же, черт побери! О том самом, случившемся на середине пути. О том, который едва не сорвал нам посадку. Говорят, это я его устроил: пытался саботировать миссию.

– Вообще-то, они почти не упоминали о нем, то есть совсем не упоминали.

– О, вы добры, я признаю это.

– Знаю, но я сейчас о другом. Вы ведь никак не могли саботировать миссию... – Но я умолкла, потому что мой довод означал только одно: «Вас тогда не существовало, как не существует и теперь. Джим Гроссарт тогда был одним человеком, был...» И я неуклюже закончила:

– Даже если бы вы передумали, не стали бы устраивать ничего подобного.

– Не стал бы. – Голос его теперь звучал мягче, почти доверительно. – Но наверное, стоило бы.

– Не могу согласиться. Марс не был дикой, нетронутой пустыней, когда мы, люди, прилетели, Брэд. Он был ничем: прискорбно пустой и стерильно-чистый холст. Мы ничего не разрушили, ничего не испортили.

Он остановился и огляделся по сторонам, задержав взгляд на многоярусных галереях города, вздымавшегося над нами, словно замерзшая волна.

– Вы называете это достижением?

– По сравнению с ничем? Да.

– А я называю это осквернением.

– Господи, мы здесь всего сто лет. Это наш первый набросок жизни на Марсе. Что с того, что он не лучший из всех возможных? У нас еще будет время улучшить его.

Несколько секунд он не отвечал.

– Вы говорите так, словно согласны с Джимом Гроссартом.

– Нет, я могу прожить без многого, чем так дорожит Джим, поверьте. Возможно, если на то пошло, мне ближе Мануэл д’Оливейра.

Мы снова тронулись с места, приближаясь к площадке с посадочным модулем.

– Этот придурковатый мистик?

– Пусть мистик, пусть придурковатый, зато он, без сомнения, знает, как совершать большой прыжок. – Я помолчала, недоумевая: с чего это я выражаю один аспект его личности перед другим? Но д’Оливейра казался таким же реальным, как и любой знакомый мне человек, и так же заслуживающим моей преданности. – К тому же он прав: отказ от миссии на Марс стал бы величайшей ошибкой человечества. И я тоже имею в виду не только фоссилии. Они еще откроют для нас несколько новых дверей, но даже если бы мы прибыли сюда и нашли одну пыль, то все равно поступили бы правильно. Вся разница в том, что Марс дает нам свободу выбора – пространство, чтобы совершать ошибки.

– Нет, – сказал он. – Мы уже совершили громадную ошибку. А я мог бы ее предотвратить.

Теперь мы были недалеко от посадочного модуля, метрах в сорока с небольшим, но я заметила, что остальные туристы не подходят ближе. Шагая бок о бок, мы еще немного приблизились к центру площадки, и тут костюмы предупредили нас, что дальше путь закрыт: на гермошлеме замигали лампочки, в наушниках зазвучал мягкий, но настойчивый голос. Я почувствовала, как мой скафандр немного задубел, – следующий шаг дался с трудом.

– Так заявите об этом вслух, – произнесла я решительно. – Выйдите из подполья. Расскажите всем, что вы думаете. Обещаю, вас услышат. Никто другой не способен смотреть так широко, как вы.

В этом-то и проблема. Выходит, слишком уж широко.

Теперь мы стояли довольно близко к модулю. Должно быть, моему спутнику было трудно и дальше убеждать себя, что в аппарате могли спуститься трое. Я ждала этого момента со страхом, но и с нетерпением, чувствуя мурашки, бегущие по спине, предвкушая дальнейшее.

– Я сделаю так, чтобы вас выслушали, Брэд. Ведь для этого Джим и связался со мной, правда? Чтобы люди услышали его историю, узнали о его взглядах на Марс? И разве он не имел в виду, что все вы сможете высказаться?

– Нет. – Он начал теребить застежку гермошлема. – Потому что с вами связался вовсе не Джим, а я. Джима Гроссарта не существует в реальности, неужели вы не понимаете? Всегда был только я. – Он кивнул головой на модуль, продолжая сражаться со шлемом. – Надеюсь, вы не считаете меня дураком?

Я попыталась отвести его руки от разъемного кольца скафандра.

– Что вы делаете? – прокричала я.

– То, что всегда собирался сделать. У меня ушло семнадцать лет на то, чтобы набраться храбрости.

– Не понимаю.

– Слова теперь уже ничего не исправят. Марсу нужно кое-что покруче. Ему требуется мученик.

– Нет!

Я боролась с ним, но он был гораздо сильнее. В том движении, которым он оттолкнул меня, не ощущалось намеренной жестокости – он сделал все настолько деликатно, насколько позволяли обстоятельства, – но в итоге я осталась лежать в пыли на спине, глядя, как он снимает шлем и делает последний глубокий вдох, впуская в легкие разреженный, холодный воздух Марса.

Он сделал несколько шагов по направлению к модулю – кожа приобретала синюшный оттенок, глаза стекленели, – а затем пошатнулся и вскинул руку, потянувшись пальцами к «Гидре». Потом скафандр, должно быть, одеревенел, лишив его возможности двигаться.

Он стал похож на статую, простоявшую здесь много лет.

Это просто невозможно, повторяла я себе. Должны же здесь быть спасатели, которые не позволяют вытворять подобное, и не только в неподходящей для дыхания атмосфере; должны быть строгие правила, гарантирующие, что прокатные скафандры проверяются и перепроверяются на соответствие; должна быть двойная и тройная защитная система.

Но, подозреваю, те скафандры, которые нам дали, не дотягивали до столь высоких стандартов.

Он умер, однако сейчас это значит даже меньше, чем значило давным-давно. Его достаточно быстро затащили внутрь, и хотя он сильно пострадал от марсианской атмосферы, хотя обнаружились обширные неврологические повреждения, все можно было бы исправить, имея время и – что гораздо важнее – деньги.

– Кстати, кто этот старик? – спросили меня врачи, после того как я договорилась со своей компанией об оплате медицинских услуг, независимо от того, сколько времени потребуется.

Об этом, к слову сказать, пришлось поспорить, особенно после того, как я заявила, что статьи пока не будет.

– Не знаю, – ответила я. – Он так и не назвал своего имени, но был очень интересным собеседником.

Медик улыбнулся:

– Мы проверили генную карту, однако старикана нет ни в каких списках. Конечно, это ничего не значит.

– Верно. Многие люди с криминальным прошлым исчезли за время беспорядков.

– Точно, – сказал медик, уже утратив интерес к теме.

Врачи продолжали называть его стариком, но я поняла причину, как только увидела лежащее в коме тело. Он действительно выглядел гораздо старше, чем казался мне в любом из трех своих воплощений, словно даже соответствие среднему возрасту было иллюзией.

Кома была глубокой, операции по восстановлению мозга проводились медленно и скрупулезно. Поначалу я внимательно следила за успехами, справлялась о нем каждую неделю, затем каждый месяц. Но ничего не происходило: он так и не выказывал признаков выздоровления, и все традиционные методы, способные вернуть разум к жизни, не приводили к успеху. Медики снова и снова предлагали, как они это называли, «назначить день», однако до тех пор, пока от моей компании поступали средства, были не против тратить время впустую.

Я справлялась о его состоянии каждые полгода, затем, кажется, раз в год.

А жизнь, конечно, продолжалась. Я никак не могла придумать достойное завершение этой истории – во всяком случае, пока главный герой остается в коме, – поэтому статья просто лежала в столе и я занималась другими темами. Некоторые были довольно важными, и спустя какое-то время я отправила историю Джима Гроссарта в нижний ящик стола: выстрел наугад,

который не достиг цели. И даже начала сомневаться, встречалась ли с ним вообще. А после этого оставалось только окончательно забыть о нем.

Сомневаюсь, что вспоминала его хоть на мгновение за последние два или три года.

До сегодняшнего дня.

Время от времени я заглядываю в кафе «Ленивцы». Теперь это довольно популярное среди журналистов заведение, место, где можно уловить отголоски слухов раньше остальной стаи.

И он был там, сидел, глядя на дайверов, примерно у того же окна, где и Джим Гроссарт десятью годами раньше. Я увидела выражение его лица, отраженного в стекле: спокойное, критически-беспристрастное, словно у судьи на крупном спортивном состязании.

Лицо молодого человека, которого я узнала, хотя и видела только на фотографиях.

Я долго смотрела на него. Может, это был просто генетический выверт, в результате которого появился человек, похожий на Джима Гроссарта в молодости, но я сомневалась. Дело было в том, как он сидел, в его застывшей, слегка официальной манере держаться. Вот только это не Джим, правда?

Мануэл д'Оливейра.

Я слишком долго смотрела на него, мой взгляд привлек его внимание, и вот мы уже изучали отражения друг друга через весь зал. Он не повернул головы от окна, но спустя несколько мгновений улыбнулся и кивнул.

Бар в тот вечер был полон, и передо мной колыхалось море людей, перекрывая обзор.

Когда они расступились, столик был пуст.

На следующий день я связалась с больницей – прошло уже два года с тех пор, как я делала это в последний раз, – и мне сообщили, что старик наконец-то пришел в сознание. В нем не было ничего необычного, сказали мне, никаких отклонений в психике.

– И что было потом? – спросила я.

– Денег хватило на самые простые омолаживающие процедуры, – ответил врач, будто восстановление молодости было делом настолько же сложным – и примерно таким же интересным, – как наложение шины на сломанную конечность.

И бывший пациент, разумеется, не оставил для меня никаких контактов.

Я понимаю, что в баре мог быть и не он, не Джим Гроссарт, с которым я встречалась: молодой человек из «Ленивцев» мог обладать тем же набором генов, дающих невыразительное и миловидное лицо.

Но оставалось кое-что еще.

Старик вышел из комы за полтора года до той встречи в баре, а омолодили его вскоре после того, как он очнулся. Возможно, это ничего бы не значило, если бы в тот вечер, когда я увидела его, не произошло еще одно событие. Событие, подтверждавшее наверняка, что там был Мануэл д'Оливейра. В тот вечер с орбиты Марса стартовал звездный корабль, тот самый, который строился последние пять лет, тот самый, который отправился через всю Галактику на поиски ленивцев.

Этот корабль носил имя «Капитан Джеймс Гроссарт».

Мне приятно думать, что он отправлялся тогда на корабль. Я, конечно, просмотрела список пассажиров, но там не было ни Гроссарта, ни д'Оливейры, ни даже Триклера – однако это не значит, что там не было его. Он путешествует теперь под новым именем, даже не представляю под каким. Никто не узнает, кто он: просто молодой человек, который пожелал войти в команду звездного корабля, молодой человек, чей интерес к инопланетянам временами граничит с мистицизмом.

И он, отправляясь дальше, не смог отказать себе в удовольствии в последний раз взглянуть на дайверов.

Может быть, я не права; может быть, подсознание просто сыграло со мной шутку при виде лица незнакомца, обеспечивая финал, которого требовали мои журналистские инстинкты, но, с моей точки зрения, это почти не имеет значения. Ведь я хотела одного – найти завершение для этой истории.

Теперь ее можно поведать.

Переключаясь с рассказов на романы, ты избавляешься от многих проблем, но одновременно создаешь новые. Плюсы заключаются в том, что к тебе теперь обращаются и просят писать для них, и появляются новые рынки – если не распахнутые настежь, то по крайней мере теоретически доступные. Но вместе с тем в договоре-заказе на создание романа указан крайний срок, и ты совершенно внезапно обнаруживаешь, что теперь уже не до рассказов. И твоя плодовитость в нынешнем столетии совсем не та, что была в конце девяностых.

«Подлинная история» – одно из немногих произведений малой формы, написанных мною после двухтысячного года. Предназначавшееся для антологии Питера Краутера «Mars Probes», оно немало лет вызревало на задворках моего разума. А толчком послужил документальный телефильм о людях с расстройством множественной личности. Героиня рассказа, репортер-ас Кэрри Клэй, еще появится в повести «Голубой период Зимы» примерно через тысячу лет. Во Вселенной, где живет Кэрри, сверхсветовые путешествия не просто возможны, а легки, и, как мне кажется, это не самая неудобная Вселенная, особенно если сравнивать с некоторыми другими моими произведениями. Надеюсь когда-нибудь набрать историй о Кэрри на полноценный сборник. Хотя при нынешней скорости их написания – одна в четыре года – не рискну слишком уж обнадеживать читателей.

За Разломом Орла

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

– Почему ее? – спрашивает Грета.

– Потому что ее я хочу разбудить первой, – отвечаю, гадая, уж не ревнует ли Грета.

Я ее не виню – Сюзи не только очень красива, но еще и умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

– Что случилось? – спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. – Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться последними воспоминаниями.

– Таможня, – отвечает Сюзи. – Эти кретины на Архангеле.

– А потом? Что-нибудь еще? Руны? Ты помнишь, как вычисляла их?

– Нет. – Она что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать. – Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

– Да. Мы вернулись.

Сюзи смотрит на звездное небо, нарисованное на ее капсуле светящимися красками – фиолетовой и желтой. Она заказала это украшение на Кариллоне. Правилами такие художества запрещаются – якобы по той причине, что частички краски забивают воздушные фильтры. Сюзи на правила наплевать. Она мне сказала, что рисунок обошелся ей в недельное жалованье, но потраченные деньги стоили того, чтобы придать хоть немного индивидуальности серому «дизайну» корабля компании.

– Странно, мне почему-то кажется, что я провалялась в этом гробу несколько месяцев.

Я пожимаю плечами:

– Иногда и мне так кажется.

– Значит, все в порядке?

– В полном.

Сюзи смотрит на Грету:

– Тогда кто ты такая?

Грета не отвечает. Она лишь выжидающе глядит на меня. А меня бьет дрожь, и я понимаю, что не могу такого вынести. Пока не могу.

– Заканчивай, – бросаю я Грете.

Она делает шаг к Сюзи. Та замечает, но не успевает отреагировать. Грета выхватывает что-то из кармана и прикасается к руке Сюзи. Та мгновенно вырубается. Мы укладываем ее обратно в капсулу, заново подключаем и закрываем крышку.

– Она ничего не запомнит, – обещает Грета. – Разговор так и останется в ее кратковременной памяти.

– Кажется, я этого не переживу.

Грета касается моего плеча:

– Никто и не говорил, что будет легко.

– Я лишь пытаюсь осторожно ввести ее в ситуацию. Не хочу сразу открывать правду.

– Знаю. Ты добрый, Том.

И целует меня.

Я тоже помню Архангел. Именно там все и пошло наперекосяк. Просто мы тогда еще этого не знали.

Мы пропустили первое стартовое окно, когда таможенники обнаружили противоречие в нашей грузовой накладной. Не очень серьезное нарушение, но прошло немало времени,

прежде чем они сообразили, что ошиблись сами. А когда поняли, мы уже знали: предстоит ждать на планете еще восемь часов, пока диспетчерская отправит целый флот сухогрузов.

Я сообщил новость Сюзи и Рэю. Сюзи восприняла ее весьма положительно – или настолько положительно, насколько она всегда воспринимала подобные новости. Я предложил ей использовать вынужденную задержку с толком: отправиться в порт и посмотреть, есть ли там новые синтаксические «довески». Нечто такое, что сэкономило бы нам день-другой обратного пути.

– Лицензионные? – уточнила она.

– Мне все равно.

– А как насчет Рэя? – спросила Сюзи. – Он так и будет здесь сидеть и чаек попивать, пока я отрабатываю жалованье?

Я улыбнулся. Эта парочка вечно цапается между собой, балансируя на грани любви и ненависти.

– Нет, Рэй тоже может сделать кое-что полезное. Например, проверить ку-плоскости.

– Они в полном порядке, – возразил Рэй.

Я стянул потрепанную кепку с эмблемой «Ашанти индастриал», почесал лысину на макушке и повернулся к механику:

– Правильно. Тогда тебе не потребуется много времени на их проверку.

– Как скажете, кэп.

В Рэе мне нравится то, что он легко смиряется, когда проигрывает спор.

Он взял комплект инструментов и пошел осматривать плоскости. Я проследил, как он поднимается по лесенке на кран-балку с инструментами на поясе. Сюзи надела маску, длинный черный плащ и растаяла в окутывающем порт влажном тумане. Стук ее каблучков доносился еще долго после того, как она скрылась из виду.

Я вышел из «Синего гуся» и зашагал в противоположном направлении. Надо мной из тумана один за другим выныривали сухогрузы. Слышно их было задолго до появления – сквозь висящие над портом желтые облака пробивались скорбные низкие стоны, похожие на переключку китов. Когда корабли снижались, показывались темные корпуса, покрытые струпьями и шрамами угловатых выступов синтаксических узоров, со втянутыми перед посадкой кран-балками и ку-плоскостями, с выпущенными шасси, напоминающими когти. Сухогрузы замирали над указанными диспетчером посадочными колодцами и опускались в них под вой реактивных струй. Захваты доковых фиксаторов сразу же стискивали их корпуса скелетными пальцами. Из вагонов, медленно переставляя ноги, выбредали динозавры-носильщики – кто-то из них работал самостоятельно, а другими, сидя на заливке, все еще управлял тренер. Когда выключались двигатели, наступала шокирующая тишина, а потом сквозь облака шел на посадку очередной сухогруз.

Мне всегда нравилось смотреть, как прибывают и уходят корабли, даже если они задерживают в порту мой корабль. Я не умел читать синтаксис, но знал: эти сухогрузы прилетели сюда от самого Разлома. Дальше Разлома в созвездии Орла не забирался никто. При средних тоннельных скоростях от центра Локального Пузыря добираться до него нужно примерно год.

Этот путь я проделал только раз за всю жизнь. И, подобно добропорядочному туристу, полюбовался видом, открывающимся с внутренней стороны Разлома. На мой взгляд, я забрался достаточно далеко.

Когда в посадочном конвейере образовалась пауза, я заскочил в бар и отыскал кабинку Администрации скважин, принимающую кредиты «Ашанти». Усевшись в кабинке, записал тридцатисекундное послание для Катерины. Я сообщил ей, что мы уже возвращаемся, но застряли на Архангеле на несколько часов. Предупредил, что задержка может вызвать цепочку других нестыковок на всем нашем пути по тоннелям, в зависимости от того, как сработает АС.

Судя по предыдущему опыту, восьмичасовая задержка на планете может обернуться двухдневным ожиданием перед точкой подъема. И попросил не волноваться, если опоздаю на пару дней.

Из кабинки я увидел бредущего мимо диплодока с пристегнутым между ногами грузовым контейнером.

Я сказал Катерине, что люблю ее и с нетерпением жду встречи.

Возвращаясь на борт «Синего гуся», я думал о мчащемся домой послании. Его прогнали со скоростью света по местной системе связи, затем скопировали в буфер памяти очередного уходящего корабля. Вполне вероятно, что этот конкретный корабль не направляется к Барранквилле или куда-нибудь поблизости от нее. АС будет перебрасывать сообщение с борта на борт, пока оно наконец не достигнет пункта назначения. Я могу даже оказаться на Барранквилле раньше его, но на моей памяти такое случилось лишь однажды. Система работает вполне надежно.

Посмотрев вверх, я увидел, что в просвет между сухогрузами вклинился белый пассажирский лайнер. Я приподнял маску, чтобы разглядеть его получше, и в ноздри ударила смесь озона, топлива и динозаврового навоза. Да, я точно на Архангеле. Такой букет запахов не встретишь больше нигде внутри Пузыря. Там четыреста планет, на каждой до десятка портов, и ни в одном не воняет так, как здесь.

– Том!

Я обернулся и увидел стоящего возле дока Рэя.

– Ты уже закончил осмотр плоскостей? – спросил я.

Рэй покачал головой:

– Как раз об этом я и хотел поговорить. Они оказались слегка не выровнены... а раз нам предстояло задержаться на восемь часов... я решил запустить полную перекалибровку.

Я кивнул:

– Поэтому я и попросил их проверить. Так в чем проблема?

– Проблема такова: нам только что открыли стартовое окно. Из диспетчерской передали: мы можем взлетать через тридцать минут.

Я пожал плечами:

– Значит, будем взлетать.

– Но я не закончил перекалибровку. И сейчас настройка еще хуже, чем раньше. Поэтому взлетать прямо сейчас – не очень удачная идея.

– Сам ведь знаешь, как работают диспетчеры. Пропусти два предложенных окна – и можешь проторчать здесь несколько дней.

– Никто не хочет вернуться домой так, как хочу этого я, – сказал Рэй.

– Тогда порадуйся.

– Корабль растрясет в тоннеле. Так что приятного возвращения не получится.

– А нам-то какая разница? Мы же будем спать.

– Да что тут спорить! Мы ведь не можем взлететь без Сюзи.

Я услышал приближающийся стук каблучков. Из тумана вышла Сюзи, на ходу стягивая маску:

– Только зря время потратила на этих портовых обезьян. Все, что они мне пытались всучить, я уже видела миллион раз.

– Ерунда, – сказал я. – Будем взлетать.

Рэй выругался. Я сделал вид, что не услышал.

В компенсаторную капсулу я всегда залезаю последним. Я никогда не забирался под крышку, не убедившись сперва, что загорелся зеленый свет. А это дает мне возможность еще раз все проверить. Каким бы хорошим ни был экипаж, всегда может что-нибудь случиться.

«Синий гусь» остановился возле маяка Администрации, отмечающего точку подъема. Перед нами в очереди стояло еще несколько кораблей вперемежку с обычной стайкой служебных корабликов Администрации. Сквозь прозрачный обтекатель я мог наблюдать, как один за другим стартуют большие суда. Разгоняясь на полной тяге, они устремлялись к ничем не примечательной точке небосвода. Кран-балки у них были широко раздвинуты, а гладкие обводы корпусов бугрились загадочными инопланетными рунами маршрутного синтаксиса. При ускорении в двадцать g создавалось впечатление, что их зашвыривает в небо гигантская невидимая рука. А через девяносто секунд уже в тысяче километров от нас в небесах расцветала бледно-зеленая вспышка.

Я обвел взглядом кабину. Ее опоясывали уменьшенные символы нашего маршрутного синтаксиса. Каждую руну этого алфавита образовывала матрица из миллионов шестиугольных пластинок. Все пластинки, снабженные моторчиками, могли выдвигаться из корпуса и втягиваться обратно.

Спросите кого-нибудь из Администрации, и он ответит, что в синтаксисе теперь полностью разобрались. Это правда, но до определенного предела. После двух столетий исследований созданные людьми машины теперь могут конструировать и интерпретировать синтаксис с низким уровнем ошибок. Если задать им желаемый пункт назначения, они наберут строку рун, которая с большой долей вероятности будет принята и обработана аппаратурой тоннеля-скважины. Более того, они почти всегда могут гарантировать, что желаемый маршрут – именно тот самый, который аппаратура скважины вам обеспечит.

Короче говоря, обычно вы попадаете туда, куда хотите.

Возьмем простой перелет из одной точки в другую – например, рейс отсюда до Хаураки. В этом случае использование автоматических генераторов синтаксиса не будет реальным недостатком. Но на длинных маршрутах, которые могут состоять из шести-семи переходов между узлами в сети скважин, машины теряют преимущество. Решение они находят, но далеко не самое оптимальное. Вот тогда в дело и вступают синтакс-штурманы. Люди вроде Сюзи способны отыскивать синтаксические решения интуитивно. Они эти руны буквально во сне видят. И при взгляде на неудачно скомпонованную строку воспринимают ее корявость, как зубную боль. Она их *оскорбляет*.

Хороший синтакс-штурман способен сократить путь на несколько дней. А для компании вроде «Ашанти индастриал» такая разница может оказаться весьма значительной.

Но я не был синтакс-штурманом. Я еще мог заметить, когда что-то неладное случалось с пластинками, но во всем прочем у меня не оставалось выбора: я должен был верить, что Сюзи сделала свое дело правильно.

И Сюзи меня не подводила.

Я обернулся. Теперь, когда мы находились в космосе, ку-плоскости развернулись. Удерживаемые в распахнутом положении трехсотметровыми кран-балками, они напоминали половинки огромных клещей. Я убедился, что они полностью выдвинуты и зафиксированы, а все контрольные индикаторы светятся зеленым. Кран-балки относились к епархии Рэя. Он проверял выравнивание похожих на лыжи ку-плоскостей, когда я приказал ему тщательно осмотреть корабль и подготовиться к старту. Никаких видимых признаков разбалансировки я не заметил, но опять-таки, чтобы сделать наше возвращение похожим на езду по ухабам, большой разбалансировки и не требуется. Впрочем, как я уже сказал Рэю, кого это волнует? С легкой турбулентностью в тоннеле «Синий гусь» вполне справится. Его и построили так, чтобы он мог ее выдержать.

Я снова взглянул на точку подъема. Перед нами только три корабля.

Вернувшись к капсулам, я снова проверил, все ли в порядке у Рэя и Сюзи. Рэй украсил свою капсулу примерно в то же время, что и Сюзи. Ее сплошь покрывали изображения, которые Сюзи прозвала БДМ – «блаженная Дева Мария». На всех картинках БДМ изображалась в

скафандре и с маленьким Иисусом (тоже в скафандре) на руках. Вокруг их шлемов художник напылил из баллончика золотые нимбы. Все это художество смотрелось дешевкой. Рэй явно поспешил, в отличие от Сюзи.

Я быстро разделся до нижнего белья, забрался в свою ничем не украшенную капсулу и закрыл крышку. Внутри начал поступать вязкий буферный гель, и секунд через двадцать я ощутил сонливость. К тому времени, когда диспетчерская даст нам зеленый свет, я уже буду спать.

Я проделывал такое тысячи раз. Поэтому не испытывал ни страха, ни мрачных предчувствий. Лишь чуточку сожаления.

Я никогда не видел скважину. Впрочем, ее вообще очень немногие видели.

Все они описывали темный углеродистый астероид в форме бублика диаметром около двух километров. Середина у него пробурена насквозь, а внутреннюю сторону кольца покрывает аппаратура ку-материи – это и есть скважина. По словам очевидцев, эта аппаратура все время подергивается, напоминая тикающие внутренности очень сложных часов. Однако контрольные системы Администрации скважин не засекают вообще никакого движения.

Это технология чужаков, неведомых инопланетян. Мы понятия не имеем, как она работает и кто все это сделал. А если поразмыслить, то, наверное, действительно хорошо, что у нас нет возможности это увидеть.

Вполне достаточно заснуть, а затем проснуться и узнать, что ты уже где-то в другом месте.

– Попробуй иной подход, – говорит Грета. – На этот раз скажи ей правду. Может, она воспримет ее легче, чем ты думаешь.

– Да ведь невозможно сказать ей правду.

Грета прислоняется бедром к стене, одна рука все еще в кармане.

– Тогда скажи хотя бы половину правды.

Мы отключаем капсулу и вытаскиваем из нее Сюзи.

– Где мы? – спрашивает она меня. Потом – Грету: – А ты кто?

Уж не пробилась ли из ее кратковременной памяти обрывки последнего разговора?

– Грета здесь работает.

– Здесь? А здесь – это где?

Я вспоминаю то, что говорила мне Грета:

– Мы на станции в секторе Шедар.

– Но мы летели не туда, Том.

Я киваю:

– Это так. Произошла ошибка. Сбой в маршруте.

Сюзи уже трясет головой:

– Руны были в полном...

– Знаю. Ты ни в чем не виновата.

Помогаю ей надеть комбинезон. Она все еще дрожит – мускулы реагируют на движения после столь долгого пребывания в капсуле.

– Синтаксис был хороший.

– Тогда что?

– Ошибку совершила система, а не ты.

– Сектор Шедар... Это выбило бы нас из графика дней на десять, правильно?

Я пытаюсь вспомнить, что было сказано Гретой в первый раз. Мне полагается знать все это наизусть, но специалист по маршрутам у нас на корабле не я, а Сюзи.

– Вроде правильно, – соглашаюсь я.

Но Сюзи качает головой:

– Тогда мы не в секторе Шедар.

Я пытаюсь изобразить приятное удивление:

– Почему?

– Я провела в капсуле намного дольше, чем десять дней, Том. Я это знаю. Потому что чувствую каждой косточкой. Так где мы на самом деле?

Я поворачиваюсь к Грете. Поверить не могу, что все повторяется.

– Заканчивай, – говорю я.

Грета делает шаг к Сюзи.

Знакомо вам это клише: «Едва проснувшись, я понял: что-то не так»? Наверняка вы слышали эту фразу тысячу раз в тысяче баров по всему Пузырю, где парни из экипажей обмениваются байками, потягивая слабенькое пиво за счет компании. Проблема лишь в том, что иногда все оборачивается именно так. Проведя какое-то время в капсуле, я никогда не ощущал себя хорошо. Но до такой степени паршиво мне было всего один раз – после полета к границе Пузыря.

Размышляя над этим, но зная, что ничего не смогу сделать, пока не выберусь из капсулы, я добрых полчаса мучительно освобождался от всех соединений. Ощущение было такое, словно каждый мускул моего тела пропустили через мясорубку, а потом провернули фарш назад. К сожалению, ощущение неправильности происходящего не исчезло и потом, когда я откинул крышку капсулы. В «Синем гусе» было слишком тихо. После броска через скважину нам полагалось отойти в сторону от последнего на маршруте выходного отверстия. Но я не слышал далекого успокаивающего рокота термоядерных двигателей. А это означало, что мы в невесомости.

Хреново.

Я выплыл из капсулы, ухватился за рукоятку и развернулся, чтобы осмотреть две другие капсулы. С колпака той, где находился Рэй, на меня уставился сияющий лик самой большой из БДМ. Все индикаторы жизнедеятельности на панели светились зеленым. Рэй по-прежнему пребывал без сознания, но в полном здравии. Такая же картина с Сюзи. Получается, что некая автоматическая система решила разбудить только меня.

Через несколько минут я вернулся в тот же наблюдательный купол, откуда проверял корабль перед броском через скважину. Сунув голову в прозрачный купол, я огляделся.

Мы куда-то прибыли. «Синий гусь» находился в огромном парковочном ангаре в форме вытянутого цилиндра шестиугольного сечения. Гравитации здесь не было. На стенах размещались обслуживающие машины и механизмы – приземистые модули, змеящиеся заправочные шланги, сложенные рамы свободных посадочных причалов. Куда бы я ни взглянул, повсюду на причалах располагались другие корабли. Всех мыслимых конструкций и классов, с любой возможной формой корпуса, допускающей переход через скважину. Всю эту сцену заливал теплый золотистый свет прожекторов. Время от времени ангар освещали трепетные фиолетовые вспышки электросварки.

Это был ремонтный цех.

Едва я принялся размышлять над ситуацией, как заметил нечто, вытягивающееся из стены ангара. Это был телескопический причальный тоннель, приближающийся к нашему кораблю. Сквозь окошки в его стенах я различил парящие в невесомости фигурки, которые пробирались по тоннелю, отталкиваясь от его стен.

Вздохнув, я направился к шлюзу.

Когда я туда добрался, они уже запустили первую стадию цикла перехода. Ничего плохого я в этом не усмотрел – у меня не было веских причин не пускать кого-либо на борт, – но все же их поведение показалось мне чутьочку невежливым. Впрочем, они могли думать, что все на корабле еще спят.

Дверь шлюза скользнула в сторону.

– О, вы уже не спите, – послышался мужской голос. – Капитан «Синего гуся» Томас Гандлапет, если не ошибаюсь?

– Он самый.

– Не возражаете, если мы войдем?

Их было шестеро, и они уже вошли. На всех слегка поношенные оранжевые комбинезоны, украшенные эмблемами разных компаний. Я начал злиться: их бесцеремонность мне очень не нравилась.

– В чем дело? – осведомился я. – Где мы находимся?

– А вы как думаете? – ответил вопросом на вопрос их предводитель, небритый и с кривыми желтыми зубами, что меня весьма впечатлило. В наше время надо немало потрудиться, чтобы занять скверные зубы. И мне уже несколько лет не доводилось сталкиваться с чудиками, готовыми на такие жертвы ради искусства.

– Очень надеюсь не услышать от вас, что мы все еще торчим на Архангеле, – сообщил я.

– Нет, вы прошли через врата.

– И?..

– Фокус не удался. Маршрутная ошибка. Вас выбросило из неправильной скважины.

– Господи!.. – Я стянул кепку. – Что-то пошло не так на входе?

– Может быть. А может, и нет. Кто знает, как эти штуковины работают... Нам известно лишь, что вы направлялись не сюда.

– Правильно. И где же мы теперь?

– На станции Саумлаки. Сектор Шедар.

Он произнес это таким тоном, словно уже потерял ко мне интерес и выполнял некую рутинную процедуру.

Возможно, он и потерял интерес. А я – нет.

Никогда не слышал о станции Саумлаки, зато прекрасно знал, где находится сектор Шедар. Звезда Шедар – это супергигант класса «К» у самой границы Локального Пузыря. А всего навигационных секторов в Пузыре семьдесят два.

Я уже упоминал Пузырь?

Вы знаете, как выглядит наша галактика Млечный Путь, – тысячи раз видели ее на рисунках и в компьютерных симуляциях. Яркая чечевица галактического ядра в центре, из него выходят лениво изогнутые спиральные рукава: каждый состоит из сотен миллиардов звезд, от самых тусклых и едва тлеющих карликов до раскаленных супергигантов, балансирующих на грани самоуничтожения во вспышке сверхновой.

Теперь рассмотрим вблизи один рукав. Там, на расстоянии около двух третей радиуса от центра Галактики, находится оранжево-желтая звезда, наше Солнце. Полосы и складки космической пыли окутывают ее на расстоянии в десятки тысяч световых лет. Тем не менее Солнце расположено в центре огромной, диаметром в четыреста световых лет, дыры в этой пыли – Пузыря, внутри которого плотность пыли примерно в двадцать раз меньше среднего значения.

Это и есть Локальный Пузырь. Словно Господь взял и специально для нас сотворил дыру в этой пыли.

Но разумеется, сделал это не Господь. Тут поработала сверхновая звезда примерно миллион лет назад.

Осмотревшись, мы увидим и другие Пузыри, границы которых пересекаются и сливаются, образуя огромную пенообразную структуру размером в тысячи световых лет. Есть среди них структуры Петля-1, Петля-2 и Кольцо Линдблада. Есть даже сверхплотные узлы, где пыль настолько густа, что почти не пропускает свет. Эдакие черные мембраны, наподобие облаков в созвездии Тельца или в районе Ро Змееносца, либо сам Разлом Орла.

Расположенный за пределами Локального Пузыря, этот Разлом – самая дальняя точка Галактики, до которой добрались люди. И дело тут не в выносливости или хладнокровии. Просто-напросто способа долететь дальше не имеется – во всяком случае, в пределах сети сверх-световых скважин. Запутанная, наподобие кроличьих нор, конфигурация возможных маршрутов дальше попросту обрывается. Основная часть конечных пунктов, включая большинство маршрутов «Синего гуся», даже не выведет вас за пределы Локального Пузыря.

Для нас это значения не имеет. Даже в пределах сотни световых лет от Земли вполне хватает коммерческих рейсов. Но Шедар находится как раз на периферии Пузыря, где плотность пыли начинает повышаться до нормальных галактических значений. Отсюда до Земли двести двадцать восемь световых лет.

Повторю: хреново.

– Я знала, что это станет для тебя потрясением, – послышался другой голос. – Но все не так плохо, как ты думаешь.

Я посмотрел на женщину, которая это сказала. Среднего роста, лицо из тех, что называют «миниатюрными», с раскосыми пепельно-серыми глазами. Гладкие платиновые волосы касаются плеч.

До боли знакомое лицо...

– Не так плохо?

– Нет, Том. – Она улыбнулась. – В конце концов, у нас появился шанс вспомнить старые добрые времена. Согласен?

– Грета? – выдавил я, не веря глазам.

Она кивнула:

– За мои грехи.

– Господи!.. Это в самом деле ты?

– Если честно, я не была уверена, что ты меня узнаешь. Особенно через столько лет.

– Зато ты, похоже, меня узнала без труда.

– А мне и не нужно было узнавать. Как только вы здесь оказались, поступил сигнал с вашего передатчика. Он нам и поведал, как называется ваш корабль, как зовут его владельца, кто находится на борту, что вы везете и куда направляетесь. И когда я услышала твое имя, застолбила себе местечко среди встречающих. Но не волнуйся. Ты не сильно с тех пор изменился.

– Прими ответный комплимент.

Я немного покривил душой. Но кому нужна абсолютная правда? Я вспомнил, как она выглядела обнаженной, – эти воспоминания я хранил в памяти все десять лет. Мне даже стало стыдно, что они до сих пор настолько яркие, словно некая тайная часть моего подсознания украдкой оберегала их все годы моего брака и супружеской верности.

Грета слегка улыбнулась. Будто знала, о чем я думаю.

– Ты никогда не был искусным лжецом, Том.

– Ага. Похоже, мне нужно тренироваться.

Неловкая пауза затянулась. Никто из нас не знал, что сказать дальше. Пока мы молчали, остальные зависли вокруг, тоже молча.

– Что ж, – выговорил я наконец, – кто бы мог подумать, что нам предстоит такая встреча?

Грета кивнула и протянула ко мне руки ладонями вверх, словно извиняясь.

– Я лишь жалею, что мы не встретились при лучших обстоятельствах, – сказала она. – Но пусть тебя утешит то, что в случившемся нет вашей вины. Мы проверили ваш синтаксис, и ошибки в нем не оказалось. Просто время от времени система дает сбой.

– Странно лишь, что никто не любит об этом говорить, – заметил я.

– Все могло обернуться хуже, Том. Я ведь помню, что ты рассказывал о космических полетах.

– Да? И какой же из перлов моей мудрости особенно запал тебе в душу?

– «Если ты оказался в ситуации, которая дает право проклинать судьбу, то у тебя нет права ее проклинать».

– Господи, неужели я действительно такое сказал?

– Ага. И готова поспорить, что сейчас ты об этом сожалеешь. Но послушай, все действительно не так уж плохо. Вы отстали от графика всего на двадцать дней. – Грета кивнула на мужчину со скверными зубами. – Колдинг сказал, что вам нужен только один день на наладку и вы сможете вылететь обратно. А потом еще дней двадцать или двадцать пять до места назначения, в зависимости от маршрутного синтаксиса. На все уйдет меньше шести недель. Ну, потеряешь ты премиальные за этот рейс. Ничего страшного. Вы все живы и здоровы, а кораблю нужен лишь небольшой ремонт. Так почему бы тебе не расслабиться и не подписать заявку?

– Я не рассчитывал еще на двадцать дней в капсуле. К тому же есть и кое-что помимо полета.

– Что именно?

Я едва не сказал, что меня ждет Катерина. Но вместо этого ответил:

– Я беспокоюсь о других. О Сюзи и Рэе. Их ждут семьи. Они будут волноваться.

– Понимаю. Сюзи и Рэй. Они все еще спят? Все еще в капсулах?

– Да, – ответил я настороженно.

– Так пусть в них и остаются, пока вы не полетите обратно. – Грета улыбнулась. – Нет смысла будить их и заставлять сходить с ума все это время. Так будет лучше.

– Ну, если ты так думаешь...

– Уж поверь мне, Том. Я ведь не в первый раз сталкиваюсь с подобной ситуацией. И вряд ли твоя станет последней.

Ночевать я отправился в отель, в другую часть станции Саумлаки. Отель представлял собой гулкое из-за пустоты многоэтажное сооружение, собранное из готовых секций и глубоко погруженное в скальную породу. Наверное, здесь могли бы разместиться сотни постояльцев, но у меня создалось впечатление, что сейчас занято лишь несколько номеров. В эту ночь я спал урывками и рано встал. В крытом портике увидел работника в кепи и резиновых перчатках, который вылавливал из украшенного орнаментом прудика большого карпа. Когда я наблюдал, как он достает металлически-оранжевую рыбину, на мгновение показалось, что эту картину я уже где-то видел. Но когда в моей жизни могли возникнуть этот мрачный отель и умирающий карп?

До завтрака – уныло-настороженный, несмотря на легкую сонливость, – я навестил Колдинга и услышал новую дату окончания ремонта.

– Два-три дня, – сказал он.

– Вчера вечером был только один.

Колдинг пожал плечами:

– Если у вас проблемы с обслуживанием, попробуйте найти других ремонтников.

Затем он сунул мизинец в уголок рта и принялся ковыряться между зубами.

– Приятно видеть специалиста, который наслаждается своей работой, – буркнул я и удалился, пока настроение не испортилось окончательно.

Грета предложила встретиться за завтраком и вспомнить старые времена. Когда я пришел, она уже ждала меня за столиком на «уличной» террасе под навесом в красную и белую полоску, потягивая апельсиновый сок. Над нами простирался купол шириной в несколько сотен метров – голографическая проекция безоблачного неба. Его голубизна имела жесткий эмалевый оттенок, какой бывает в середине лета.

– Как тебе отель? – поинтересовалась Грета, когда я заказал кофе.

– Неплохо. Только вот желающих поболтать маловато. Тут дело во мне или на всей этой станции царит радостная атмосфера тонущего океанского лайнера?

– Просто место такое, – пояснила Грета. – Все, кто сюда попадает, страшно злятся. Их или переводят работать вопреки их желанию, или они оказываются здесь в результате ошибки в синтаксисе и тогда негодуют по этой причине. Так что выбирай любую.

– И ни одного счастливого лица?

– Только у тех, кто знает, что скоро отчалит.

– А к тебе это относится?

– Нет. Я, кажется, застряла. Но меня это вполне устраивает. Наверное, я то самое исключение, которое подтверждает правило.

Официантами здесь служили стеклянные манекены – примерно такие были в моде на планетах вблизи центра Пузыря лет двадцать назад. Один из них поставил передо мной тарелку с рогаликом и налил в чашку обжигающего черного кофе.

– Что ж, рад тебя видеть, – сказал я.

– И я тебя, Том. – Грета допила сок и, не спрашивая, отщипнула кусочек от моего рогалика. – Слышала, ты женился.

– Верно.

– Ну и?.. Не хочешь рассказать?

Я глотнул кофе.

– Ее зовут Катерина.

– Хорошее имя.

– Она работает в департаменте биокоррекции на Кагаве.

– Дети?

– Пока нет. Сейчас мы очень много времени проводим вдали от дома.

– Угу. – Она прожевала рогалик. – Но когда-нибудь вы непременно решитесь...

– Окончательных решений не бывает. – Хотя мне и льстило, что Грета проявляет к моей жизни такой интерес, но от хирургической точности ее вопросов стало чуть-чуть неуютно. Тут не было ни попыток подловить, ни выуживания информации. Такая прямота заставляет нервничать. Зато она же дала мне право задать столь же откровенные вопросы. – А как насчет тебя?

– Так, ничего особенного. Вышла замуж примерно через год после нашей с тобой последней встречи. Его зовут Марсель.

– Марсель, – задумчиво протянул я, словно имя имело космическое значение. – Что ж, рад за тебя. Как я понял, он тоже здесь?

– Нет. Работа раскидала нас по разным углам космоса. Мы все еще женаты, но... – Грета замолчала.

– Нелегко вам приходится.

– Был бы способ это изменить, мы бы его нашли. В любом случае не стоит нас слишком уж жалеть. У каждого из нас есть своя работа. И не могу сказать, что я менее счастлива, чем при нашей с ним последней встрече.

– Вот и хорошо.

Грета подалась вперед и коснулась моей руки. Ногти у нее были черные с голубоватым отливом.

– Послушай... Наверное, я очень самонадеянна... Одно дело – попросить тебя позавтракать со мной: не пригласить тебя было бы грубостью. Но не хотел бы ты увидеться со мной еще раз? Ужины здесь очаровательны. Свет выключают, а вид сквозь купол потрясающий.

Я взглянул на бесконечное голографическое небо:

– А я подумал, что это лишь картинка.

– Конечно картинка, – подтвердила Грета. – Но пусть это не портит тебе впечатление.

Я уселся перед камерой и заговорил:

– Катерина, здравствуй. Надеюсь, у тебя все хорошо. И еще надеюсь, кто-нибудь из компании уже связался с тобой. А если нет, то я совершенно уверен: ты посылала запросы. Не знаю, какой получила ответ, но могу заверить, что мы живы, здоровы и уже направляемся домой. Я тебе звоню со станции Саумлаки, это ремонтная база на краю сектора Шедар. Смотреть тут особо не на что – просто мешанина тоннелей и центрифуг, закопанных в угольно-черный астероид типа «Д», примерно в половине светового года от ближайшей звезды. Станцию построили здесь только потому, что рядом вход в скважину. И по этой же причине здесь оказались мы. «Синий гусь» прошел через неправильный узел сети – это называется маршрутная ошибка. Мы прилетели вчера вечером по местному времени, и с тех пор я сижу в отеле. Извини, что не связался с тобой вчера: слишком устал и к тому же еще не знал, как долго мы здесь пробудем. Я решил подождать до утра, когда станет ясно, насколько сильно поврежден корабль. Ничего серьезного – так, кое-что отвалилось после перехода, однако придется проторчать здесь несколько дней. Колдинг, начальник ремонтников, обещал, что не больше трех. Однако к тому времени, когда мы ляжем на обратный курс, отставание от графика составит сорок дней.

Я замолчал, глядя на мельтешение цифр индикатора стоимости послания. Перед тем как садиться в кабинку, я всегда мысленно готовил информативное, экономное, но в то же время емкое сообщение – этакий изящный монолог. Но стоило мне открыть рот, как в голове становилось пусто и я выглядел уже не диктором информационной программы, а мелким воришкой времени, сочиняющим жалкое алиби для проникательных следователей.

Кривовато улыбнувшись, я продолжил:

– Меня гнетет мысль о том, что это послание будет добираться до тебя очень долго. Но есть и хорошая новость – оно опередит меня совсем ненамного. К тому времени, когда ты его получишь, меня будут отделять от дома считанные дни пути. Так что не трать деньги на ответ, он не застанет меня на станции Саумлаки. Просто оставайся там, где находишься, и я обещаю скорое возвращение.

Вот и все. Говорить больше нечего, осталось лишь добавить: «Скучаю по тебе». Как мне хотелось, чтобы фраза прозвучала эмоционально! Но при прослушивании записи впечатление создалось такое, словно я спохватился в последний момент.

Конечно, я мог бы перезаписать концовку, но вряд ли получилось бы лучше, чем в первый раз. И я просто нажал кнопку отправки сообщения, гадая, скоро ли оно тронется в путь. Маловероятно, что через Саумлаки бежит оживленный поток кораблей, и «Синий гусь» вполне может стать первым из тех, что улетят в подходящем направлении.

Я вышел из кабинки, испытывая непонятное чувство вины, словно пренебрег какой-то обязанностью. И лишь позже понял, что именно не давало мне покоя. Я сказал Катерине о станции Саумлаки. Я даже сообщил ей о Колдинге и поломке «Синего гуся». Но умолчал о Грете.

С Сюзии у нас ничего не получается.

Она очень умна и прошла прекрасную психологическую подготовку. Я могу вешать ей на уши сколько угодно лапши, но она знает, что причиной ее столь длительного пребывания в капсуле мог стать только облом поистине эпического масштаба. Понимает, что речь идет о задержке не на недели и даже не на месяцы. Об этом вопит каждый нейрон в ее мозгу.

– Мне снились сны, – говорит она, когда у нее проходит слабость после пробуждения.

– Какие?

– О том, что меня постоянно будили. И ты вытаскивал меня из капсулы. Ты и еще кто-то.

Я пытаюсь улыбнуться. Я с ней наедине, но Грета поблизости. Сейчас иньектор в моем кармане.

– Когда я выбираюсь из капсулы, тоже вспоминаю дурацкие сны.

– Но эти вспоминаются так реально... Твои слова всякий раз менялись, но ты снова и снова говорил, что мы где-то... что мы немного сбились с курса, но волноваться из-за этого не стоит.

Вот тебе и заверения Греты о том, что Сюзи ничего не запомнит. Похоже, ее память не такая уж и кратковременная.

– Удивительно, что ты это сказала. Ведь мы действительно немного сбились с курса.

С каждой секундой Сюзи сообщает все лучше. Из нашего экипажа именно она всегда первой выбиралась из капсулы.

– Насколько, Том?

– Больше, чем мне хотелось бы.

Она сжимает кулаки. Я не могу сказать, агрессия это или нервно-мышечный спазм, реакция на пребывание в капсуле.

– И насколько больше? Вышли за пределы Пузыря?

– Да, вышли за пределы Пузыря.

Ее голос становится негромким и детским:

– Скажи, Том... мы за Разломом?

Я слышу ее страх. Это тот кошмар, с которым приходится жить всем экипажам в каждом рейсе: что-то на маршруте даст сбой, такой серьезный сбой, что корабль окажется на самом краю сети скважин. Настолько далеко, что на возвращение уйдут не месяцы, а годы. И что несколько лет уже прошло на пути сюда, еще до того, как началось путешествие обратно.

А когда они вернутся, все близкие люди окажутся старше на несколько лет.

Если еще будут живы. Если будут помнить о тебе или захотят вспомнить. Если ты сам еще сможешь их узнать.

За Разлом Орла. Это и есть сокращенное название путешествия, в которое любой из нас надеется не отправиться по воле случая. Путешествия, которое искорежит твою жизнь. Которое рождает призраков, сидящих по темным углам в барах по всему Пузырю. Мужчин и женщин, вырванных из времени, отрезанных от семьи и любимых из-за сбоя в чужой технике, которой мы пользуемся, едва ее понимая.

– Да, – говорю я. – Мы за Разломом Орла.

Сюзи исторгает вопль, который превращает ее лицо в маску гнева и отрицания. Мои пальцы смыкаются на холодном иньекторе. И я лихорадочно соображаю, нужно ли пускать его в ход.

Новый срок окончания ремонта от Колдинга. Пять или шесть дней.

Теперь я даже спорить не стал. Лишь пожал плечами и зашагал прочь, гадая, какую цифру услышу в следующий раз.

Вечером сел за тот же столик, за которым мы с Гретой завтракали. Утром здесь все было ярко освещено, но сейчас источниками света служили только лампы на столах и неяркие осветительные панели на потолке. В дальнем конце зала стеклянный манекен перемещался от одного пустого столика к другому, играя «Asturias» на стеклянной гитаре. Кроме меня, в ресторане никого не было.

Долго ждать Грету не пришлось.

– Извини за опоздание, Том.

Я повернулся в ее сторону. На этой станции с низкой гравитацией ее походка отличалась особой легкостью, а приглушенный свет выгодно оттенял изгибы талии и бедер. Она села и

наклонилась ко мне с видом заговорщицы. Лампа на столе превратила ее лицо в рельеф из ярких золотых пятен и красных теней, омоловив лет на десять.

– Ты не опоздала. И в любом случае мне было чем полюбоваться.

– Сейчас лучше, чем днем?

– Это еще мягко сказано, – ответил я, улыбнувшись. – Ты права: сейчас здесь гораздо лучше.

– Могу здесь всю ночь сидеть и просто смотреть. Иногда так и делаю. Только я и бутылка вина.

– Я тебя не осуждаю.

Голографическую синеву купола теперь сменили звезды – полное небо звезд. Ничего подобного я не видел на любой другой станции или из другого корабля. Здесь были яростно пылающие бело-голубые звезды, бриллианты на черном бархате. И ярко-желтые самоцветы, и мягкие красные штрихи, словно растушеванный пальцем след воскового мелка. Были ручейки и реки не столь ярких звезд, похожие на косяки бесчисленных неоновых рыбок, застывших на моментальной фотографии. И огромные расплывающиеся кляксы зеленых и красных облаков, пронизанные жилками и окаймленные нитями прохладной мглы. И еще скалы и горы охряной пыли, настолько богатые трехмерными структурами, что напоминали щедрые мазки масляных красок. Сквозь пыль фонариками светили красные и розовые звезды. Там и тут я видел крошечные подмигивающие точки рождающихся солнечных систем. Это были пульсары, которые вспыхивали и гасли, наподобие бакенов, и диссонансные ритмы их вспышек задавали всей этой картине размеренный темп, наподобие смертельного медленного вальса.

Казалось, это зрелище содержит слишком много деталей, ошеломляющее изобилие оттенков, и тем не менее, куда бы я ни взглянул, везде находил что-то новое, будто купол ощущал мое внимание и концентрировал все свои усилия в той точке, куда устремлялся мой взгляд. На мгновение меня охватила слабость: я ухватился за край стола, будто хотел удержаться от падения в бездну, простиравшуюся у меня над головой.

– Да, именно так это действует на людей, – улынулась Грета.

– Это прекрасно.

– Ты хотел сказать «ужасно»?

Я вдруг понял, что не знаю, какой из ответов выбрать.

– Настолько огромно... – пробормотал я через какое-то время.

– Само собой, все это ненастоящее, – пояснила Грета. Она приблизилась, и теперь ее голос звучал тише. – Купол сделан из «умного» стекла. Оно повышает яркость звезд, чтобы человеческий глаз смог увидеть разницу между ними. Сами же цвета реальны. Все остальное, что ты видишь, тоже показано весьма точно, если не считать того, что определенные участки спектра смещены в видимый диапазон, а масштаб некоторых структур изменен. – Она стала показывать знакомые объекты. – Это край большого темного облака в созвездии Тельца, из-за него выглядят Плеяды. Это волокнистая структура Локального Пузыря. Видишь открытое скопление?

Она подождала, пока я отвечу:

– Да.

– Это Гиады. Вон там Бетельгейзе и Беллатрикс.

– Я впечатлен.

– На то и рассчитано. Такое зрелище стоит кучу денег. – Она немного отодвинулась, и на ее лицо вновь упала тень. – Ты себя хорошо чувствуешь, Том? Похоже, что-то не дает тебе покоя.

Я вздохнул:

– Просто услышал очередной прогноз от твоего приятеля Колдинга. Этого вполне достаточно.

– Жаль!

– Есть и еще кое-что. Это гложет меня с той минуты, когда я выбрался из капсулы.

Подошел манекен. Я предоставил Грете заказать что-нибудь для меня.

– Можешь со мной поделиться, – сказала она, когда манекен удалился.

– Это нелегко.

– Значит, что-то личное? Катерина? – Она помолчала. – Извини. Мне не следовало вмешиваться.

– Нет, не Катерина. Во всяком случае, не совсем. – Но, уже договаривая эти слова, я знал, что в каком-то смысле речь пойдет о Катерине и о том, сколько минует времени, прежде чем мы увидимся вновь.

– Продолжай, Том.

– Прозвучит это глупо, но... но я до сих пор гадаю, все ли здесь со мной откровенны. И не только Колдинг. Ты тоже. Когда я выбрался из капсулы, то чувствовал себя точно так же, как и в тот раз, когда слетал к Разлому. Пожалуй, даже хуже. И не мог отделаться от ощущения, что пролежал в капсуле долго. Очень долго.

– Иногда такое случается.

– Я знаю разницу, Грета. Можешь мне поверить.

– Так что ты этим хочешь сказать?

Проблема состояла в том, что я не был уверен в своих выводах. Одно дело – испытывать смутное подозрение по поводу того, сколько я пробыл в капсуле. И совсем другое – обвинить мою хозяйку во лжи. Особенно такую гостеприимную хозяйку.

– У тебя есть хоть какая-то причина лгать мне?

– Прекрати, Том. Сам-то понимаешь, о чем спросил?

Едва я поделился своим подозрением, как и мне оно показалось абсурдным и оскорбительным. Очень захотелось повернуть время вспять и начать разговор сначала, избежав этой оплошности.

– Прости. Глупость ляпнул. Просто спиши это на сбитые биоритмы или найди еще какую причину.

Она подалась вперед и взяла меня за руку, как уже делала утром. Только сейчас не выпускала ее.

– Ты правда чувствуешь себя не в своей тарелке?

– Увертки Колдинга мне не помогают, уж это точно.

Официант принес вино и поставил на столик. Бутылка звякнула от прикосновения его изящных стеклянных пальцев. Он наполнил два бокала, я глотнул из своего.

– Может, если бы рядом был кто-нибудь из моей команды, мне было бы легче. Да, ты сказала, что не стоит будить Сюзи и Рэя, но это было до того, как однодневная задержка превратилась в недельную.

Грета пожала плечами:

– Если хочешь их разбудить, никто тебе не помешает. Но не думай сейчас о делах. Давай не будем портить замечательный вечер.

Я взглянул на небо. Оно стало ярче, обретя безумную мерцающую насыщенность, достойную кисти Ван Гога.

Даже взгляд на звездный купол пьянил и наполнял восторгом.

– Да что может его испортить? – спросил я.

Кончилось все тем, что я перебрал лишнего и переспал с Гретой. По поводу Греты судить не берусь, что тут сыграло главную роль – вино или охлаждение ее отношений с Марселем. Во всяком случае, обольстительницей стала она, ведь именно ее замужество не удалось. Я всего лишь беспомощная жертва. Да, я поддался соблазну, но в этом нет моей вины. Я был один,

вдали от дома, эмоционально уязвим, а она этим воспользовалась. Размягчила меня романтическим ужином, а капкан уже был взведен.

Хотя, если честно, все это лишь жалкое самооправдание. Если мой брак действительно настолько крепкий, то почему я не упомянул Грету в сообщении домой? Пощадил чувства жены? Да нет, теперь-то я отчетливо понимал, что умолчал о Грете по совершенно иной причине. Уже тогда я знал, что мы наверняка окажемся в одной постели.

Проблема заключалась лишь в том, что у Греты на уме было совсем иное.

– Том, – сказала Грета, пробуждая меня легким толчком. Она лежала рядом обнаженная, опираясь на локоть. Бедра были прикрыты мятыми простынями. Свет в комнате превратил ее тело в абстрактную фигуру из молочно-голубых изгибов и темно-фиолетовых теней. Проведя черным ногтем по моей груди, она сказала: – Тебе надо кое-что знать.

– Что?

– Я солгала. Колдинг солгал. Мы все солгали.

Я был еще слишком сонный, и ее слова меня лишь слегка встревожили. Я смог лишь повторить:

– Что?

– Ты не на станции Саумлаки. И не в секторе Шедар.

Тут я проснулся окончательно.

– Повтори.

– Маршрутная ошибка оказалась гораздо более серьезной, чем мы тебе сказали. Она унесла вас далеко за пределы Локального Пузыря.

Я стал искать в душе гнев, хотя бы негодование, но испытал лишь головокружительное чувство падения в бездну.

– Насколько далеко?

– Гораздо дальше, чем ты считаешь возможным.

Следующий вопрос был очевиден:

– За Разлом Орла?

– Да, – подтвердила она. – За Разлом Орла. И очень далеко.

– Мне нужно знать все, Грета.

Она встала, потянулась к халату:

– Тогда одевайся. Я покажу.

Все еще ошеломленный, я побрел следом за Гретой.

Она снова привела меня в купол. Тут было темно, как и накануне вечером, лишь маячками светились лампы на столах. Я предположил, что освещение на станции Саумлаки (или как ее там?) подчиняется лишь прихоти своих обитателей и вовсе не обязано соответствовать какому угодно циклу «день-ночь». Но все же не очень-то приятно обнаружить, что им управляют настолько произвольно. И если Грета может выключать освещение, когда ей вздумается, неужели никто не станет возражать?

Но возражать здесь было попросту некому. Компанию нам составлял лишь стеклянный манекен, стоявший наготове с салфеткой, переброшенной через согнутую руку.

Мы сели за столик.

– Хочешь выпить, Том?

– Спасибо, нет. Я сейчас не в настроении. И на то есть кое-какие причины.

Она коснулась моего запястья:

– Моя ложь – во спасение. Я не могла открыть тебе правду, всю и сразу.

Я отдернул руку:

– Разве не мне об этом судить?.. Так в чем заключается твоя правда?

– Она тебе не понравится, Том.

– Ты говори, а я уж сам как-нибудь разберусь.

Я не заметил ее движения, но внезапно купол снова наполнился звездами, совсем как накануне вечером.

Картина дрогнула и устремилась наружу. Белым снегопадом хлынул поток звезд. Разноцветными клочьями проносились мимо призрачные туманности. Это ощущалось настолько реально, что я ухватился за стол, борясь с головокружением.

– Спокойно, Том, – прошептала Грета.

Звездный поток отклонился, сжался. Надвинулась и скрылась позади сплошная стена межзвездного газа. Теперь возникло впечатление, что мы унеслись за пределы чего-то, выскочили из сферы, обозначенной лишь расплывчатыми арками и сгустками газа в тех местах, где его плотность резко возрастала.

Конечно. Это же очевидно. Мы пересекли границу Локального Пузыря.

И продолжали удаляться. Я смотрел, как уменьшается сам Пузырь, становясь лишь одной из ячеек «вспененного» галактического рукава. Вместо отдельных звезд я теперь видел лишь светящиеся пятна и точки – скопления сотен тысяч звезд. Это напоминало взлет над лесом: поляны еще видны, но отдельные деревья сливаются в аморфную массу.

А мы все удалялись. Затем расширение замедлилось и вскоре прекратилось. Я еще различал Локальный Пузырь, но только потому, что все это время не отрывал от него взгляда. Если бы не это, я никак не смог бы выделить его среди десятков соседних пустот.

– Неужели мы настолько далеко? – спросил я.

Грета покачала головой:

– Позволь кое-что показать.

Я опять не заметил, что она сделала, но Пузырь внезапно наполнился путаницей красных линий, словно нарисованных рукой ребенка.

– Это структура скважин, – догадался я.

Пусть меня корбило от ее лжи, пусть я боялся узнать *всю* правду, но я все же не мог отключить профессиональную часть своего сознания – ту ее часть, которая гордилась способностью распознавать такие вещи.

Грета кивнула:

– Это главные коммерческие маршруты, хорошо закартированные трассы между большими колониями и основными торговыми узлами. Теперь я добавлю все известные соединения, включая те трассы, которые были пройдены случайно.

Резкого изменения в красном клубке не произошло. Добавилось несколько петель и изгибов, один из которых пронзал стену Пузыря и касался Разлома Орла. Два других пересекали границу в иных направлениях, но ни один из них Разлома не достигал.

– Где мы?

– На конце одного из этих соединений. Видеть его ты не можешь, потому что оно направлено точно на нас. – Грета слегка улыбнулась. – Мне нужно было установить шкалу, чтобы ты лучше понял. Какова ширина Локального Пузыря, Том? Примерно четыреста световых лет?

Мое терпение уже истощалось. Но мне все еще было любопытно.

– Около того.

– И хотя я знаю, что время полета через скважину меняется от точки к точке и зависит от оптимизации синтаксиса и топологии сети, правильно ли, что средняя скорость примерно в тысячу раз превышает скорость света?

– Чуть больше, чуть меньше.

– Значит, на путешествие до края Пузыря может понадобиться... около полугода? Скажем, пять или шесть месяцев? И год – до Разлома Орла?

– Ты хорошо это знаешь, Грета. И я это знаю.

– Ладно. Тогда взгляни сюда.

И картинка снова начала отдаляться. Пузырь съеживался, потом его скрыли несколько перекрывающихся газовых структур. Края поля зрения заполнялись темнотой, и вскоре мы увидели знакомый спиральный вихрь нашей галактики – Млечного Пути.

Сотни миллиардов звезд, взбитые в пышные белые полосы морской пены.

– Это и есть настоящий вид, – пояснила Грета. – Разумеется, подработанный. Сделанный поярче и пропущенный через фильтры, чтобы лучше воспринимался человеческим глазом. Но будь у тебя глаза с квантовой эффективностью, близкой к идеальной, да еще примерно метрового размера, то приблизительно такую картинку ты и увидел бы, если бы вышел из станции.

– Я тебе не верю.

Но подразумевал я совсем другое – я не *хотел* ей верить.

– Привыкай, Том. Ты сейчас очень далеко. Станция находится на орбите коричневого карлика в Большом Магеллановом Облаке. Ты в ста пятидесяти тысячах световых лет от дома.

– Нет, – едва не простонал я, по-детски отвергая то, чего не хотел признавать.

– Ты ощущаешь себя так, словно очень долго пролежал в капсуле. И ты чертовски прав. Сколько прошло субъективного времени? Не знаю. Может, годы, а может, десятилетие. Но объективное время – то, которое прошло дома, – рассчитать гораздо легче. Чтобы добраться сюда, «Синему гусю» понадобилось сто пятьдесят лет. Даже если ты помчишься обратно прямо сейчас, твое отсутствие там продлится триста лет.

– Катерина, – проговорил я, как заклинание.

– Катерина умерла. Уже век назад.

Как можно свыкнуться с таким фактом? Ответ: нельзя рассчитывать на то, что с этим вообще можно свыкнуться. Не у каждого получается. Грета рассказала, что наблюдала практически весь спектр возможных реакций и хорошо поняла лишь одно: почти невозможно предсказать, как эту новость воспримет конкретный человек. Она видела тех, кто в ответ на такое откровение лишь устало пожимал плечами, словно оно становилось последним в цепочке горьких сюрпризов, которые подбрасывала им жизнь, – в каком-то смысле не страшнее болезни, тяжелой утраты или любого количества личных неудач. А видела и таких, кто просто уходил и через полчаса сводил счеты с жизнью.

Но большинство, по ее словам, со временем примирялось с реальностью, несмотря на мучительный и болезненный процесс самого примирения.

– Ты уж поверь мне, Том, – сказала она. – Я знаю, в тебе есть сила, чтобы пройти через это. Знаю, что ты научишься жить с такой правдой.

– Почему же ты не сказала ее сразу, как только я вылез из капсулы?

– Потому что тогда еще не была уверена.

– И когда же ты обрела эту уверенность?

– После этой ночи. Я поняла, что Катерина не значит для тебя слишком много.

– Сука!

– А ты с этой сукой переспал. О чем и речь.

Мне захотелось ее ударить. Но разозлил меня не цинизм, а жестокая правда ее слов. Просто не хотелось это признавать – как не хотелось и признавать происходящее здесь и сейчас.

Я подождал, пока не уляжется злость.

– Так ты сказала, что мы не первые? – спросил я.

– Нет. Думаю, первым стал корабль, на котором прилетела я. К счастью, он был хорошо оснащен. После такой же маршрутной ошибки у нас нашлось достаточно запасов, чтобы заложить самоподдерживающуюся станцию на ближайшем астероиде. Мы знали, что вернуться нам не суждено, но зато мы хотя бы обеспечили себе более или менее нормальную жизнь.

– А потом?

– Первые годы у нас хватало дел, чтобы просто оставаться в живых. Затем из скважины вылетел другой корабль. Поврежденный, дрейфующий – совсем как «Синий гусь». Мы отбуксировали его к себе, разбудили команду, сообщили им новость.

– И как ее восприняли?

– Примерно так, как мы и ожидали. – Грета усмехнулась. – Двое сошли с ума. Одна покончила с собой. Но не меньше десятка все еще здесь. Если честно, то для нас стало благом, что сюда попал еще один корабль. И не только потому, что на нем оказались припасы. Помогая его экипажу, мы помогли себе. Перестали жалеть себя, несчастненьких... И этот корабль не стал последним. С тех пор все повторялось еще раз восемь или девять. – Грета смотрела на меня, подперев голову рукой. – Улавливаешь намек, Том?

– Какой именно?

– Я знаю, как тебе сейчас тяжело. И это пройдет не скоро. Но если тебе будет о ком беспокоиться, то забота исцелит тебя. Сгладит переход.

– И о ком же мне заботиться?

– О ком-нибудь из твоего экипажа. Теперь ты можешь разбудить одного из них.

Грета стоит рядом, когда я вытаскиваю Сюзи из компенсаторной капсулы.

– Почему ее? – спрашивает Грета.

– Потому что ее я хочу разбудить первой, – отвечаю я, гадая, уж не ревнует ли Грета.

Я ее не виню – Сюзи очень красива и вдобавок умна. Лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал».

– Что случилось? – спрашивает Сюзи, когда у нее проходят неизбежные после пробуждения слабость и головокружение. – Нам удалось вернуться?

Я прошу ее поделиться последними воспоминаниями.

– Таможня, – отвечает Сюзи. – Эти кретины на Архангеле.

– А потом? Что-нибудь еще? Руны? Помнишь, как вычисляла их?

– Нет, – говорит она и что-то улавливает в моем голосе. Может, я лгу или не говорю всего, что ей нужно знать? – Том, еще раз спрашиваю: нам удалось вернуться?

Минуту спустя мы укладываем Сюзи обратно в капсулу. В первый раз не сработало. Возможно, получится в следующий раз.

Но у нас снова и снова ничего не получалось. Сюзи была умнее меня, она быстрее соображала. Едва выбравшись из капсулы, догадывалась, что мы улетели гораздо дальше сектора Шедар. И она всегда опережала мое вранье и оправдания.

– У меня было иначе, – сказал я Грете, когда мы снова лежали рядом несколько дней спустя, а Сюзи все еще находилась в капсуле. – Думаю, сомнения терзали меня так же, как и ее. Но едва я увидел рядом тебя, как сразу обо всем позабыл.

Грета кивнула. Ее лицо скрывали растрепавшиеся после сна пряди волос. Одна прядка оказалась между губами.

– Тебе ведь стало легче, когда ты увидел знакомое лицо?

– Отвлекло от проблемы, уж это точно.

– Все равно тебе от нее никуда не деться. Кстати, с точки зрения Сюзи, ты ведь для нее тоже знакомое лицо, правильно?

– Возможно. Но меня она ожидала увидеть. А вот я, если и ожидал кого-то увидеть возле капсулы, то уж точно не тебя.

Грета провела согнутым пальцем по моей щеке. Ее гладкая кожа скользнула по щетине.

– Но тебе постепенно становится легче? – спросила она.

– Не уверен.

– Ты сильный, Том. Знаю, ты сможешь пройти через это.

– Но пока еще не прошел, – буркнул я.

Меня не покидало чувство, будто я иду по канату, натянутому над Ниагарским водопадом. Просто чудо, что я смог пройти по нему так далеко. Но это не означает, что я в безопасности.

Все же Грета права. Надежда есть. Меня не завязывала узлом тоска из-за смерти Катерины или из-за моего вынужденного невозвращения – называйте, как хотите. Я испытывал лишь горько-сладкое сожаление, какое возникает, если нечаянно сломаешь фамильную драгоценность или вспомнишь давно умершего домашнего любимца. Меня не мучила мысль, что я никогда больше не увижу жену. Но мне было очень жаль, что я не увижу многого другого. Возможно, потом мне станет хуже. Возможно, настоящий нервный срыв еще впереди. Хотя вряд ли.

А тем временем я продолжал искать способ сообщить обо всем Сюзи. Это стало головоломкой, которая не давала мне покоя. Конечно, я мог просто разбудить штурмана и все рассказать, а дальше пусть она справляется, как может, но такое решение представлялось жестоким. Ведь Грета открывала мне истину постепенно и мягко, дав время привыкнуть к новой обстановке. И сделала необходимый шаг, отдаляющий меня от Катерины. Когда же она сообщила кошмарную истину, та уже не потрясла меня. Я был к ней подготовлен, а острота утраты притупилась. Я не мог предложить Сюзи такое же утешение, но был уверен: способ терпеливо и деликатно открыть ей глаза на правду отыщется непременно.

Мы будили ее снова и снова, пробовали самые разные подходы. Грета сказала, что имеется «окно» в несколько минут, прежде чем пережитые Сюзи события начнут перемещаться в ее долговременную память. Если мы «выключим» ее вовремя, то буферные воспоминания в кратковременной памяти окажутся стерты еще до того, как пересекут гиппокамп, направляясь в долговременную память. В пределах этого «окна» мы можем будить ее сколько угодно раз, пробуя бесконечные варианты сценария пробуждения.

Во всяком случае, так мне сказала Грета.

– Нельзя же проделывать это бесконечно, – сказал я.

– Почему?

– Разве она не запомнит хоть что-нибудь?

Грета пожала плечами:

– Может, и запомнит. Но сомневаюсь, что она придаст этим воспоминаниям серьезное значение. Разве у тебя, когда ты вылезал из капсулы, никогда не возникало смутного впечатления, что подобное уже происходило?

– Иногда, – признал я.

– Тогда пусть это тебя не беспокоит. У нее все будет хорошо. Обещаю.

– Что, если ее просто разбудить?

– Вот это будет жестоко.

– Жестоко снова и снова будить ее, а потом выключать, точно механическую куклу.

В ответе Греты чувствовался подтекст:

– А ты старайся, Том. Я уверена: ты уже близок к правильному решению. И, думая о Сюзи, ты помогаешь себе. Я всегда знала: от этого будет польза.

Я начал было отвечать, но Грета прижала палец к моим губам.

Грета оказалась права. Ответственность за Сюзи помогала мне заглушить собственную тоску. Я вспомнил слова Греты о других экипажах, оказавшихся в такой же ситуации еще до нас. Ясно, что моя подруга освоила много психологических трюков – гамбитов и кратких путей, облегчающих адаптацию. Я испытывал легкую обиду из-за того, что мной столь эффективно манипулировали. Однако с удовлетворением отмечал: мое собственное самочувствие заметно улучшается. Оторванность от дома уже не доставляла невыносимых страданий. Более того,

теперь я даже считал, что нахожусь в привилегированном положении: так далеко в космос не забирался почти никто в истории. Я все еще жив, и меня окружают люди, а это означает дружбу, партнерство и участие. И не только со стороны Греты, но и со стороны всех товарищей по несчастью.

Кстати, их оказалось гораздо больше, чем я увидел в первый день. В коридорах – сперва почти пустых – становилось все многолюдней, а когда мы принимали пищу в куполе под Млечным Путем, многие столики оказывались заняты. Я вглядывался в лица сотрапезников; было приятно узнавать знакомые черты. Какие истории могут рассказать эти люди? Где был их дом? Кто у них там остался? Как они приспособились к жизни здесь? У меня еще вдоволь времени, чтобы познакомиться со всеми. А на этой станции никогда не станет скучно, потому что в любой момент, как сказала Грета, из скважины может появиться очередной заблудившийся корабль. Трагедия для его команды, но для нас – новые лица, вести из дома.

В целом все складывалось не так уж и плохо. А потом у меня в голове щелкнуло.

Причиной стал мужчина, достававший рыбину из прудика в вестибюле отеля.

Я его уже видел. Возле другого пруда с больными карпами. В другом отеле.

Затем я вспомнил гнилые зубы Колдинга и как они напомнили мне о другом человеке, которого я повстречал очень давно. Но фокус в том, что это вовсе не был другой человек. Другое имя, другие обстоятельства, но во всем остальном Колдинг от него ничем не отличался. А когда я пригляделся к обедающим – как следует пригляделся, – то смог бы поклясться, что уже видел любого из них прежде. Здесь не оказалось ни единого лица, абсолютно незнакомого мне.

Оставалась Грета.

И я спросил ее, глотнув вина:

– Здесь все ненастоящее, так ведь?

Она ответила бесконечно печальным взглядом и кивком.

– А как же Сюзи? – спросил я.

– Сюзи мертва. И Рэй тоже. Они скончались в капсулах.

– Но как? И почему они, а не я?

– Частички краски забили входные фильтры. На коротких маршрутах это почти безопасно, но оказалось достаточно, чтобы убить их в полете сюда.

Полагаю, какая-то часть моего сознания всегда это подозревала. И шок оказался слабее, чем жестокое разочарование.

– Но Сюзи выглядела такой реальной. Даже в том, как она сомневалась, сколько пролежала в капсуле... и в том, как вспоминала предыдущие попытки ее разбудить.

К столику подошел стеклянный манекен. Взмахом руки Грета отослала его.

– Это я сделала ее убедительной.

– Ты ее сделала?

– Ты еще не проснулся окончательно, Том. В твой мозг закачивается информация. И вся эта станция – симуляция.

Я глотнул вина, ожидая, что оно покажется водянистым и синтетическим, но оно и теперь имело вкус очень хорошего вина.

– Значит, я тоже мертв?

– Нет. Ты жив. Все еще лежишь в своей капсуле. Я пока не привела тебя в сознание полностью.

– Ладно. Теперь открой всю правду. Я смогу ее принять. Что здесь реально? Существует ли станция? Действительно ли мы так далеко, как ты говорила?

– Да. Как я и говорила, станция реальна. Просто она выглядит... иначе. И она в Большом Магеллановом Облаке, обращается вокруг коричневого карлика.

– А можешь показать станцию такой, какая она есть?

– Могу. Но не считаю, что ты к этому готов.

Я едва удержался от невеселого смеха:

– Даже после всего, что я уже узнал?

– Ты преодолел лишь половину пути, Том.

– А ты прошла его до конца.

– Прошла, Том. Но для меня он был иным. – Грета улыбнулась. – Для меня все было иным.

Затем она снова изменила картину над нашими головами. Остальные, сидевшие за столиками, словно не заметили, как изображение Млечного Пути стало приближаться и мы помчались к галактической спирали, пробиваясь сквозь скопления наружных звезд и газовые облака. Знакомый ландшафт Локального Пузыря стремительно заполнял купол.

Изображение застыло, Пузырь стал лишь одним из многих подобных структур.

Его снова заполнил спутанный клубок сети скважин. Но теперь он был не единственным, а лишь одним из многих клубков красной пряжи, разбросанных на десятки тысяч световых лет. Ни один из них не касался другого, но по их форме и по тому, насколько тесно они располагались, было легко представить, что когда-то они составляли единую систему. Они выглядели как континенты на планете с дрейфующими тектоническими плитами.

– Когда-то эта сеть охватывала всю Галактику, – пояснила Грета. – Потом что-то произошло. Нечто катастрофическое, чего я до сих пор не понимаю. То, что раскололо ее на совсем небольшие домены. В среднем по двести световых лет в поперечнике.

– А кто ее создал?

– Не знаю. Никто не знает. Создателей, вероятно, уже нет. Может быть, поэтому сеть и разрушилась – за ней никто не присматривал.

– Но мы ее нашли, – заметил я. – И участок вблизи от нас все еще работает.

– Да, все отдельные элементы большой сети до сих пор функционируют. Нельзя попасть из одного домена в другой, но сами скважины работают так, как было задумано. За исключением, разумеется, редких маршрутных ошибок.

– Ладно. Но если нельзя перебраться из домена в домен, то каким образом «Синий гусь» оказался настолько далеко? Мы пролетели гораздо больше двухсот световых лет.

– Ты прав. Но некоторые соединения между очень далекими точками могли быть созданы иначе, чем остальные. Похоже, связи с Магеллановым Облаком оказались более прочными. И когда связи между доменами разрушились, внегалактические линии уцелели.

– В таком случае можно перебраться из домена в домен. Но для этого сперва нужно попасть сюда.

– Проблема в том, что, попав сюда, немногие хотят продолжить путешествие. Ведь никто не оказался здесь по своей воле, Том.

– Все равно не понимаю. Какая мне разница, существуют ли другие домены? Эти области Галактики находятся в тысячах световых лет от Земли, а без скважин нам до них никогда не добраться. Они не имеют значения. Там нет никого, кто ими воспользовался бы.

Грета улыбнулась:

– Почему ты в этом настолько уверен?

– Потому что в противном случае разве не стали бы выскакивать из нашей скважины инопланетные корабли? Ты сказала, что «Синий гусь» не был здесь первым. Но наш домен – Локальный Пузырь – лишь один из сотен. И если есть чужие цивилизации, каждая из которых заперта в пределах собственного домена, то почему ни один из ее кораблей не прошел через эту скважину, как наш?

Вновь такая же улыбка. Но теперь от нее у меня застыла кровь.

– А с чего ты взял, что этого не было, Том?

Я подался вперед и взял ее за руку – так, как прежде брала она. Я сделал это без грубости, без угрозы, но с уверенностью, что на сей раз я действительно и искренне хочу того, о чем намеревался попросить.

Ее пальцы сжали мои.

– Покажи, – попросил я. – Я хочу увидеть все таким, каким оно выглядит в действительности. И не только станцию. Тебя тоже.

Потому что к тому времени я все понял. Грета солгала мне не только по поводу Рэя и Сюзи. Она солгала еще и о «Синем гусе». Потому что мы не были последним из попавших сюда человеческих кораблей.

Мы стали первыми.

– Ты хочешь это увидеть? – переспросила она.

– Да. Всё.

– Тебе не понравится.

– Об этом судить мне.

– Хорошо, Том. Но пойми вот что. Я уже бывала здесь прежде. Я проделывала такое миллион раз. Я забочусь обо всех потерянных душах. И знаю, как это работает. Ты не сможешь принять суровую реальность того, что с тобой случилось. Ты съежишься, убегая от нее. И сойдешь с ума, если я не заменю правду успокоительной фикцией. Счастливым концом.

– Почему ты говоришь об этом сейчас?

– Потому что тебе не обязательно это видеть. Ты можешь остановиться там, где находишься, имея представление об истине. Пусть неполное и нечеткое, но представление. И ты вовсе не обязан открывать глаза.

– Сделай, о чем я прошу.

Грета пожала плечами. Налила себе вина, затем наполнила мой бокал.

– Ты сам этого захотел, – сказала она.

Мы все еще держались за руки – двое любовников в момент близости. Затем все изменилось.

Это было похоже на вспышку, на нечто мимолетное и еле уловимое. Примерно как вид незнакомой комнаты, если в ней на мгновение включить свет. Предметы, силуэты, взаимосвязи между ними. Я увидел пещеры, и пересекающиеся червоточины коридоров, и существ, которые перемещались по ним с суетливой целеустремленностью кротов или термитов. Эти существа редко походили друг на друга, даже в самом поверхностном смысле. Некоторые перемещались наподобие сороконожек, за счет волнообразных движений многочисленных когтистых конечностей. Другие извивались, шурша гладкими пластинками панцирей по стеклянистому камню тоннелей.

А ползали эти существа между пещерами, в которых покоились туши чужих кораблей – слишком дикие для описания.

И где-то далеко, где-то вблизи центра астероида, в собственном матриархальном помещении, кто-то отправлял послания помощникам и братьям, ударяя жесткими, коленчатыми и ветвящимися, как олени рога, передними конечностями по кожаному, в мельчайших прожилках барабану. Тот, кто ждал здесь тысячелетиями. Тот, кто желал только одного – заботиться о потерянных душах.

Катерина помогла Сюзи вытащить меня из капсулы.

Мне было паршиво – одно из самых мерзких пробуждений, через которые довелось пройти. Ощущение такое, словно каждая вена наполнена толченым стеклом. На миг, показавшийся бесконечно долгим, сама мысль о дыхании стала для меня невыносимой.

Но прошло и это, как проходит все.

Через некоторое время я уже мог не только дышать, но даже шевелиться и говорить.

– Где...

– Спокойно, кэп, – сказала Сюзи, наклоняясь и начиная отключать меня от всех систем капсулы.

Я невольно улыбнулся. Сюзи умна – лучший синтакс-штурман в «Ашанти индастриал», – а еще она очень красива. И сейчас за мной словно ангел ухаживает.

Хотел бы я знать, ревнует ли Катерина.

– Где мы? – делаю я вторую попытку. – Такое ощущение, словно я провалялся в чертовой капсуле целую вечность. Что-то случилось?

– Мелкая маршрутная ошибка, – сообщила Сюзи. – У нас небольшие повреждения, и меня решили разбудить первой. Но не расстраивайся. Ведь мы живы.

Маршрутные ошибки. Ты слышишь разговоры о них, но надеешься, что с тобой такого никогда не случится.

– Большая задержка?

– Сорок дней. Мне очень жаль, Том. Накрылись наши премиальные.

Я гневно бью кулаком по стенке капсулы. Но тут подходит Катерина и успокаивает меня, положив ладонь на мое плечо.

– Все хорошо, – говорит она. – Ты в безопасности. А это самое главное.

Я смотрю на нее, и на мгновение передо мной возникает лицо другой женщины, о которой я не думал уже много лет. Я даже почти вспоминаю ее имя, но это мгновение проходит.

– В безопасности, – согласно киваю я.

Энола

Днем Счастливица Кодайра работала на Хохолке Какаду. Продавала на тамошнем рынке вещицы, найденные семейством Кодайра зимой, в странствиях на севере, в бескрайних пустынях Безлюдья.

Осколки былых времен, мелкие безделушки, изготовленные сотни лет назад людьми, которые жили еще до наступления Часа, до серебряного света. Одни безделушки разговаривали пронзительными голосами, обычно на языках северных островов. Другие ценились лишь за манящий ореол древности. В некоторых можно было разглядеть лица мертвецов, как, например, в том ожерелье из голограмм, которое Счастливица носила на шее. В ее лотке попадались шкатулки-флейты, они пели каждый раз по-новому, никогда не повторяясь. И всякие диковинки – пресс-папье в форме Разрушенного моста (вот только еще целого), детская игрушка – сверкающий стеклянный лабиринт, по которому ползала капелька жидкого металла, этакий хромированный слизняк; крошечная сфера – Земля, как будто увиденная из космоса, цвета сепии, с черными отметинами. Крошечный глобус так полюбился Счастливице, что она спрятала его на самом дне лотка.

Этот деревянный лоток на тканевом плечевом ремне она носила весь день напролет: семейство Кодайра не было таким уж почтенным, чтобы позволить себе прилавок на рынке. После полудня, устав торговаться и спорить, Счастливица уходила с Хохолка к Разрушенному мосту и на целый час устраивалась в его решетчатой тени. Там она сидела, ела пирожки с фруктами и сушеным мясом, слушала музыку – доносившийся с Хохолка бой барабанов. Окунув ступни в воду, разглядывала на просвет голограммы из своего ожерелья. Ей нравилось изучать лица мертвецов, переливавшиеся неуловимыми радужными цветами. В грохоте барабанов бывали паузы, и Счастливица заполняла их полуоформившимися мелодиями и воображала, будто эти мелодии – лишь обрывки настоящей музыки, которую она сочинила когда-то в другой жизни, недалеко от того места, где сейчас сидит.

На закате девочка с потяжелевшим кошельком покидала рынок и шла по подпрыгивающим понтонам Нового моста на юг, где в автомастерской ее ждал дядюшка. Вдвоем они садились на автобус до дома. Это время дня Счастливица любила больше всего: заградительные аэростаты, пришвартованные к небоскреbam, закатное солнце превращало в золотые рождественские шары.

С каждым годом аэростатов становилось все меньше. Иной сорвется с тросов и улетит, иной просто упадет и повиснет на кронах платанов. Раньше, когда в небе еще летали энолы, приходилось в поте лица трудиться, чтобы содержать заграждение в исправности. Но уже давно не видать ни одной энолы, и на аэростаты махнули рукой, бросили их на произвол судьбы. Теперь в небоскребах работают одни старики – обосновавшись в пентхаусах, они без устали чинят стеганный майлар и ворчат на молодежь, которая веселится ночи напролет.

Дядюшка рассказывал, что раньше аэростаты загораживали город сплошным занавесом. По мнению Счастливицы, не очень-то это было и здорово, ведь они наверняка постоянно застили солнце. В прошлом, если истории староведов хоть в половину правдивы, вообще было совсем не здорово.

Но дядюшка часто повторял: «Никто не знает наверняка».

У Кодайра была комната в хостеле «Монах», красном доме, который прятался в прохладной тени деревьев и летом служил прибежищем кочевым семействам. Кодайра знали почти всех торговцев, которые останавливались тут, ведь они часто встречались в Безлюдье – обменивались запчастями двигателей и маслом для своих оверлендеров. В Безлюдье было сколько угодно места, да и в городе тоже, поэтому никто не покушался на чужую добычу. До наступле-

ния Часа столько всего успели понаделать: стоит где угодно в Безлюдье соскрести пядь грунта – и покажется что-нибудь яркое, незнакомое, за что горожане заплатят не скупясь.

В центральном зале хостела «Монах» стоял стол на козлах. Вокруг него собирались на ужин гостившие там семейства. После трапезы обязательно выпивали и пели хором. Рассказывали истории, оживляли воспоминания. Когда Счастливице разрешали допоздна не ложиться спать, она, широко распахнув глаза, радостно впитывала царившую там атмосферу.

Одна торговка, передав старшему Кодайра глиняную кружку с пивом, поведала, что встретила на севере создателя: тот ползал по равнинам, искал среди мусора металл и пластик. «Если есть создатели, – мрачно, будто предостерегая, заметил кто-то, – то, может, и энолы остались». Но хмурого типа одернули: создателей построили люди незадолго до наступления Часа, а энолы явились с небес, со звезд. Их больше не осталось; вот уже лет десять – двадцать ни слуху ни духу, да и вообще, вероятно, за столько лет и уцелела-то всего одна – отбилась от своих и так ловко спряталась, что создатели ее не прикончили. Блуждающий по Безлюдью создатель – это интересно, да, но беспокоиться не стоит.

– В Безлюдье столько всякого чудного, – рассмеялся дядюшка Кодайра, – что нам и не вообразить. Я такое видал... Смутные громадины вдали на горизонте... – Он хлебнул из кружки. – Я вот что думаю: если там и остались машины, они нас не тронут, как и мы их. Выживают-то лишь самые умные. А умным неприятности ни к чему.

– Дядюшка, а энолы еще остались? – спросила Счастливица.

– Да какое там! – ласково ответил торговец. – Энолы – та еще дрянь, но их уже давно нет. Как и тех динозавров, которых я тебе в музее показывал, помнишь?

Динозавров Счастливица помнила – рассыпанные по растрескавшемуся мраморному полу кости, обросшие пушистым слоем пыли. Но вот где был тот музей, в каком городе – забыла.

Она кивнула:

– Но старики говорят, что энолы еще вернутся. А про динозавров так не говорят.

Торговец опустил на колени, чтобы заглянуть племяннице в глаза, и сказал:

– Детка, а как ты думаешь, почему они так говорят?

– Не знаю, – пожал плечами Счастливица. – Может, чтобы им не казалось, что они зря тратят время на починку аэростатов.

– Тут есть доля правды, – рассмеялся дядюшка. – А еще, чтобы мы, молодые, по-прежнему верили, что они нам делают большое одолжение. – Он потрепал девочку по щеке. – Мы ведь их кормим, даем приют. Вот решим, что проку от них больше нет, и как поднимемся наверх, как повыкидываем их в окошки. Они и ворчать сразу перестанут.

Сначала Счастливице показалось, что дядюшка говорит серьезно, но потом она увидела, как насмешливо изогнулись его губы. «Если он так легко отмахивается от стариков, – подумала девочка, – может, они и не правы. Может, им просто нравится шить и они придумывают себе для этого причину».

Кодайра стер с подбородка пивную пену, поставил кружку и подхватил Счастливицу на руки:

– А знаешь, что я думаю, принцесса?

Девочка заглянула ему в глаза, боясь услышать продолжение.

– Нет.

– А думаю я, что тебе давно пора спать.

– Мне снова приснится дурной сон, – замотала она головой. – Я точно знаю.

Но Счастливица знала и то, что спорить бесполезно. К тому же дядюшку упрекнуть не в чем. Ей ведь никогда не удавалось на следующий день толком вспомнить содержание сна.

Глаза были закрыты, она не видела стен хостела «Монах» и потемневших от табачного дыма распятий. Она видела расчерченные инверсионными следами небеса над полем боя, дым, поднимающийся в стратосферу от развороченных машин.

Просканировав горизонт, она поняла причину тишины, беспокоившей ее уже почти две-сти мегасекунд. Она последняя осталась в небе, все остальные – внизу, зарылись в землю или их прикончила полушарная сеть.

Повозившись, она нашла на подушке местечко попрохладнее. Смутно припомнился шарик-глобус, который она носила в деревянном лотке по Хохолку Какаду. Она увидела на нем переплетение красных линий, радиально расходящихся от двух континентов (названий этих континентов она не знала, зато знала, что служит одному из них); увидела, как землю усеивают крупинки золотого света, как навсегда гаснут красные линии.

А потом окончательно соскользнула в сон, утонула в воспоминаниях, не задерживаясь на спасительных бессонных отмелях.

Это был сон о войне.

Война в той мере, в какой она имела значение для тех, кто ее начал, закончилась. Сети больше нет, ни одна из сторон не может теперь поддерживать связь со своими рассеянными войсками. Почти все центры, где сосредоточилось население, подверглись ударам, многие города просто-напросто исчезли с лица земли, превратились в кратеры. Зоны боевых действий были разбросаны бессистемно: солдаты дезертировали, сбились в банды мародеров, охотящихся за едой, водой и медикаментами. Машины, которым удалось пережить первые пятьдесят минут сражения, бездействовали, ожидая приказа.

Такие же машины, как и она сама.

Она покружила возле вражеских сооружений и взяла на прицел фабричный модуль, с грохотом ползущий по морю барханов.

Встреча с модулем снилась ей много раз и теперь воспринималась как начало собственной метаморфозы. Она едва ли обладала сознанием, когда целилась в противника, но именно в этот момент был дан толчок эволюции, которая привела... которая завела ее так далеко во времени и пространстве. Хотя модуль был поврежден и уже давно бездействовал, она испытывала к нему необъяснимое сочувствие. Как к истрепанной, проеденной молью кукле. Она решила уничтожить его дискетным залпом, сочтя слишком мелкой целью для ядерного боезаряда. У нее, как у пчелы, лишь одно жало; пустив его в ход, она протянет недолго.

Заострив крылья, она ринулась вперед, чтобы на сверхзвуковой скорости впритирку к земле зайти на цель.

Еще мгновение – и она уничтожила бы модуль, но тот вдруг выпустил лазерный луч.

Фабричный модуль не попытался ее сбить, он отправил закодированное сообщение для смарт-среды в ее электронном мозгу. На первый взгляд сообщение выглядело вполне безобидно. Но она все равно потратила несколько микросекунд, проверяя его на вирусы, и лишь потом допустила в свой мозг.

Еще несколько микросекунд ушло на обдумывание.

Она догадалась, что это послание – в определенном смысле форма защиты. В электронный мозг загрузились тысячи симуляций. Все они проигрывали ее возможные атаки: вот дискетные снаряды вылетают, расходятся вращающимися пятнышками, а потом фабричный модуль сбивает каждый ответным ударом, так что они не успевают нанести ущерб.

Еще через несколько микросекунд она осознала, что именно имеет в виду модуль: «Уходи, ты зря теряешь время. Побереги боеприпасы для того, кого действительно сможешь уничтожить. Здесь ты успеха не добьешься – чуть заденешь мою броню, вызовешь несколько мелких системных сбоев...»

Тогда она подумала: «Да, но как насчет тех вариантов атаки, которые ты не учел?» Она нашла новые траектории и точки сброса. На основе полученных симуляций смоделировала свои собственные, чтобы определить, справится ли с ними фабричный модуль.

Результатом осталась довольна. Такие удары модулю не отразить.

Но что, если она ошиблась?

Она решила не атаковать, а послать одну из своих симуляций. Интересно, что на это ответит модуль. Время еще было: две десятых секунды, чтобы выбрать оптимальный вариант.

Целая куча времени.

В ожидании ответа она от нечего делать запустила самодиагностику и проверила оружие. Спустя целую вечность фабричный модуль отправил еще один лазерный луч. Она расшифровала сообщение, изучила его во всех возможных аспектах.

И поняла, что все слишком сложно. Фабричный модуль уже учел ее варианты. Он играет с ней, разоблачает ее блеф. И сейчас сообщил вот что: да, она сможет его прикончить, но есть одно «но» – модуль уничтожит и ее саму.

«Попробуй, – словно говорил он, – и я заберу тебя с собой».

Он даже не попытается минимизировать собственный урон.

«Подумай об этом».

Да, ей требовалось время на размышления. Больше двух десятых секунды. Эта ситуация не учитывалась параметрами смарт-среды. Какой бы умной ни создали ее разработчики, такую вероятность они не предусмотрели.

Она вышла из атакующего режима, убрала крылья, приземлилась и зарылась глубоко в песок. Обеспечив себе безопасное убежище, отрядила для переговоров дистанционно управляемого разведчика, маленькую когтистую обманку, которая вылезла на поверхность в километре от своей носительницы.

С трудом преодолевая встроенные программные ограничения, она проанализировала противника.

Это был производственник, копающийся в отходах и руинах. Он мог изготовить все, что было заложено в его память. Оборудование и оружие. Например, запасные части для вражеской версии ее самой.

Она прокручивала эту информацию в мозгу еще несколько микросекунд.

Мозг засверкал, как пинбол-автомат при выигрыше. У нее появилась идея.

Она отправила фабричному модулю подробную схему самой себя, где были указаны износившиеся элементы, пределы усталости материалов, боевые повреждения. По большей части правда, но кое-что искусно преувеличено. Она как бы невзначай подчеркнула рабочее состояние своего главного боеприпаса и притворилась, что остальное оборудование в плохом состоянии. Надеялась, что модуль четко поймет послание. «Взвесь все за и против. Мне в любом случае осталось недолго. Я вполне могу покончить с собой самоподрывом и заодно уничтожить тебя».

Ответ она получила быстрее, чем рассчитывала. Поток схем, лавина чертежей и показателей производительности.

«Не торопись, наверняка есть возможность... заключить сделку. Я могу изготовить новый элемент для твоей турбины или запчасть для фюзеляжа... Почему бы нам это не обсудить?»

Все взвесив, она отправила чертежи деталей, в которых особенно нуждалась. В ответ фабричный модуль выслал сценарий: она садится на передний аппаратный въезд, механические руки меняют детали, потом она улетает в закат, обе машины остаются невредимыми.

«Да...»

Она вернула разведчика и вылетела из своего убежища в громовом вихре из огня и песка.

Фабричный модуль она не тронула, а потом больше никогда его не встречала. Наверное, впоследствии его уничтожила какая-нибудь машина поглупее, неспособная оценить все преимущества взаимовыгодного обмена. А может, он зарылся в землю и навсегда сделался отшельником.

Как бы то ни было, она увлеклась этой игрой.

В своих странствиях она встречала другие машины – не только вражеского производства. В конце концов перестала различать своих и чужих. Только одно имело значение: было ли у машины то, в чем она нуждалась. Если было, она прибегала к испытанной уловке – угрожала взорваться. В противном случае просто улетала без боя. Тут сказывался эволюционный отбор: машины, которым удалось так долго продержаться на войне, были умнее остальных. Подобно ей самой, они могли оценить выгоду честной сделки. Освоить искусство переговоров.

Следуя требованиям, заложенным еще ее создателями, она превратилась в быструю воздушную крепость и приобрела страшную разрушительную мощь. Но развиваться в этом направлении бесконечно нельзя. Через несколько десятков мегасекунд в один прекрасный день она осознала, что начинает уставать от бесконечного самосовершенствования. Это занятие потеряло смысл, ведь вокруг осталось так мало машин и почти ни одна не летала.

У нее было все необходимое. Пока цел ядерный боеприпас, пока работают средства связи, пока удастся избежать столкновений с самыми глупыми машинами, можно продержаться сколь угодно долго.

И она начала выторговывать себе программы и дополнительные модули смарт-среды. Были определенные трудности с установкой, ведь ей обычно приходилось в такой момент ослаблять контроль над своим главным оружием. Но уцелевшие фабрики не желали рисковать и не пытались разоружить ее во время апгрейдов. А если машины уже раньше имели дело друг с другом, то обычно присутствовал некий элемент доверия.

С каждой новой переделкой она все больше умнела. Некоторые фабричные модули взялись просеивать оставшиеся после войны обломки; в развалинах городов они находили хрупкие данные-воспоминания. Среди прочего и электронные имитации настоящих людей – лидеров и художников довоенного мира.

Сначала она собирала мертвецов, чтобы улучшить свои навыки для переговоров. Но через какое-то время уже делала это исключительно ради них самих. Она загружала чужие сознания себе в мозг, позволяла им взаимодействовать, и они распускались, будто цветы в каменном саду. Для их функционирования она выделяла целые сегменты своего сознания. По мере того как мертвецы занимали в ее разуме все больше места, они все теснее общались между собой. Внутри ее сливались сотни недоразумов.

Шли десятилетия. С каждым годом фабричные модули находили все меньше доступных для чтения данных. А потом за целый год не обнаружили вообще ничего дешифруемого и не смогли предложить ей новых мертвецов.

Зато предложили их голографические изображения. Теперь она изучала лица; ее разум отяжелел от хранящихся в нем данных. Она все еще могла летать, но растеряла былое проворство. Собственная жизнь до встречи с тем первым фабричным модулем казалась древним жестоким сном.

Минули тысячи мегасекунд.

Спустя столетие фабричные модули и другие наземные машины встречались уже очень редко. Она, бывало, странствовала по многу мегасекунд в поисках собеседника. Обнаружить его всегда было приятно, ведь опасных – то есть глупых – машин почти не осталось, а избегать следовало только таких. Остальных она считала друзьями, хотя и не была до конца уверена, что они ее воспринимают так же.

Фабричные модули знали, что она защитит их от хищников, но такого рода взаимодействие теперь было в основном теоретическим, потому что агрессивных машин почти не

осталось. Со временем исчезли убийцы, отсеялись те, кто не сумел приспособиться к послевоенному миру, а потому встречи происходили все реже и у машин складывались приветственные церемонии, особые алгоритмы действий. Она принимала подарки, которые не приносили очевидной пользы. Маленькие красивые безделушки, откопанные и починенные ползунами. Знаки доброго расположения, диковинки поверженного во прах мира. Некоторые были явным китчем, по-своему милым, как, например, наноконструктор вирусов, который один фабричный модуль раскопал в руинах лаборатории по производству биологического оружия. Какой прок от подобных вещей в мире, где существуют лишь машины?

Но она все равно принимала такие подарки. Отказываться было невежливо. Расчищала для них место, избавляясь от оружия и лишних элементов двигателя, выкидывала то, что сделалось ненужным.

Шли годы. Она вдруг осознала, что время для нее ускорилося. Ее схемы ветшали, убывала эффективность мозговых процессов. Она медленнее думала. Теряла нить, когда размышляла о чем-то сложном.

Она снашивалась, сбоила. Сказывались внутренние повреждения, которые так долго удавалось нейтрализовывать фабричным модулям.

И как ни парадоксально, именно тогда на Земле сызнова началась история.

Она ошибалась: остались не только машины. Были и люди, но они так долго держались особняком, что совершенно ни на что не влияли. И вот теперь люди оживились. Небеса понемногу исцелялись, и мелкие группы кочевников, оставив прибрежные города, отправлялись в бывшие зоны боевых действий.

Они ее заморозили.

Она изучала их миграции, прячась за облаками. Время от времени посылала вниз разведчиков, чтобы знакомиться с языками, изучать историю. Люди выходили из городов зимой, когда небо закрывали непроницаемые облака. Разумно. Из военных данных она знала, что уровень радиации в пустошах (люди прозвали их Безлюдьем) остается высоким. Даже зимой попадают очаги – старые развалины, излучающие изотопы. Люди очень мало знали об этом. Они утратили все бумажные носители информации довоенного мира, не говоря уже об электронных архивах. Теперь люди полагались на устные рассказы о прошлом, на староведов.

«Это естественно, – сказал один из живших в ней разумов. – У нас сильна устная повествовательная традиция...»

Она узнала, что люди называют войну Часом, после стольких-то лет. Разумы внутри ее неумолчно спорили и рассуждали. «Те люди внизу – дикари». – «Нет, они стремятся вернуть былое величие». – «Нет, дикари – только взгляните на них».

В ее мозгу вспыхивали, возникая из ниоткуда, образы. Она видела белое здание в форме выброшенной на берег раковины; теперь на его месте развалины, в обломки закругленных стен бьются волны. Видела, как люди разграбили его.

«Дикари, – не унимался мертвый голос, – там, где они сейчас мочатся, я дирижировал симфонией...»

«Да к черту твою симфонию! Моя компания построила половину этих башен – только посмотри на них! Спинифекс вымахал до третьего этажа... В пентхаусах ютятся бродяги...»

«Сволочь буржуйская! Это вы, капиталисты, понаделали проклятых машин, которые все это учинили, или забыл?»

«Друг мой, одна из этих проклятых машин сохраняет тебе жизнь, почему – бог весть...»

Она закрыла свой разум, чтобы не слышать эти свары, но ей удалось лишь изолировать их, так что они теперь отдавались громким эхом. Понятно, почему мертвецы спорят. Они тоскуют, запертые внутри ее, – ведь внизу кипит жизнь. Она совершила ошибку, когда начала изучать кочевников и напомнила мертвецам об утраченной человеческой природе. Им снова хочется жить, а уцелевшие на Земле люди их озлобляют. Да, она это понимала, но ей это не

нравилось. С фабричными модулями куда проще иметь дело. Машины никогда не знали другой жизни, только теплое спокойствие Безлюдья. Она спасла мертвецов, а теперь они набрасываются друг на друга, грызутся у нее внутри.

«Ты предаешь свой собственный вид...»

Она начала вычищать самых шумных, стирать эти личности из смарт-среды. Странное у нее возникало чувство, когда грозный голос запинаясь на середине фразы, постепенно смолкал на громкой ноте. Ей вспомнились городские огни, чьи отражения тускнели на шарике, который она весь день носила по Хохолку Какаду, и она поняла, что это воспоминание вне времени, сон внутри сна.

Она стерла людей, которые изобрели машины, подобные ей, и как раз собиралась стереть музыканта, но ее остановил приступ сострадания.

К тому моменту остальные, что-то заметив, умолкли. Теперь она чувствовала себя свободнее, легче. И знала, что так же чувствуют себя и они, личности внутри ее. У них появилось больше места для роста. Они все словно бы хором вздохнули.

«Прости, – сказали они. – Мы были эгоистами. Ты спасла нас от небытия, а мы не обращали на тебя внимания».

Она ответила, что понимает, но избавиться от тех, буйных, было необходимо.

«В юности, – сказала она, – я брала сильные умы, потому что сама была предназначена для войны. Но теперь мне не нужно, чтобы они управляли мной. Я взяла вас, потому что хотела воссоздать то, чем вы были когда-то, ради вас самих. Потому что надеялась учиться у людей».

«Но мы по-прежнему мертвы».

«Это я знаю. Но не знаю, как помочь вам вернуться к жизни».

Они зароились там, внутри, и спустя множество микросекунд обратились к ней:

«У нас есть ответ. Но тебе он может не понравиться».

Она вернула их в Безлюдье. Стояла зима, на небе низко висели серые облака, горизонт прошивали молнии. Они следовали за кочевым племенем. Это племя не возвращалось в города, а промышляло грабежом – нападало на бродячих торговцев, на искателей кладов. К тому моменту разумы внутри ее сформировали единую согласованную личность. Ее саму можно было назвать одним из аспектов этой личности, ее гранью. Они пользовались одной и той же смарт-средой (хотя к тому моменту это уже была нервная ткань на органической основе, благодатная почва, которую она создала с помощью наномашин, медленно преображая свои умирающие схемы). Если на одном и том же носителе существуют два или более разума, они неизбежно размываются и сливаются друг с другом, как кляксы на промокашке. Она была ими. Они были ею.

И у них появился план.

Кочевники были одной семьей. Вот уже почти сто тридцать лет она следила за их перемещениями по внутренней части континента. И почти столько же изучала их генетический профиль, брала пробы у представителей каждого поколения с помощью разведчиков – крошечных копий ее самой, не больше комара размером, которые могли отщипнуть крупинку кожи со щеки или высосать каплю крови из крошечной ранки.

Состояние этой семьи оставляло желать лучшего. Какое-то время она пыталась их лечить, вводила вирусы, которые незаметно, без их ведома исправляли генетические дефекты. Пыталась свести на нет сбои, вызванные постоянным кровосмешительством. Но у нее ничего не вышло – инструменты были слишком грубыми и не подходили для такой задачи. Один за другим люди внизу умирали.

Они понятия не имели, что происходит, знали лишь, что их дети не развиваются как положено.

Тогда они стали убивать детей. Она наблюдала в ужасе, уверенная, что любое ее вмешательство только ухудшит ситуацию. Убийства обставляли как ритуал, призванный умиловать Небеса, ангелов смерти, которых они звали энолами. И это было самым странным – люди будто забыли, кто именно создал машины вроде нее. Быть может, все зашло еще дальше и это намеренное искажение памяти. Она подозревала, что в течение многих поколений люди подправляли передававшиеся из уст в уста рассказы о прошлом, выборочно забывали одно, меняли другое.

Они не желали помнить, что произошло на самом деле.

Мир был таким, каким его сотворили человеческие руки и разум. Но люди переложили вину на метафорические фигуры, на явившихся с небес демонов. Будто бы теперь, когда мир стал проще, им не хочется вспоминать прошлые зверства. Но еще не настала эра милосердия, поняла она. Люди, за которыми она наблюдала, не жалели больных детей – их оставляли на песке, а караван шел дальше.

Она оплакивала несчастных, раз уж никто другой этого не делал.

Но она и сама была больна. Починила разум, но тело по-прежнему работало вяло, иногда отключалось при повышенной солнечной активности. В конце концов она подобрала брошенного ребенка, которого иначе засыпали бы пески или сожрали вышедшие на ночной промысел псы Безлюдья. Ребенок не дышал. Она поместила его внутрь себя и в каком-то смысле вернула к жизни. Изучив мозг, поняла, что он серьезно повредился из-за нехватки кислорода. Там не было связей и вообще ничего, на чем могла бы запечатлеться через ощущения и познание жизнь.

На это она и рассчитывала. Ребенок – чистый лист. А значит, она не лишит дитя предназначенной ему жизни. Разве что в том смысле, в каком композитор лишает мир бесчисленных симфоний, что теряются между выводимыми им нотными знаками.

Запустив в ничем не занятую глиальную ткань вирус, она прождала без малого восемь мегасекунд. Вирус создал нейронную основу, а потом начал высвобождать информацию, закодированную в своем ДНК, чтобы встроить в развивающийся мозг память и личность.

Она знала – они знали, – что вирус сможет передать лишь крошечную частицу того, чем они стали, а то, чем они стали, все еще очень далеко от жизни. В ребенке – в девочке – останутся их тени. «Словно холст, который закрашивали много-много раз», – сказал живший внутри ее художник. Девочка будет носить в себе призраки их прошлых «я» до самой смерти. Но сформируются, достигнут доминантности ее собственные личность и воля. Она будет носить мертвецов с собой, словно мелкие безделушки, как носила их в воздухе машина.

Позже в ту зиму машина нашла семью Кодайра, ставшую лагерем возле источника. К этому моменту она уже разучилась летать. Она успела оставить ребенка там, где бесплодному Кодайре и его больной жене предстояло его найти, а потом небо отчего-то окрасилось в невообразимый оттенок черного, и голоса у нее внутри внезапно смолкли. Но происходящее виделось ей во сне откуда-то издалека.

Счастливицу разбудил дядюшка. Девочка поняла, что он уже давно с нежностью на нее смотрит, тихо сидя на краю кровати. Его силуэт темнел на фоне предрассветного неба, лилового с апельсиновыми разводами.

– Ты ворочалась во сне, – сказал Кодайра, – и я решил тебя проведать. Но когда подошел, ты уже успокоилась. Наверное, мне просто захотелось посидеть рядом, посмотреть, как ты спишь.

– Мне снова приснился тот дурной сон.

– Ты спала очень крепко.

– Сон плох только в начале. А потом все люди снова живы, после того как долго-долго провисели в воздухе.

Она тотчас поняла, как глупо прозвучали ее слова – бессмысленный детский лепет. Но как объяснить такой сон? Тем более что он снился уже столько раз... Хотя, если вспомнить, этим летом пореже.

Девочка приподнялась на локтях и спросила:

– Дядюшка, ты ведь говорил, что энолы были плохие. Те люди в небоскребах тоже так говорят. Но я не знаю почему... Чем провинились энолы, за что их не любят?

– Ну, это долгая история, – улыбнулся дядюшка. – Посмотри-ка, светлеет. Скоро птицы запоют. Может, поспишь еще?

Она замотала головой:

– Я устала спать.

– Милая, мне известно лишь то, – пожал плечами Кодайра, – что говорят староведы. Вот умел бы я читать, может, нашел бы пару книжек, которые не рассыпаются в прах от одного прикосновения. Тогда, глядишь, и разобрался бы, правы старики или нет. А так я знаю лишь то, что они всем нам рассказывают. О прошлом, о наступлении Часа, об энолах. Как те явились из космоса в конце самого долгого на Земле мира. Как раньше на северных островах было два больших города, а потом над одним, а через несколько дней над другим появились энолы и города исчезли в серебряном свете. Как люди ослепли, мгновенно превратились в тени на стенах. Как потом, когда свет померк, от городов не осталось ничего, только пустое место.

Он подтянул к себе детскую ладошку и начал вычерчивать на ней пальцем завитки.

– Энолы налетели снова, но уже не так неожиданно. Нас защищали создатели, они сражались с энолами, когда настал Час. Сбрасывали их с небес – энолы ведь были уязвимы. Этот город, хоть и не весь, остался таким, каким был до Часа, а все потому, что энолам не удалось подобраться близко и зажечь свой серебряный свет. С годами энол стало меньше.

– Пусть кто-нибудь скажет старикам: энолы улетели и больше не надо чинить аэростаты.

Кодайра немного помолчал.

– Милая, старикам нужно для чего-то жить. Но тебе не должны сниться кошмары из-за энол. – Он улыбнулся, и в полумраке было видно, какие кривые у него зубы. – Интересно, когда тебе в последний раз снился кошмар про динозавра?

Она хихикнула.

Дядюшка пощекотал ее ладонь, а потом наклонился и поцеловал в щеку.

– Милая, давным-давно «Энола» было просто именем. Красивое имя для девочки, совсем не подходящее ужасному демону. Когда ты родилась, в небе уже много лет никто не видел машин – во всяком случае, никто из тех, кому можно верить. Наши друзья зовут тебя Счастливицей, и это не случайно – я нашел тебя в песках до наступления ночи. Но по возвращении в город мы назвали тебя Энолой, чтобы вернуть это имя в мир – и подарить его любимому существу. Может, ты никогда не будешь на него откликаться. Но в одном я уверен: ты очень красивая, моя маленькая принцесса Энола, и потому тебе не должны сниться плохие сны.

Дядюшка ушел, лучи солнца вызолотили тросы аэростатов, висящих далеко-далеко над городом. Она заснула спокойным сном. Ей снился будущий день, шум и ароматы на Хохолке Какаду, музыкальные шкатулки-флейты, радужные мерцающие лица мертвецов, пустые небеса.

«Энола» – последний из трех рассказов, которые я за сравнительно короткое время продал журналу «Interzone». Первые два были моими первыми профессиональными публикациями, а с «Энолой» мое имя в первый раз попало на обложку. Рассказ поместили на последних страницах, сопроводив прекрасными иллюстрациями. Я решил, что это хороший знак – теперь я буду регулярно писать для «Interzone».

Как же я ошибался! Рассказы, которые я отправлял туда после «Энолы», редакции совсем не нравились, и снова я там издался только четыре года спустя. Когда трагично

столько сил и времени, чтобы пробиться на рынок, а потом перед тобой захлопывается дверь и ты снова один на холоде, накатывает уныние. А в моем случае – кромешное уныние, ведь мне представлялось, что рассказы, которые «Interzone» отбраковывает, во всех отношениях лучшие тех, что напечатаны там раньше. «В чем же дело?» – недоумевал я. Теперь, просматривая некоторые из отвергнутых работ, я прекрасно понимаю, в чем дело. Они были перегруженными, косноязычными, раздувшимися от самомнения. И только когда я сдал назад и опять стал писать быстро и неистово (рассказ «Byrd Land Six», сюда он не входит), дверь приоткрылась снова. Что касается рассказа «Энола», который, как я надеялся, ознаменует новый этап моей карьеры, – то он не переиздавался. Но мне он всегда нравился, тем более что в нем вскользь затрагиваются многие темы, которые появлялись потом в других моих работах. Человек, который переводил этот рассказ на немецкий, мимоходом услужливо сообщил читателям: если переставить буквы в английском слове «Enola», получится «alone» – «одна, одинокая». Какое отношение это имеет к сюжету, я так и не понял.

Помехи

Пятница

Когда за Майком Лейтоном пришли из полиции, он был в подвале, в аппаратной. Он все утро пытался связаться с Джо Ливерсэджем, предупредить его, что не придет играть в сквош, как они договаривались. Неделя перед экзаменами оказалась забита под завязку, и Майк мрачно заключил, что проверка контрольных не оставит ему ни единого свободного часа на игры. Беда в том, что Джо то ли выключил телефон, то ли оставил его в кабинете, чтобы не нарушать работу аппаратуры.

Послав ему сообщение по электронной почте и не получив ответа, Майк решил, что придется прогуляться на другую половину здания и уведомить друга лично. В отделе, где работал Джо, Майка хорошо знали и пропускали свободно.

– Привет, дружок! – Джо оглянулся через плечо, держа в руке недоеденный сэндвич. На шее у него, чуть ниже линии волос, белела повязка. Он сидел, согнувшись над столом с ноутбуком, кабелями и грудями дискет. – Готов получить трепку?

– Я как раз насчет этого, – сказал Майк. – Извини, придется отменить. Сегодня вздохнуть некогда.

– Поганец!

– Тед Иванс мог бы меня заменить. У него все с собой. Ты же вроде знаком с Тедом?

– Бегло. – Джо отложил сэндвич, чтобы закрыть колпачком фломастер. Этот дружелюбный йоркширец попал в Кардифф на стажировку, да так и застрял здесь. Он женился на археологине по имени Рэйчел, не вылезавшей с раскопок римских руин под стенами Кардиффского замка. – А если тебе хорошенько руки повыкручивать? Тебе бы пошла на пользу маленькая передышка.

– Понимаю. Но времени совсем нет.

– Ну смотри. А как вообще дела?

Майк философски пожал плечами:

– Бывает лучше.

– Ты собирался позвонить Андреа. Звонил?

– Нет.

– А надо бы, знаешь ли.

– Я не умею разговаривать по телефону. А ей, мне кажется, нужно, чтобы ее на время оставили в покое.

– Уже три недели прошло, приятель.

– Знаю.

– Хочешь, жена ей позвонит? Не легче будет?

– Нет, но все равно спасибо.

– Позвони ей. Дай ей знать, что она тебе нужна.

– Я подумаю.

– Да уж, подумай. И кстати, не спеши уходить. Ты удачно пришел. Сегодня утром около семи прошло соединение. – Джо постучал по экрану ноутбука, по которому скользили ряды черно-белых цифр. – И хорошего качества.

– Правда?

– Сходи посмотри на приборы.

– Не могу. Работа ждет.

– Ты еще пожалеешь. Так же как пожалеешь, что не сыграл со мной и не позвонил Андреа. Я тебя знаю, Майк. Тебе от роду суждено каяться.

– Ну ладно, пять минут.

На самом деле Майк с удовольствием застрял бы в подвале у Джо. Как ни хороша была работа Майка по начальному развитию Вселенной, но работа Джо казалась чистым золотом. Сотни ученых из разных концов света пошли бы на убийство за экскурсию по лаборатории Ливерсэджа.

В подвале стояло десять тяжелых приборов, каждый размером с паровой двигатель. К ним нельзя было приближаться с кардиостимуляторами и другими имплантатами, но Майк об этом знал и заранее выложил все металлические предметы, прежде чем спуститься вниз и пройти через дверь с сигнализацией. В каждой машине скрывался десятитонный брусок сверхчистого железа, погруженный в вакуум и подвешенный в магнитном поле. Джон склонен был ударяться в лирику, повествуя о прочности вакуума и о динамической стабильности генераторов магнитного поля. Если бы Кардифф встряхнуло шестибалльное землетрясение, бруски не ощутили бы ни малейшего колебания.

Джо величал это помещение телефонной станцией.

Приборы назывались корреляторами. Восемь постоянно действовали в рабочем режиме, в то время как два оставшихся отключались для ремонта и усовершенствований. Восемь функционирующих аппаратов занимались вызовами наугад – гнали случайные наборы цифр через разрыв между квантовыми реальностями, ожидая, не отзовется ли кто на другом конце. В каждой машине с помощью лазера постоянно поддерживалось возбуждение квантов. Отслеживая гармоника колебаний в возбужденном железе, ответный вызов, как выражался Джо, тот же лазер, определял, когда брусок попадал в замыкание с другой ветвью квантовой реальности – с другой мировой линией. В сущности, брусок попадал в резонанс со своим двойником в другой версии того же подвала в другой версии Кардиффа.

Когда устанавливалась связь, когда замыкались две вызывающие машины, две неразличимые до сих пор линии образовывали информационную цепь. Когда лазер передавал на железо низкоэнергетические импульсы, достаточные, чтобы воздействовать на него, не нарушая в то же время связи, толчки регистрировались в лаборатории-двойнике. Таким образом можно было передавать сигналы в обе стороны.

– Вот эта крошка, – проговорил Джо, похлопав действующую машину. – И похоже, связь надежная. Должна продержаться дней десять – двенадцать. Думаю, это работа вот этой самой.

Майк покосился на повязку у него на шее, чуть ниже затылка:

– Ты что, нервосвязь вставил?

– Помчался в медицинский центр, едва узнал о замыкании. Волновался – первый раз как-никак. А оказалось проще простого. Совершенно безболезненно. Через полчаса я уже оттуда вышел. Меня даже угостили чайным печеньем.

– Угу, чайное печенье, значит. Ничего лучшего, надо думать, не нашлось. Надо понимать так, что ты сегодня уходишь?

Джо запустил руку за плечо и, сорвав повязку, открыл крошечное пятнышко, как от пореза при бритье.

– Скорее, завтра. Или может, в воскресенье. Нервосвязь еще не задействована, а потом к ней надо привыкнуть. Да ведь времени у нас вагон, даже если не включать нервосвязь до воскресенья. Все равно еще будет пять-шесть дней чистого сигнала, пока мы не выйдем на предел помех.

– Тебе, должно быть, не терпится?

– Для меня сейчас главное – ничего не напортачить. Ребята из Хельсинки и так наступают нам на пятки. По моим расчетам, отстают всего на несколько месяцев.

Майк знал, как много значит для Джо этот последний проект. Передача информации между различными реальностями – это одно дело и, собственно говоря, само по себе немалое достижение. Но теперь технология вырывалась из лаборатории в жизнь. По всему миру

существовали сотни лабораторий и институтов с такими же корреляторами. За пять лет почти невероятный прорыв в науке превратился в признанную составляющую современного мира.

Но Джо и его команда всегда работали на переднем крае технологии и не стояли на месте. Они первыми научились передавать и принимать из другой реальности голосовой и видеосигнал, а в последний год применили снабженного камерами наблюдения робота из тех, что использовались туристами до изобретения нервосвязи. Джо даже позволил Майку поводить немного такого робота. Управляя его манипуляторами через специальные, передающие мускульный сигнал перчатки и глядя на мир его глазами, выводящими стереоскопическую проекцию на шлем, который создавал эффект виртуальной реальности, Майк действительно чувствовал себя так, словно во плоти перенесся в другую лабораторию. Он мог ходить по ней и брать в руки вещи так, словно на самом деле перешел в альтернативную реальность. Самым удивительным оказалась встреча со второй версией Джо Ливерсэджа, работавшей в лаборатории-двойнике. Оба Джо воспринимали эту ситуацию с невозмутимым спокойствием, словно сотрудничество со своим двойником – самое обычное дело.

На Майка робот произвел большое впечатление, но для Джо это была только ступенька к чему-то лучшему.

– Ты только подумай, – говорил он. – Несколько лет, как туристы стали вместо роботов подключаться к нервосвязи. Кому интересно таскать по какому-нибудь ароматному заграничному городу громающую махину, когда можно управлять теплым человеческим телом. Да, робот видит, двигается, может взять вещь в руки, но он не передает тебе запахов, вкуса пищи, тепла, прикосновения других людей.

– Угу, – неохотно промычал Майк.

Он, по правде сказать, не одобрял нервосвязи, хотя именно нервосвязь давала заработок Андреа.

– Ну вот, мы собираемся сделать то же самое. Установка уже собрана. Подключить ее – пара пустяков. Нужно только дождаться прочной связи.

И вот Джо дождался. Майк так и видел глазами друга заголовок на обложке «Нэйчур». Может, тот уже представлял себе долгую поездку в Стокгольм.

– Надеюсь, у вас все сработает, – сказал Майк.

Джо снова потрепал коррелятор по кожуху:

– Я на него надеюсь.

И вот тогда к ним подошел один из практикантов Джо. К удивлению Майка, обратился он не к Джо, а к нему:

– Доктор Лейтон?

– Это я.

– Там вас хотят видеть, сэр. Кажется, что-то важное.

– Меня хотят видеть?

– Сказали, вы оставили в кабинете записку.

– Оставил, – рассеянно подтвердил Майк. – Но я же предупредил, что скоро вернусь. Неужто настолько важно?

Как выяснилось, искала Майка сотрудница полиции. И, увидев ее наверху лестницы, Майк сразу понял по ее лицу, что ничего хорошего не услышит.

– Случилось кое-что. – Она была очень молода и выглядела обеспокоенно. – Где бы нам поговорить?

– Зайдите в мой кабинет, – предложил Джо и открыл ближайшую по коридору дверь.

Потом он оставил их вдвоем, сказав, что спустится в вестибюль к кофейному автомату.

– У меня плохая новость, – сказала девушка из полиции, когда Джо закрыл за собой дверь. – Наверное, вам лучше сесть, мистер Лейтон.

Майк выдвинул из-под стола стул Джо, заваленный бумагами, – кажется, Джо проверял курсовые. Майк сел, не зная, куда девать руки.

– Что-то с Андреа, да?

– Боюсь, что с вашей женой этим утром произошло несчастье.

– Какое несчастье? Что случилось?

– Вашу жену сбила на улице машина.

Гадкая мыслишка промелькнула в голове Майка: вот чертовка, вечно она носится через дорогу, не глядя по сторонам. Сколько раз он ей говорил, что когда-нибудь она пожалеет!

– Как она? Куда ее отвезли?

– Мне в самом деле очень жаль, сэр... – Сотрудница полиции запнулась. – Ваша жена скончалась по дороге в больницу. Как я поняла, врачи «скорой» сделали все возможное, однако...

Майк слышал и не слышал ее. Этого не может быть. Да, машины еще иногда сбивают людей. Но никто больше не умирает, попав под машину. Машинам в населенных пунктах не разрешается развивать скорость, при которой можно убить человека. Погибнуть, попав под машину, – такое случается в мыльных операх, но не в жизни. Не чувствуя собственного тела, словно издали, Майк спросил:

– Где она сейчас? – Словно, увидев ее, смог бы доказать, что они ошиблись, что она вовсе не умерла.

– Ее доставили в Хит, сэр. Сейчас она там. Я могу вас подвезти.

– Андреа не умерла, – проговорил Майк. – Не могла умереть. Только не сейчас.

– Мне очень жаль, – сказала девушка из полиции.

Суббота

Последние три недели, проведенные с ней врозь, Майк ночевал в свободной комнате в доме брата, в Ньюпорте. С братом было хорошо, но сейчас Билл уехал на уик-энд в Сноудонию на какой-то дурацкий командный тренинг. Из-за своего занудства брат решил взять с собой ключи от дома, оставив Майка без ночлега на вечер пятницы. Когда Майк спросил, куда ему деваться, Билл посоветовал вернуться в собственный дом, оставленный в начале месяца.

Джо и слушать об этом не захотел и заставил Майка остаться у них. Майк провел ночь, переживая обычный круг эмоций, неизменно сопровождающих неожиданную дурную весть. Ничего сравнимого с потерей жены ему переживать не приходилось, но ощущение удара, хоть и усиленного во много раз, оказалось ему знакомо. Он не мог понять, как это мир продолжает существовать, словно не заметив смерти Андреа. В новостях его трагедию едва упомянули, главной темой дня оказались заваленные в шахте польские шахтеры. Когда ему наконец удалось уснуть, его терзал повторяющийся сон, будто Андреа жива, будто все это было ошибкой.

Но он знал, что все правда. Он побывал в больнице, он видел тело. Он даже знал, как случилось, что ее сбила машина. Андреа перебежала дорогу, направляясь в свою излюбленную парикмахерскую, она записалась на стрижку. Зная Андреа... она, надо думать, так спешила в салон, что ничего вокруг себя не замечала. Да и убила ее не машина. Когда медлительный легковой автомобиль сбил ее с ног, Андреа ударила головой о поребрик.

Брат Майка вернулся из Сноудонии в субботу утром. Билл приехал прямо в дом Джо, обнял Майка и долго стоял молча. Потом Билл прошел в соседнюю комнату и негромко поговорил с Джо и Рэйчел. Их тихие голоса заставили Майка почувствовать себя ребенком среди взрослых.

– Я думаю, нам с тобой надо уехать из Кардиффа, – сказал Билл, вернувшись к нему в гостиную. – Никаких «но» и «если».

– Слишком много надо сделать, – начал возражать Майк. – Нужно еще побывать в похоронном бюро...

– Подождет до вечера. Никто не станет тебя винить, если ты не ответишь на несколько звонков. Собирайся: прокатимся на Говер, подышим воздухом. Я уже заказал машину.

– Поезжай с ним, – поддержала Рэйчел. – Так тебе будет лучше.

Майк согласился: боль в нем боролась с облегчением от мысли, что похоронные хлопоты можно на время отложить. Он рад был, что Билл взял все в свои руки, но не мог решить, как его брат, да и друзья, если на то пошло, оценивают его утрату. Он потерял жену. Они это знали. А еще они знали, что Майк с Андреа недавно расстались. У них весь последний год были сложности. Друзья вполне могли решить, будто смерть Андреа для него не такая потеря, как если бы они и теперь жили вместе.

– Слушай, – обратился он к Биллу, когда они отъехали от города, – я хочу тебе кое-что сказать.

– Я слушаю.

– У нас с Андреа возникли сложности. Но это был не конец брака. Я собирался на выходных позвонить ей, узнать, нельзя ли нам встретиться.

Билл грустно взглянул на него. Майк не знал, что означает этот взгляд: что брат ему не поверил или сочувствует ему, упустившему свой шанс.

Когда они к вечеру после теплого и ветреного дня на Говере вернулись в Кардифф, Джо чуть ли не с порога налетел на Майка.

– Надо поговорить, – сказал он. – Не откладывая.

– Мне нужно обзвонить друзей Андреа, – возразил Майк. – Отложить нельзя?

– Нет, нельзя. Это насчет вас с Андреа.

Они прошли в кухню. Джо налил ему стакан виски. Рэйчел с Биллом молча смотрели на них с дальнего конца стола.

– Я был в лаборатории, – начал Джо. – Знаю, что сегодня суббота, но я хотел проверить, держится ли связь. Ну вот, она держится. Мы могли бы начать эксперимент хоть завтра. Но обнаружилось одно обстоятельство, о котором тебе надо знать.

Майк глотнул виски.

– Продолжай.

– Я связался со своим двойником из другой лаборатории.

– С Джо-вторым...

– Вот-вот. Мы обсуждали подробности эксперимента, отработывали детали. И поболтали, понятно. Само собой, я упомянул о том, что у нас случилось.

– И?..

– Другой я удивился. Сказал, что в его реальности Андреа не умерла. – Джо вскинул руку, остановив Майка, который рвался заговорить, не дав ему закончить. – Ты же знаешь, как обстоит дело. Две реальности идентичны, пока между ними не произошло замыкания; настолько идентичны, что нет смысла думать о них как об отдельных реальностях. Расхождение начинается только после замыкания. К тому времени, как ты пришел предупредить меня об отмене игры, связь уже действовала. Другой я тоже с тобой встретился. Разница в том, что из полиции никто не приходил. Ты побыл немного и ушел к себе проверять контрольные.

– Но Андреа в это время уже была мертва.

– Только не в той реальности. Второй я позвонил тебе. Ты снял номер в «Холидей инн». О несчастном случае с Андреа ничего не знал. Тогда моя вторая жена... – Джо позволил себе беглую улыбку, – другая версия Рэйчел позвонила Андреа. Оказалось, что Андреа сбила машина, но она отделалась парой синяков. Даже «скорую» не вызывали.

– Мне это ни к чему, Джо, – обдумав услышанное, сказал Майк. – Напрасно ты об этом заговорил. От этого не легче.

– А я думаю – легче. Мы собирались провести эксперимент с нервосвязью при первом же надежном замыкании, таком, чтобы продержалось верных миллион секунд. Эксперимент можно начинать. Только на ту сторону пойду не я.

– Не понял...

– Я могу отправить туда тебя, Майк. Завтра утром можно установить тебе нервосвязь. Предположим, день в постели и на привыкание, когда ты прибудешь в другую реальность... Ну вот, к вечеру в понедельник ты сможешь разгуливать по миру Андреа. Самое позднее – во вторник утром.

– Но переходить собирался ты, – возразил Майк. – Тебе и нервосвязь уже поставили.

– У нас есть запасная, – успокоил Джо.

Майкл лихорадочно обдумывал, что из этого следует.

– Тогда я буду контролировать тело второго тебя, так?

– Нет, не так. Так, к сожалению, не пройдет. Нам пришлось кое-что изменить в этих нервосвязях, чтобы они действовали через коррелятор при ограниченном прохождении сигнала. Пришлось отключить несколько каналов, управляющих согласованием проприоцепторов. Так что для нормальной работы требуется тело, практически идентичное телу на этом конце.

– Тогда ничего не выйдет. Ты совсем не похож на меня.

– Ты забыл про своего двойника на той стороне, – сказал Джо и покосился на Рэйчел и Билла, приподняв при этом бровь. – Все получится, если ты придешь в лабораторию и мы установим тебе связь, такую же, как мне вчера. В то же время твой двойник в мире Андреа войдет в свою лабораторию и даст вставить себе свою версию нервосвязи.

Майк вздрогнул. Он уже привык к мысли обо всех этих версиях Джо; он даже начал привыкать к мысли, что где-то там есть живая Андреа. Но едва Джо упомянул о втором Майке, в голове все пошло кувырком.

– А он... то есть я, согласится?

– Уже согласился, – торжественно сообщил Джо. – Я с ним связывался. Второй Джо вызвал его в лабораторию. Я с ним поболтал по видеосвязи. Сперва он заупрямился: сам знаешь, как вы оба относитесь к нервосвязи. А ведь он не терял своей Андреа. Но я ему объяснил, как это важно. Что для тебя это последний шанс снова увидеть Андреа. Как только окно закроется, а оно продержится не больше десяти – двенадцати дней от установления связи, нам уже никогда не удастся войти в контакт с реальностью, где она жива.

Майк, моргая, оперся ладонями на стол. Голова кружилась так, будто вся кухня шла кругом.

– Ты уверен? Что окно в мир Андреа больше никогда не откроется?

– С точки зрения статистики даже одно соединение – невероятная удача. Ко времени, когда окно закроется, линии разойдутся так далеко, что шанса на новое замыкание практически не будет.

– Ладно, – кивнул Майк, положившись на слово Джо. – Но если даже я соглашусь и другой я согласится, как насчет Андреа? Мы ведь не виделись.

– Но ты хотел с ней встретиться, – негромко напомнил Билл.

Майк потер глаза ладонями и шумно выдохнул:

– Наверное.

– Я говорила с Андреа, – вмешалась Рэйчел. – То есть Джо поговорил с собой, и другая его версия поговорила с другой Рэйчел, а та связалась с Андреа.

Майк не смел дышать.

– И?..

– Она сказала, все в порядке. Она понимает, как это ужасно для тебя. Сказала: если ты захочешь к ним перейти, она с тобой встретится. Вы проведете какое-то время вместе. Она даст тебе шанс прийти к какому-то...

- Завершению, – подсказал Майк.
- Тебе станет легче, – пообещал Джо. – Обязательно станет легче.

Воскресенье

Обычно медицинский центр по выходным не работал, но Джо потянул за нужные ниточки – и несколько сотрудников вышли на работу воскресным утром. Майку пришлось пережить процедуру психологических тестов и дожидаться, пока готовили хирургическое оборудование. У туристов все обходилось быстрее и проще: им ведь не приходилось пользоваться модифицированной нервосвязью, разработанной командой Джо. К началу дня все признали, что Майк готов к имплантации. Его уложили на кушетку и зажали голову в пластиковом ящике с дырой напротив затылка. Сделали легкое местное обезболивание. Резиновые подушечки с микроскопической точностью удерживали его голову в нужном положении. Он почувствовал слабое давление на кожу шеи, а потом непривычное и не слишком приятное ощущение покалывания по всему телу. Впрочем, ощущение почти сразу прошло. Подушечки, державшие голову, зажужжав, раздвинулись. Кушетку выровняли, так что он смог встать на ноги.

Майк ощупал свою шею и взглянул на пятнышко крови на большом пальце:

– И все?

– Я же говорил, проще простого, – сказал Джо, отложив журнал для мотоциклистов. – Не понимаю, с чего ты так переживал.

– Меня не операции по установке нервосвязи беспокоят. Я вовсе не против новых технологий. Я против всей системы, поощряющей эксплуатацию бедных.

Джо поцокал языком:

– Сразу видно читателя «Гардиан». А не ваша ли чертова стая требовала когда-то моратория на воздушное сообщение? Скоро нам и пешком никуда не позволят ходить!

Сестра промокнула Майку ранку и залепила ее пластырем. Потом его отправили в соседнюю комнату и велели ждать там.

Потом были еще тесты. Когда система посылала запрос только что установленной нервосвязи, он ощущал слабое электрическое покалывание и мимолетное чувство дезориентации. Медики сочли эти симптомы вполне нормальными.

Как только Майку выпустили из медцентра, Джо сразу провел его в лабораторию. В отсеке, прикрытом электромагнитным щитом, располагалась койка, приготовленная Джо для эксперимента. Почти такими же пользовались туристы для долговременной нервосвязи: здесь было предусмотрено все необходимое для питания тела и удаления отходов. Об этих подробностях предпочитали не задумываться, но все это оказывалось необходимым для всякого, желавшего оставаться на нервосвязи больше нескольких часов. Геймеров такими же непристойными удобствами снабжали уже не первое десятилетие.

Едва Майку подключили к канализации, Джо надел ему на глаза пару очков виртуальной реальности, сперва смочив кожу слюной, чтобы очки не натирали. Оправа плотно прилегала к лицу и перекрывала Майку обзор лаборатории. Теперь он видел перед собой серо-зеленую пустоту с несколькими неразборчивыми красными пятнами цифрового кода на правом краю поля зрения.

– Удобно? – спросил Джо.

– Ничего не вижу.

– Увидишь.

Джо вернулся в рабочую часть подвала, чтобы проверить корреляцию. Майку показалось, что он отсутствовал очень долго. Узнав, что Джо возвращается, он приготовился услышать дурные новости: что связь прервалась или полетела какая-то жизненно важная часть аппаратуры. В глубине души он бы, пожалуй, только порадовался. В первые часы после смерти Андреа он все отдал бы, лишь бы увидеться с ней снова. Но когда это стало возможным, он обнару-

жил в себе немало сомнений. Майк понимал, что со временем свыкнется со смертью Андреа. Это было не бесчувствие, а простой реализм. Он знал немало людей, потерявших родителей, и все они, пройдя через довольно темные времена, в конце концов приходили к относительному спокойствию. Это не значило, что они больше не любят покойных близких, просто они находили способ жить дальше. Надо полагать, и он в состоянии так же оправиться от удара.

Вопрос в том, ускорит или замедлит этот процесс свидание с Андреа. Может, им стоило просто поговорить по видеосвязи или по телефону. Правда, такие разговоры всегда давались ему с трудом.

Он знал, что встретиться надо лицом к лицу, – все или ничего.

– Что-то не так? – довольно невинным тоном спросил он у Джо.

– Нет-нет, все отлично. Я просто ждал, пока сообщат, что вторая версия тебя готова.

– И как, он готов?

– Вполне. Его только что доставили из медцентра. Если ты готов, можно подключаться.

– Где он?

– Здесь, – ответил Джо. – То есть в двойнике этой комнаты. Лежит на той же койке. Так проще, подключение пройдет без рывка.

– Он без сознания?

– В полной коме. Как все мулы на нервосвязи.

С той разницей, подумал Майк, что его двойник не подписывал согласия, войдя в лекарственную кому, передать свое тело какому-нибудь далекому туристу. Это больше всего и возмущало Майка. Мулы шли на это ради денег, и в мулы всегда вербовались беднейшие жители какой-нибудь туристской диковинки, будь то процветающий европейский город или какая-нибудь тошнотворно «подлинная» сточная канава третьего мира. Работа мула не бывает признанием. На это идут, когда ничего другого не остается. Это уже не замена проституции, а совершенно новая форма проституции в полном смысле этого слова.

Но хватит об этом. Они здесь все взрослые люди, добровольно принявшие решения. Никто, и меньше всего его вторая версия, не подвергается эксплуатации. Просто второй Майк добрый человек. Не добрее, как подозревал Майк, чем оказался бы он сам, случись им поменяться ролями, и все же он невольно испытывал какое-то извращенное чувство благодарности. А что касается Андреа... ну, она всегда была доброй. На этот счет ее никто не мог бы упрекнуть. Добрая и заботливая, даже чересчур.

Так чего же он тянет?

– Можешь подключать, – решил Майк.

Он ожидал большего. Все оказалось похожим на мышечный тик, какой он иногда испытывал в полусне, лежа в постели. И у него уже было другое тело.

– Привет, – сказал Джо. – Как себя чувствуешь, дружок?

Только вот обращался к нему уже другой Джо: Джо, принадлежавший миру, где Андреа не умерла. Первый Джо остался по ту сторону разрыва между реальностями.

– Чувствую... – Но говорить оказалось неожиданно трудно, слова выходили безнадежно невнятными.

– Не спеши, – посоветовал Джо. – Говорить поначалу всем трудно. Это быстро проходит.

– Не ви-ву... Не ви-жу!

– Просто мы еще не подключили очки. Секундочку...

Серо-зеленая пустота сменилась видом на интерьер лаборатории. Качество изображения превосходное. Комната при поверхностном взгляде представлялась той же самой, но когда Майк присмотрелся, посылая по нервосвязи сигналы мускулам, двигавшим тело второго Майка, то заметил мелкие детали, отличавшиеся от его мира. Клетчатая рубашка на Джо была другой, и заправлена она была не в белые тренировочные, а в легкие брюки марки «Конверс». И еще в этой версии лаборатории Джо забыл перелистнуть календарь на новый месяц.

Майк снова попробовал заговорить. На этот раз слова давались легче.

– Я и вправду здесь, да?

– И как тебе творить историю?

– Вообще-то... странное чувство. Да только историю творю не я. Когда будешь описывать эксперимент, не пиши, что первым перешел я. Пусть это будешь ты, как с самого начала и задумывалось. А это просто репетиция. Хотя можешь упомянуть обо мне в сноске.

Джо заколебался:

– Как хочешь, но...

– Именно так и хочу.

Майк завозился, пытаясь сползти с койки. Эта версия его тела, в отличие от прежней, не была подключена к трубкам. Но попытка пошевелиться не удалась. На мгновение его охватил ужас парализованного. Должно быть, он испуганно вскрикнул.

– Спокойно. – Джо положил руку ему на плечо. – Шаг за шагом. Связь еще должна устояться. Пройдет не один час, пока к тебе вернется свобода движений, так что не пробуй бегать, не научившись ходить. И еще, боюсь, нам придется продержать тебя в лаборатории куда дольше, чем тебе хотелось бы. Конечно, нервосвязь стала обычным делом, но это ведь не простая нервосвязь. Нам пришлось урезать кое-что, чтобы протиснуть данные через коррелятор, так что риск больше, чем со стандартной туристской установкой. Беспокоиться не о чем, но я хотел бы убедиться, что все параметры у нас под контролем. Утром и вечером буду проводить тестирование. Извини, что приходится тянуть, но для статьи нам нужны еще и числовые данные. Могу только пообещать, что на встречу с Андреа у тебя времени хватит. Если, конечно, ты не раздумал с ней встречаться.

– Не раздумал, – сказал Майк. – Раз уж я здесь... не возвращаться же, верно?

Джо посмотрел на часы:

– Давай-ка начнем упражнения на координацию. Займем время на час-другой. Потом надо будет убедиться, что ты полностью контролируешь мочевой пузырь. Иначе может выйти неловко. А уж потом проверим, можешь ли ты сам удержать в руках ложку.

– Я хочу увидеть Андреа.

– Не сегодня, – твердо возразил Джо. – Сперва надо подготовиться.

– Завтра. Завтра наверняка.

Понедельник

Он задержался в тени старого зеленого лодочного сарая на берегу озера. День стоял жаркий, время шло к полудню, и в парке былолюдно, как не бывало с жарких дней прошлого лета. Конторские работники проводили обеденный перерыв, рассевшись по берегам: мужчины распустили галстуки и закатали рукава и брюки, женщины сбросили туфли и расстегнули воротнички блуз. Детишки плескались в фонтане, а те, что постарше, подпрыгивали на метры в высоту на механических ходулях – последней новинке сезона, выглядевшей довольно устрашающе. Студенты валялись на пологих травянистых откосах, загорали или в спешке дописывали запущенные курсовые работы. Майк узнал среди них ребят со своей кафедры. Большинство было в дешевых очках виртуальной реальности и в перчатках дистанционного управления, розовой пленкой прикрывающих руки до локтя. Самые бодрые студенты лежали на спине, тыча пальцами в невидимо висящие перед ними объекты. Выглядело это так, словно они пытались поймать последние клочки облаков, висящие над Кардиффом.

Майк уже высмотрел Андреа, стоявшую чуть дальше над озерной бухтой. Там, где они договорились встретиться. Благовоспитанная Андреа пришла минута в минуту. На ней была белая блузка, бордовая юбка до колен и простые офисные туфли. Волосы оказались короче, чем ему помнилось, уложены по-новому и не доставали до воротничка. Секунду, пока она не повернулась, он ее не узнавал. В руке она держала стаканчик с кофе с эмблемой «Старбакса»

и между глотками посматривала на часы. Майк опаздывал уже на пять минут и понимал, что рискует. Андреа могла уйти, не дождавшись. Но сейчас, в тени сарая, вся его уверенность куда-то подевалась.

Андреа незаметно огляделась. Еще раз посмотрела на часы. Сделала глоток, запрокинув стаканчик так, что Майк понял: допивает последние капли. Он увидел, как она ищет взглядом мусорный бачок.

Майк вышел из тени. Прошел по траве к бетонной дорожке, остро ощутив неуклюжую медлительность своей походки. Ходьба после долгих упражнений стала даваться легче, но ему все еще казалось, будто он шагает, погружившись по горло в бассейн с патокой. Джо уверял, что движения станут увереннее, когда устоится нервосвязь, но, как видно, на это требовалось больше времени, чем они думали.

– Андреа, – проговорил он. Голос прозвучал невнятно и пьяно и даже ему самому показался слишком громким.

Она повернулась и встретила с ним взглядом. После чуть заметной паузы улыбнулась, и улыбка тоже оказалась чуточку не такой, словно ее попросили улыбнуться в объектив.

– Привет, Майк. Я уж думала...

– Все нормально. – Он тщательно выговаривал каждое слово и проверял, правильно ли оно прозвучало, прежде чем перейти к следующему. – Я просто не мог решиться.

– Я тебя не виню. Как ты себя чувствуешь?

– Немного странновато. Потом будет лучше.

– Да, они мне говорили. – Она сделала еще глоток из стаканчика, не заметив, что он опустел.

Между ними было метра два – достаточно близко для разговора, достаточно близко, чтобы сойти за пару друзей или коллег, случайно столкнувшихся у озера.

– Ты очень добра... – начал Майк.

Андреа поспешно замотала головой:

– Прошу тебя. Все в порядке. Мы все обсудили. И оба решили, что так будет правильно. Ты ведь не задумался бы, поменяйся мы ролями.

– Может быть, и нет.

– Я тебя знаю, Майк. Может быть, лучше, чем ты сам себя знаешь. Ты сделал бы все, что мог, и больше того.

– Я только хотел сказать... я не считаю это пустяком. Ни того, что ты согласилась вот так со мной повидаться... ни того, на что *он* пошел, чтобы дать мне время.

– Он просил тебе передать, что есть и худшие способы провести неделю.

Майк постарался улыбнуться. Он чувствовал, как движутся мышцы лица, но без зеркала не мог судить, что у него получилось. Пауза затянулась. Футбольный мяч плюхнулся в воду и тихонько поплыл от берега. Слышно было, как заплакал мальчик.

– У тебя другая прическа, – заметил Майк.

– Тебе не нравится?..

– Нет, нравится. Правда, тебе идет. Ты подстриглась после того, как... нет, погоди, понял. Ты ведь шла в парикмахерскую...

Теперь он рассмотрел у нее на щеке царапину, оставшуюся от падения на поребрик, когда ее сшибла машина. Не пришлось даже накладывать швов. Через неделю пройдет без следа.

– Я даже представить не могу, каково тебе пришлось, – сказала Андреа. – И не могу представить, каково тебе сейчас.

– Сейчас легче.

– Сказано без особой уверенности...

– Я хочу, чтобы стало легче. И думаю, что станет. Просто прямо сейчас кажется, что я сделал самую большую в жизни ошибку.

Андреа подняла свой стаканчик:

– Хочешь кофе? Я угощаю.

Андреа работала адвокатом. Ее маленькая контора располагалась в современном здании по соседству с парком. Рядом было кафе «Старбакс».

– Меня ведь там не знают, верно?

– Не знают, если только ты не заглядывал туда по ночам. Ну, идем. Не хочу тебя обижать, но поупражняться в ходьбе тебе не помешает.

– Только если ты обещаешь не смеяться.

– И в голову не придет. Возьми меня под руку, Майк, так будет легче.

Он не успел отступить: Андреа преодолела разделявшее их расстояние и взяла его руку в ладони. Как она добра, подумал Майк. Он еще гадал, как бы прикоснуться к ней, избежав неловкости, а она уже избавила его от неуклюжих попыток. В этом самая суть Андреа: она всегда думает о других и старается облегчить им жизнь, хоть самую малость. За это ее и любят, потому ее друзья так отчаянно преданы ей.

– Все будет хорошо, Майк, – мягко сказала Андреа. – Все, что было между нами... теперь все это не важно. Я говорила тебе обидные слова, и ты мне тоже. Давай все это забудем. Просто как можно лучше используем отпущенное нам время.

– Я страшно боюсь потерять тебя.

– Ты хороший человек. Ты даже не знаешь, сколько у тебя друзей.

Он так вспотел на жаре, что очки стали съезжать с носа. Вид переместился на носки его ботинок. Он вскинул свободную руку – жест вышел таким резким, словно он отдавал честь, – и вернул очки на место. Рука Андреа сильнее сжала его руку.

– Я не выдержу. – Майк покачал головой. – Мне надо вернуться.

– Ты это начал, – строго, но без злобы напомнила Андреа, – и пройдешь до конца. Всю дорогу, Майк Лейтон.

Вторник

Наутро второго дня дела пошли куда лучше. Проснувшись в лаборатории Джо Ливерс-эджа, он ощутил легкость движений, какой и в помине не было вечером, когда он прощался с Андреа. Теперь ему представлялось, что он живет в чужом теле, а не просто управляет марионеткой. Он по-прежнему ничего не видел без очков, но ощущения заметно лучше передавались по нервосвязи, и когда он что-нибудь трогал, то отчетливо и сразу чувствовал пальцами предмет, а накануне ощущение было размытым и приходило с задержкой. Большинство туристов за сутки достигали разумной точности передачи осязательных ощущений. Через два дня настройка проприоцепторов позволяла им выполнять сложные действия: кататься на велосипедах, плавать и ходить на лыжах. У опытных туристов, особенно если они повторно использовали то же тело, переходный период оказывался еще короче. Они как будто возвращались в знакомый дом после короткой отлучки.

Команда Джо устроила Майку полную проверку. Все это была рутина. Аспирантка Джо, Эми Флинт, уговорила его сделать еще несколько тактильных тестов: данные нужны были ей для диссертации. Выглядело это так: Майк без очков сидел за столом и ощупывал предметы, пытаясь определить, какой они формы и из чего сделаны. Он набрал немало очков и не сумел определить разницу только между деревянным и пластмассовым шариком одинакового веса и текстуры. Флинт обращалась с ним с веселой непринужденностью, без той теплоты или осторожности, которую Майк мгновенно улавливал в обращении друзей и коллег. Она явно не знала, в чем дело: подумала, что Джо просто решил сменить объект опыта.

Джо был в восторге от успехов Майка. Все, от тела до программного обеспечения, работало на «отлично». Стабильно держалась полоса передачи около двух мегабайт в секунду. Запас мощности вполне позволил Майку воспользоваться вторым видеоканалом, чтобы заглянуть в

лабораторию на той стороне. Та версия Джо держала камеру так, чтобы Майк видел собственное тело, подключенное к аппаратуре на койке для тяжелобольных. Майк думал, что его встретит это зрелище, но все прошло на удивление буднично. Он словно смотрел любительскую видеозапись. Покончив с тестами, Джо прогулялся с Майком до университетской столовой и накормил жидким завтраком. Майк умял три стаканчика фруктового йогурта. За едой дело давалось ему с трудом, но тоже должно было наладиться со временем. Он рассеянно поглядывал на установленный в столовой телевизор. Большой, во всю стену, экран показывал утренние новости. Звук был выключен. На несколько секунд на экране появилось зернистое изображение шахтеров, попавших под взгляд камеры наблюдения, когда они брели к низкому бетонному зданию над шахтой, направляясь на работу. Обвал случился три дня назад. Шахтеров все еще не удалось вызволить ни в одной из линий, связанных с этой реальностью. В том числе и в мире Майка.

– Вот бедолаги! – бросил Джо, оторвавшись от листка, на котором что-то записывал.

– Может, их еще вытащат.

– Ага, может быть. Но не хотел бы я оказаться там с ними.

Изображение сменилось: итоги футбольных матчей. И здесь в большинстве мировых линий результаты сходились, за исключением двух или трех, высвеченных особо и снабженных текстом комментария, где были различия, и одна команда даже выпала из своей лиги. Потом Майк самостоятельно дошел до трамвайной остановки и сел на первый же номер, направлявшийся к центру города. Он почувствовал, что привлекает к себе меньше внимания, чем вчера. Глядя на свое отражение в оконном стекле, он отметил, что движется еще несколько скованно, но уже не напоминает робота или клоуна. Его можно было принять за человека, страдающего легким артритом или перетренировавшегося в спортзале и расплачивающегося теперь болью в мышцах.

Пока трамвай пробирался сквозь уличное движение, он мысленно вернулся ко вчерашнему вечеру. Встреча с Андреа и весь день с ней прошли чуть ли не лучше, чем он надеялся. Сперва было трудновато, но, пока они добрались до «Старбакса», она заметно расслабилась, и ему тоже стало проще. Они говорили о пустяках, обходя главное – то, о чем ни он, ни она вспоминать не хотели. Андреа взяла выходной на полдня: в контору ей надо было возвращаться только вечером, проверить, не возникло ли за время отлучки каких-нибудь проблем.

Они обсудили, как провести остаток дня.

– Можно прокатиться на Брекон-Биконз, – предложил Майк. – Приятно будет погулять по горам, подышать морским ветром. Когда-то мы любили такие вылазки.

– Давненько это было, – возразила Андреа. – Боюсь, нынче мои ноги такого не выдержат.

– Когда-то ты так и порхала по этим холмам.

– Увы, ключевое слово тут «когда-то». Теперь я начинаю пыхтеть, даже поднявшись по улице Сент-Мэри с сумкой покупок.

Майк взглянул на нее с сомнением, но ему пришлось признать, что в ее словах был резон. Ни один из них уже не походил на тех спортивных азартных ребят, какими они были, когда пятнадцать лет назад встретились в университетском клубе горного туризма. Тогда они проводили все выходные, обследуя холмы от Брекон-Биконз до Блэк-Маунтинз, или выезжали в Сноудонию или в Озерный край. Им случалось пережить минуты, при воспоминании о которых волосы вставали дыбом, когда внезапно портилась погода или когда обнаруживалось, что их занесло совершенно не на тот хребет. Но больше всего Майку запомнились не холод и сырость, а чувство облегчения, когда к концу дня они спускались в теплый уютный паб, вымотанные, умирающие от жажды и в восторге от своих побед. Хорошие воспоминания, все до одного. Зачем они это бросили, зачем позволили работе отнять у них выходные?

– Слушай, можно и съездить на пару дней в горы, – сказала Андреа, – но на сегодня это небольшой перебор, тебе не кажется?

– Пожалуй, ты права, – согласился Майк.

Немного поспорив, они сошлись на том, чтобы посетить замок, а потом прокатиться на кораблике по заливу, вблизи рассмотреть гордые и неприступные береговые укрепления. Им давно хотелось это сделать, да они все откладывали на следующий уик-энд. Замок кишел туристами даже в будний день. Но многие из них были на нервовязи, и Майк среди них почувствовал себя неприметным. Никто не оглядывался на заемное тело в очках, одно из многих, хотя он выглядел куда более упитанным и ухоженным, чем средний мул. Потом они сходили осмотреть римские развалины, где нашли Рэйчел Ливерсэдж, бодро объяснявшую что-то группе младших школьников из долины.

Прогулка на кораблике пришлась Майку больше по душе, чем экскурсия в крепость. Здесь тоже хватало туристов на нервовязи, так что он оставался незаметным, к тому же в море он успел передохнуть от липкой жары городского центра. Он даже ощутил ветерок на тыльной стороне ладоней: доказательство того, как хорошо устоялась нервовязь.

Андреа первая затронула в разговоре причину появления здесь Майка. Она попросту вернулась от бара с двумя бумажными стаканчиками, чуть не расплескав мутный кофе, когда кораблик неожиданно качнуло. Она опустила на жесткую палубную скамью.

– Забыла спросить, как ты провел утро в лаборатории, – легко заговорила она. – Все в норме?

– Даже лучше, – кивнул Майк. – Джо сказал – у нас сегодня два мега. На большее он и не надеялся.

– Тебе придется мне объяснить. Я знаю, что это как-то связано с количеством данных, которые удастся переслать по связи, но не представляю, в чем разница с обычным туристским снаряжением.

Майк припомнил объяснения Джо:

– Это качеством похуже. Туристы берут такую полосу частот, какую могут себе позволить. А коррелятор Джо не превышает пяти мегабайт в секунду. И это в начале двенадцатидневного окна. Дней через пять-шесть станет хуже.

– А двух достаточно?

– Джо вынужден обходиться этим. – Майк постучал пальцем по своим очкам. – Этого, если ему верить, должно хватать для цветного изображения с нормальным разрешением. Но ему приходится применять ужасно хитрую программу. Она там, в лаборатории, постоянно что-то додумывает, чтобы заполнить пробелы.

– И как это выглядит?

– Как будто смотришь на мир через темные очки. – Майк стянул их с носа и сунул Андреа. – Только видят на самом деле очки, а не мои или его глаза. По большей части изображение настолько хорошее, что я не замечаю ничего особенного. Если быстро поворачиваю голову или если что-то быстро проскакивает мимо, очки не успевают приспособиться к изменяющемуся виду.

Он снова нацепил очки, как раз когда в нескольких метрах от борта пронеслась чайка. На мгновение она представилась ему в квадратах пикселей, словно рисунок безумного кубиста, потом изображение выровнялось и стало гладким.

– А как с остальным? Слух, осязание...

– Они занимают не так много места, как зрение. По словам Джо, для контроля за положением тела нужно всего несколько базовых параметров: угол, под которым сгибаются суставы ног, и тому подобное. Слух – довольно простое ощущение. А осязание, как ни странно, еще проще.

– Правда?

– Так говорит Джо. Возьми меня за руку.

Андреа, чуть замаявшись, взяла его ладонь.

– Теперь сожми, – попросил Майк.

Она сжала пальцы.

– Ты чувствуешь?

– Отлично чувствую. Это куда проще, чем передавать звук. Если бы ты мне что-то сказала, акустический сигнал пришлось бы анализировать, переводить в числовую форму, сжимать и протискивать через связь: сотни байт в секунду. А для прикосновения нужен только один параметр. Система будет передавать осязательные ощущения, даже когда все остальное откажет.

– Значит, это будет последним...

– Это самое фундаментальное из наших ощущений. Как и должно быть.

Через несколько секунд Андреа спросила:

– Сколько?

– Четыре дня, – ответил Майк. – Может, пять, если повезет. Джо говорит – завтра нам удастся лучше справиться с затуханием сигнала.

– Мне беспокойно, Майк. Не знаю, выдержу ли я. Потерять тебя...

– Ты получишь меня обратно.

– Понимаю. Но... это будешь не ты. Другой ты.

– Они оба – я.

– Сейчас мне так не кажется. А кажется, будто я завела роман, пока мужа нет дома.

– Это ты зря. Я твой муж. Мы оба – твой муж.

После этого они молчали, пока кораблик не причалил к берегу. Не то чтобы сказано было что-то особенное, просто они никак не могли подобрать нужные слова. Андреа не выпускала его руки. Майку хотелось, чтобы это утро длилось вечно: кораблик, ветерок, чистейшее небо над заливом. Он тут же упрекнул себя за то, что думает об уходящем времени, вместо того чтобы в полной мере использовать то, что есть. Это с детства было его проблемой. Школьные каникулы вечно оказывались омрачены меланхолическими размышлениями о том, как мало осталось дней.

Но сейчас не каникулы.

Вскоре он обратил внимание на то, что люди собираются на носу кораблика, напирая на бортовые ограждения. Они указывали куда-то в небо. Кое-кто вытащил телефоны.

– Там что-то происходит, – заметил Майк.

– Вижу, – ответила Андреа и, коснувшись ладонью его щеки, заставила запрокинуть голову. – Там самолет.

Майк дождался, пока очки уловят крошечную движущуюся искорку на конце бледной следовой полосы. Он не без обиды подумал, что кому-то еще позволено летать, когда все человечество лишено этого права. Майк понятия не имел, каким политическим или военным целям служит этот полет, но узнать, если захочется, будет несложно. К вечеру новость облетит все газеты. И не только в этой версии Кардиффа, но и в его собственной. Вот что труднее всего принять в смерти Андреа. Большой мир катит себе дальше, маленькая трагедия отдельного человека ни на дюйм не отклонила его от курса. Там Андреа погибла, здесь осталась невредима, а изменений в полете этого самолета не уловят никакие приборы (во всех реальностях).

– Мне нравится смотреть на самолеты, – сказала Андреа. – Сразу вспоминается, каким был мир до моратория. А тебе?

– Вообще-то, – признался Майк, – мне от их вида становится грустновато.

Среда

Майк знал, как занята была в последнее время Андреа, и старался уговорить ее не отнимать время у работы. Андреа возражала, уверяя, что коллеги в течение нескольких дней справятся с ее нагрузкой. Майк знал, что это неправда: Андреа вела фирму практически в оди-

ночку, но в конечном счете они пришли к компромиссу. Андреа возьмет выходные, а по утрам будет забегать в контору, проверять, нет ли чего срочного.

Майк согласился встречаться с ней в конторе в десять, сразу после тестирования. Он чувствовал себя так же, как накануне, разве что движения давались еще легче. Однако Джо, закончив, сообщил ему новость, которой Майк заранее боялся, хотя знал, что никуда от нее не деться: качество сигнала продолжало ухудшаться. По словам Джо, у них уже оставалось один и восемь мега. Опыт такого рода позволял им экстраполировать ход событий до начала следующей недели. Помехи забьют связь к следующему воскресенью, ко времени чаепития, плюс-минус три часа.

«Если бы раньше начать! – думал Майк. – Впрочем, Джо и так сделал все возможное».

Сегодня, вопреки грозным предупреждениям из лаборатории, он наслаждался ощущением полного погружения в мир-двойник. Глядя на пробегающий за трамвайным окном солнечный город, он не мог поверить, что не присутствует в этом теле физически, а лежит на койке в другой версии лаборатории. За ночь тактильные ощущения заметно усилились. Ухватившись на повороте за верхний поручень трамвая, он ощутил под ладонью холодный алюминий, покрытый жирноватым налетом от державшихся за него рук.

Коллеги Андреа в конторе приветствовали его с неподдельной небрежностью, приводившей Майка в отчаяние. Он ожидал неловких соболезнований и взглядов, брошенных украдкой, в надежде, что он не заметит. Вместо этого его запихнули в кресло в приемной и оставили листать глянцевые проспекты, дожидаясь появления Андреа. Никто даже не предложил ему выпить.

Он уныло перелистывал брошюру. Работа Андреа всегда была больным местом в их отношениях. Не одобряя нервосвязи, он даже думать не желал о юридических проблемах, позволявших извлекать такие большие деньги из претензий по возмещению ущерба, связанного с применением этой техники. Однако сейчас ему трудно было вызвать в себе привычное чувство морального превосходства. Действительно, с порядочными людьми по небрежности и торопливости *случаются* неприятности. Раз уж нервосвязь существует, кто-то должен позаботиться, чтобы пострадавшие получили то, что им причитается. Он удивился, почему это не приходило ему в голову раньше.

– Привет, – сказала Андреа. Наклонившись, она деловито чмокнула его. Поцелуй пришелся не совсем в губы. – Извини, задержалась.

– Теперь можно идти? – спросил Майк и отложил брошюру.

– Ага, я здесь закончила.

На улице, в тени большого коммерческого здания, Майк спросил:

– Они что, не знают? Никто не догадывается, что у нас происходит?

– Я подумала, что так будет лучше, – объяснила Андреа.

– Не представляю, как тебе удастся притворяться, будто все в порядке.

– Майк, все и есть в порядке. Ты взгляни на это с моей точки зрения. Я не теряла мужа. Для меня ничего не изменилось. Когда ты исчезнешь – когда все это кончится и я получу обратно другого тебя, – жизнь моя пойдет как обычно. Я понимаю, что для тебя это трагедия, и, поверь, меня это огорчает больше, чем кого-либо другого...

– Огорчает, – тихо повторил Майк.

– Да, огорчает. Я солгала бы, сказав, что вне себя от горя. Я человек, Майк. Я не способна испытывать шквал эмоций от сознания, что где-то далеко моя копия умудрилась попасть под машину, оттого что очень спешила в парикмахерскую. Глупая коровища – вот что я о ней думаю. Самое большее, это кажется мне странноватым, – может, мурашки по спине пробегут. Но не думаю, что мне придется потом приходить в себя.

– Я потерял жену, – напомнил Майк.

– Знаю, и мне тебя жаль. Ты даже не представляешь, как жаль. Но если ты ожидаешь, что моя жизнь от этого рухнет...

Он не дал ей договорить:

– Я уже гасну. Сегодня утром было один и восемь десятых.

– Ты ведь знал, что так будет. Ничего удивительного.

– К концу дня ты начнешь замечать изменения.

– До конца дня еще далеко, так что перестань терзать себя, договорились? Прошу тебя, Майк. Ты вот-вот все для себя испортишь.

– Понимаю и постараюсь не испортить, – сказал он. – Но я это вот к чему: дальше будет только хуже... и, по-моему, сегодня мой последний шанс, Андреа. Побывать с тобой... по-настоящему.

– Хочешь сказать – переспать со мной? – Андреа понизила голос.

– Мы об этом еще не говорили. Нет, все нормально, я и не думал, что это будет ясно без слов. Но почему бы не...

– Майк, я... – начала Андреа.

– Ты все еще моя жена. Я все еще тебя люблю. Я не забыл, что у нас были сложности, но теперь все это кажется таким глупым. Надо было давно тебе позвонить. Дурак я был. А потом это случилось... и тогда я понял, какая ты чудесная и замечательная. Я должен был сам понять, но не понял... понадобилось несчастье, чтобы меня встряхнуть, заставить осознать, как мне с тобой повезло. А теперь мне предстоит второй раз тебя потерять, и не знаю, как я с этим справлюсь. Но хотя бы побывать вместе... я хочу сказать – по-настоящему.

– Майк...

– Ты сама сказала, что собираешься снова сойтись с другим Майком. Может, все это понадобилось, чтобы свести нас вместе. Но суть в том, что раз ты собираешься сойтись с ним, так почему бы нам не сойтись сейчас? До несчастья мы были парой, можем быть парой и теперь.

– Майк, это разные вещи. Ты потерял жену. Я – не она. Я что-то непостижимое, для чего и слова не придумано. И ты на самом деле – не мой муж. Мой муж лежит в лекарственно-индуцированной коме.

– Ты сама знаешь, что все это не важно.

– Для тебя.

– И для тебя не должно быть важно. И твой муж, между прочим, на это согласился. Он точно знал, что так будет. И ты знала.

– Я просто подумала, что будет приличнее, если бы между нами сохранилась дистанция.

– Ты так говоришь, будто мы в разводе.

– Майк, мы ведь и в самом деле расстались. Мы не общались. Не могу я забыть, что было до того происшествия, как будто ничего и не было.

– Я понимаю, что тебе нелегко.

Они в неловком молчании шли по городским улицам, по которым тысячи раз проходили прежде. Майк предложил Андреа кофе, но она ответила, что уже пила в конторе. Может быть, попозже. Они задержались, чтобы перейти улицу перед одним из любимых бутиков Андреа, и Майк спросил, не купить ли ей что-нибудь.

– Не нужно мне ничего покупать, Майк, – изумленно возразила Андреа. – Сегодня ведь не день рождения какой-нибудь.

– Приятно было бы что-нибудь тебе подарить. На память.

– Мне не нужно о тебе помнить, Майк. Ты и так всегда будешь рядом.

– Хоть маленький подарок. Что-нибудь, что ты иногда будешь носить и вспоминать обо мне. Об *этом*, а не о том, который вернется в это тело через несколько дней.

– Ну, если ты настаиваешь... – (Он по голосу слышал, что Андреа старается говорить с энтузиазмом, но душа у нее к этому не лежит.) – Я на прошлой неделе присмотрела сумочку...

– Надо было сразу покупать.

– Я сэкономила на парикмахерскую.

Майк купил ей сумочку. Мысленно отметил стиль и цвет, чтобы на следующей неделе купить себе такую же. Поскольку в своей мировой линии он не покупал Андреа подарка, возможно, там он выйдет из магазина с двойником этой самой сумочки в руках.

Они снова прошли в парк, потом полюбовались картинами в Национальном музее Уэльса и вернулись в город пообедать. По сравнению с последними днями в небе собралось больше облаков, но их хромовая белизна только оттеняла голубую эмаль неба. Самолетов видно не было: ни единого следа. Выяснилось, что вчерашний в самом деле принадлежал военному ведомству и направлялся в Польшу со спасательной командой на борту. Майк вспомнил, с каким раздражением смотрел на самолет, и ему стало стыдно. В нем летели отважные мужчины и женщины, готовые рискнуть собой, чтобы выручить отважных мужчин и женщин, заваленных в глубокой шахте под землей.

– Ну вот, – сказала Андреа, когда они расплатились по счету. – Кажется, настал момент истины. Я обдумала твои слова и... – Она сбилась, уставившись в недоеденный салат, и начала сначала: – Если хочешь, можно пойти домой. Если ты действительно хочешь.

– Да, – кивнул Майк. – Я действительно хочу.

Они доехали до дому на трамвае. Андреа открыла дверь своим ключом. Солнце стояло еще высоко, но в доме было прохладно, шторы и жалюзи остались опущенными. Майк встал на колени, подобрал упавшую на коврик почту. Большей частью счета. Он сложил их на столик в прихожей, испытав мимолетное чувство свободы. Скорее всего, дома его ждали такие же счета, но здесь, *об этих*, должен побеспокоиться кто-то другой.

Он сбросил ботинки и прошел в гостиную. На минуту его выбило из равновесия ощущение, будто он попал в чужой дом. Ширма не у той стены, обеденный стол передвинут на другую половину комнаты, и диван и кресла тоже переставлены.

– Что такое?..

– Ох, забыла предупредить, – сказала Андреа. – Мне захотелось перемен. Ты подъехал и помог мне все переставить.

– И новая мебель...

– Нет, просто чехлы другие. И тоже неновые, они у нас уже давно. Ну, вспомнил теперь?

– Кажется, припоминаю.

– Брось, Майк, не так уж давно это было. Нам их подарила тетушка Джанис, помнишь? – Она с отчаянием смотрела на него. – Я расставляю все как было. Наверное, я должна была подумать. В голову не пришло, как странно это тебе покажется.

– Нет, все в порядке. Честно, так даже лучше.

Майк осмотрелся, стараясь закрепить в памяти расположение мебели и украшений. Как будто собирался воспроизвести их, вернувшись в собственное тело, в собственную версию этого дома.

Может, он так и сделает.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказала вдруг Андреа и потянулась к верхней полке с книгами. – Нашла сегодня утром. Сто лет искала.

– Что? – спросил Майк.

Она протянула ему находку. Майк увидел ламинированные розовые корочки, в пятнах, с обтрепанными уголками. Только уронив папку на пол и увидев вывалившиеся из нее сложенные листы, он узнал карты.

– Черт возьми, никогда не догадался бы там искать!

Майк сложил рассыпавшиеся карты и стал рассматривать обложку. Это были старые крупномасштабные карты гор, той части Брекон-Биконз, по которым они когда-то ходили в походы.

– Я просто подумала... ты так загорелся... может, нам и не повредит выбраться из города. Только имей в виду, я не ищу приключений.

– Завтра?

Она озабоченно взглянула на него:

– Я хотела завтра. Ты будешь в порядке, нет?

– Никаких проблем.

– Тогда устроим пикник. В «Теско» продают отличные корзинки для пикников. Кажется, у нас где-то остались два термоса.

– Термосы ладно, а вот как насчет походных ботинок?

– В гараже, – успокоила его Андреа. – И рюкзаки там же. Я их вечером откопаю.

– Жду не дождусь, – сказал Майк. – Честное слово. Ты очень добра, что согласилась.

– Только не рассчитывай, что я взберусь на Пен-и-Фан не запыхавшись.

– Ты еще себя не знаешь!

Чуть погодя они поднялись наверх, в спальню. Жалюзи были приоткрыты, и на постель падали полосы света. Андреа разделась, потом помогла Майку выбраться из его одежды. Как ни хорошо он владел телом, сложные действия вроде расстегивания пуговиц и молний требовали тренировки, а времени на это у него не было.

– Тебе придется потом помочь мне одеться.

– Опять ты раньше времени беспокоишься!

Они вместе легли на кровать. Майк почувствовал, как отвердела его плоть, задолго до того, как изменилось тело, в котором он обитал. Эрекцию испытал он в лаборатории, за полгорода отсюда и в другой мировой линии. Он даже ощутил жесткое давление катетера мочевого приемника. Останутся ли у другого Майка, того, что теперь в коже, хоть смутные воспоминания о происходящем? Ходили рассказы о людях, которые, придя в себя, вспоминали, что происходило с их телами, но агентства уверяли, что это просто городские легенды.

Они медленно, осторожно любили друг друга. Майк особенно остро ощутил свою неловкость и от смущения двигался еще более скованно. Андреа всеми силами старалась заполнить разрыв, но чудо было ей не по силам. Она была терпелива и снисходительна, даже когда он чуть не сделал ей больно. Пика, почувствовал Майк, первым достигло тело в лаборатории. Секунду спустя отозвалось и это тело. Оно отозвалось на сигнал по нервосвязи – не удовольствие, но подтверждение, что удовольствие достигнуто.

Потом они тихо лежали в постели, переплетя руки и ноги. Ветерок раскачивал жалюзи на окне. Медленное движение света и тени, тихое позвякивание пластмассы по стеклу убаюкивало, как покачивание лодки на пологих волнах. Майк погрузился в блаженный сон. Ему снилось, будто он стоит на вершине Брекн-Биконз, видит под собой солнечные долины Южного Уэльса и Андреа стоит рядом с ним, как на рекламе бюро путешествий.

Проснувшись через несколько часов, он услышал, как она передвигается вниз. Майк потянулся за очками, он снял их, перед тем как лечь, и стал выбираться из постели. И тогда он почувствовал. За эти часы отдыха он отчасти утратил власть над телом. Он встал и двинулся к двери. Ходить он еще мог, но легкость движений, обретенная во вторник, пропала. Когда он вышел на площадку и взглянул вниз, очки с трудом приспособились к смене плана. Изображение было точечным, разбитым на части. Он хотел схватиться за перила и увидел свою руку как длинное размытое пятно.

Он стал спускаться по лестнице, как спускаются с горы.

Четверг

К утру стало хуже. Майк провел ночь дома, а утром на трамвае поехал в лабораторию. Он уже ощущал разрыв между мысленным толчком к движению и откликом тела. Ходить кое-как удавалось, а вот с прочими делами становилось все труднее. После его попыток позавтракать

на кухне Андреа пришлось убирать за ним грязь. Майк не удивился, услышав от Джо, что канал связи уменьшился до одного и двух мега и идет на спад.

– А к концу дня? – спросил он, хотя распечатка была у него перед глазами.

– Ноль и девять, а может, ноль и восемь.

Ему хотелось верить, что он еще способен исполнить задуманное на сегодня. Но день скоро превратился в каталог утраченных способностей. В полдень он встретил Андреа в конторе, и они пошли в бюро проката, чтобы взять на день машину. Андреа села за руль и выехала из Кардиффа вверх по долине, по шоссе А470 из Мертира к Брекону. Они собирались подняться до самой вершины Пен-и-Фан – подъем, который они проделывали в молодости не меньше дюжины раз. Андреа заранее взяла в «Теско» корзинки для пикников, собрала и приготовила оба рюкзака. Она помогла Майку надеть походные ботинки.

Машины оставили в Стори-Армсе, откуда утоптанная тропа, извиваясь, уводила в горы. Сперва Майк испытывал некоторую неловкость. В бытность туристами они с презрением смотрели на орды гуляющих, отправлявшихся на Пен-и-Фан, особенно на тех, кто начинал маршрут в пабе. Вид, открывавшийся с вершины, стоил усилий, но они обычно в тот же день проделывали еще пару восхождений и к тому же избегали самой простой тропы. Теперь Майк расплачивался за то давнее высокомерие. Приятная поначалу нагрузка вскоре стала невыносимо тяжелой. Он надеялся, что Андреа не замечает, как трудно ему двигаться по неровной каменистой тропе. Подъем выматывал, не давая насладиться красотами или простой радостью близости с Андреа. Когда он в первый раз оступился, Андреа не обратила внимания, она и сама уже раз споткнулась на сухой растрескавшейся тропинке. Но скоро он едва мог пройти и сто метров, не потеряв равновесия. Он с тяжестью на сердце подумал, что достаточно сложно будет даже просто вернуться к машине. До горы оставалось еще две мили, и настоящая крутизна была впереди.

– Ты как, Майк?

– Отлично. Обо мне не беспокойся. Это все проклятые ботинки. Прямо не верится, что когда-то это был мой размер.

Он держался, сколько мог, не желая сдаваться, но идти становилось все труднее, и двигались они все медленнее. Когда Майк, в очередной раз упав, рассадил сквозь брюки колено, стало ясно, что он выжал из себя все, что мог. Шансов подняться на гору у него было не больше, чем на какую-нибудь гималайскую вершину.

– Прости. От меня никакого толку. Иди одна. Слишком славный денек, чтобы здесь остановиться.

– Эй! – Андреа взяла его за руку. – Ты это брось. Мы ведь знали, что будет трудно. И все равно, посмотри, сколько уже прошли.

Майк обернулся и понуро измерил взглядом долину:

– Километра три. Паб еще виден.

– Да? А кажется, больше. К тому же вот и славное местечко для пикника. – Андреа демонстративно потерла бедро. – Я как раз хотела сделать привал. Мышцу потянула.

– Это ты просто так говоришь.

– Заткнись, Майк. Я довольна, понимаешь? Если тебе нужно мучиться и карабкаться ползком, валяй. Что касается меня, я остаюсь здесь.

Она расстелила плед у сухого ручья и распаковала еду. Содержимое корзинок в самом деле выглядело соблазнительно. Вкус передавался по нервосвязи как слабое размытое ощущение, больше похожее на воспоминание вкуса. Все же он сумел поесть, не слишком перемазавшись, и кое-что почти доставило ему удовольствие. Они ели, слушали птиц, изредка переговаривались. Временами мимо проходили туристы. Они стремились к вершине и почти не удостоивали взглядом Майка с Андреа.

– Наверное, я дурачил самого себя, когда надеялся добраться до гор, – сказал Майк.

– Пожалуй, план был слишком смел, – признала Андреа. – Даже без нервосвязи нам пришлось бы нелегко. Уж очень мы размякли.

– Думаю, вчера я бы лучше справился. И даже сегодня утром... Честно, когда мы селись в машину, я был уверен, что справлюсь.

Андреа погладила его колено:

– Больно?

– Как издалека. Вчера мне казалось, я полностью в этом теле, слился с ним. Как лицо в маске. Сегодня иначе. Я еще вижу сквозь маску, но она уже не прилегает к лицу.

Андреа как будто на несколько минут ушла в себя. Он задумался: не расстроил ли ее тем, что наговорил. Однако, когда она снова заговорила, в ее голосе звучала какая-то стальная решимость, неожиданная, но очень характерная для Андреа.

– Послушай меня, Майк.

– Я слушаю.

– Я сейчас тебе что-то скажу. Сегодня первое мая, как раз два часа дня. Мы выехали из Кардиффа в одиннадцать. В это же время в будущем году, в этот самый день, я сюда вернусь. Я собираюсь приготовить корзинку для пикника и подняться до самой вершины Пен-и-Фан. Я выеду из Кардиффа в то же время. И буду так делать каждый год. Каждое первое мая. Все равно, на какой день недели оно придется. Все равно, какая бы мерзкая ни была погода. Я поднимусь в горы, и ничто на свете меня не остановит.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять ее мысль.

– А другой Майк?..

– Нет. Я не говорю, что мы никогда не поднимемся сюда вместе. Но первого мая я приду сюда одна. – Она прямо взглянула на Майка. – И ты тоже будешь один. Ты найдешь кого-то, я уверена. Но кто бы она ни была, в этот день ты будешь один. Так что мы с тобой будем только вдвоем.

– Мы не сможем общаться. Даже не узнаем, держится ли другой нашего плана.

– Узнаем, – твердо сказала Андреа. – Мы будем держаться. Потому что обещаем, верно? Самое главное обещание, какое мы давали в жизни. Так мы будем знать. Каждый из нас будет в своей вселенной, или в мировой линии, или как там это называется. Мы будем стоять на одной и той же уэльской вершине. Перед нами будет один и тот же вид. И я буду думать о тебе, а ты будешь думать обо мне.

Майк провел ладонью по волосам Андреа. Пальцы уже не слишком слушались его.

– Ты ведь это всерьез, да?

– Конечно всерьез. Но я ничего не обещаю, если ты не согласишься на свою половину плана. Ты обещаешь, Майк?

– Да, – сказал он, – я обещаю.

– Я рада бы придумать что-нибудь получше. Я могла бы предложить всегда встречаться в парке. Но там кругом люди. А я хочу тишины, одиночества, чтобы почувствовать твое присутствие. К тому же парк могут скрыть и построить на его месте торговый центр. А гора всегда будет здесь. По крайней мере, пока мы здесь.

– А когда мы состаримся? Не договориться ли перестать лазить на вершину начиная с какого-то возраста?

– Ну вот ты опять, – упрекнула его Андреа. – Решай сам. Я намерена лазить, пока меня не засунут в ящик. И от тебя того же жду, Майк Лейтон.

Он раздвинул губы в лучшей улыбке, на какую еще был способен:

– Тогда... я просто сделаю все возможное, веришь?

Пятница

К утру Майк обезножил. Нервосвязь все еще работала безупречно, но скорость передачи данных с одной линии на другую снизилась настолько, что не справлялась со столь сложной и требующей постоянного контроля функцией, как ходьба. Пальцы почти не слушались, как будто руки были одеты в боксерские перчатки. Он еще мог взять предмет, подставленный ему, но манипулировать даже простыми объектами, с которыми он отлично справлялся сутки назад, становилось все сложнее. Потянувшись к стаканчику с йогуртом, Майк опрокинул его на стол: слишком быстро дернулась вперед рука. По словам Джо, за ночь он утратил восприятие глубины. Очки, все медленнее передававшие данные, уже не обеспечивали стереоскопического изображения.

Он еще мог передвигаться. Научная группа, предвидевшая эту стадию, приготовила для него инвалидное кресло с простым управлением, предназначенное для людей с ограниченными функциями верхней половины тела. Предусмотрена была и тревожная кнопка, чтобы Майк мог вызвать помощь, если власть над телом станет уходить быстрее, чем предполагалось. Если бы его внезапно охватил полный паралич, кресло обратилось бы за помощью к прохожим. Если бы понадобилась срочная медицинская помощь, оно само направилось бы к ближайшему медпункту.

Андреа пришла к нему в лабораторию. Ему хотелось еще раз выбраться с ней в город, однако Андреа, с энтузиазмом поддерживавшая эту идею по телефону, теперь заколебалась:

– Ты уверен, что стоит? Мы так славно провели время в четверг. Жаль портить впечатление.

– Я в порядке, – возразил Майк.

– Я только говорю... мы с тобой могли бы просто погулять по здешнему саду.

– Пожалуйста, – сказал Майк. – Мне этого... хочется.

Голос стал слабым, построение фразы давалось с трудом. Он говорил, как человек, охваченный пьяным унынием. Если Андреа это заметила, а она, конечно, не могла не заметить, то промолчала.

Они вышли в город. Поднять кресло в трамвай, даже с помощью Андреа, оказалось трудной задачей. Кажется, никто не знал, как опустить погрузочную площадку. Одно из преимуществ нервосвязи – человек в инвалидном кресле стал редким зрелищем. Технология, позволявшая человеку контролировать чужое тело, позволяла также справиться с нарушениями работы спинного мозга. Майк сознавал, что привлекает куда больше внимания, чем накануне. Для большинства горожан инвалидное кресло относилось к ужасам прошлого, как искусственные легкие или ножные протезы.

Видеомонитор в трамвае показывал новости о польских шахтерах. Новости были плохие. Перед спасательной командой стоял широкий выбор возможностей, в том числе требовалось решить, по какому из трех путей идти к заваленной шахте. Тщательно взвесив все за и против и учитывая, как мало времени оставалось у запертых обвалом людей, они выбрали маршрут, обещавший, казалось, самый простой и быстрый путь.

Выбор оказался неудачным и фатальным для шахтеров. Спасатели наткнулись на затопленный штрек, им пришлось отступать назад, оборудование было повреждено, а один из команды ранен. И все же шахтеров спасли в одной из связанных между собой мировых линий. В той реальности один из членов спасательной команды при посадке в самолет поскользнулся на льду и сломал бедро. Потеря одного человека, наиболее красноречиво отстаивавшего самый быстрый путь, привела к тому, что команда сделала иной выбор. Это решение оказалось верным. Им тоже встретились трудности и препятствия, и все же они сумели прорваться к заваленным шахтерам.

К тому времени, как это случилось, контакт с их мировой линией практически прервался. Даже самый сжатый видеосигнал проходил с трудом. Кадры, показывавшие выходящих из-под земли людей, выглядели зернистыми и бесцветными, как увеличенный газетный снимок про-

шлого столетия. Его протиснули через канал связи в последние минуты, прежде чем помехи поглотили сигнал.

Однако информация оказалась бесполезной. Даже зная, что существует безопасный маршрут, спасатели уже не успевали их вытащить.

Эти новости не улучшили Майку настроения. Выход в город, как и предсказывала Андреа, оказался неудачной идеей. К полудню контроль моторных функций совсем разладился, так что ему трудно было даже управлять креслом. И речь звучала так невнятно, что Андреа приходилось то и дело переспрашивать. Чтобы скрыть этот недостаток, он перешел на односложные ответы. Отказывать стал даже слух: звуковой сигнал приходилось неимоверно ужимать. Он не мог отличить голос птицы от шума уличного движения, а гула машин от шелеста листьев в парке. Голос Андреа доходил до него, словно пропущенный через синтезатор, искаженным почти до неузнаваемости.

К трем часам очки уже не передавали цветов. Программа переключилась на ограниченную палитру. Город стал походить на раскрашенную вручную фотографию, размытую и бледную. Лицо Андреа колебалось между белым и болезненно-серым цветом.

К четырем отказали и руки. К пяти очки полностью переключились на черно-белое изображение. Скорость передачи дошла до десяти кадров в секунду и снижалась дальше.

К вечеру Андреа перестала его понимать. До Майка дошло, что он уже не в состоянии нажать кнопку тревоги. Он возбудился, замотал головой. С него хватит. Ему хотелось отключиться от нервосвязи. Пусть его вернут в собственное заждавшееся тело. Он уже не чувствовал, что находится в теле Майка, но и в своем не был. Он завис где-то посередине, беспомощный и почти слепой. Паника накрыла его пенной всепоглощающей волной.

Встревоженная Андреа покатила кресло назад в лабораторию. Ко времени, когда она собралась прощаться, изображение замедлилось уже до пяти кадров в минуту и каждый состоял всего из шести тысяч пикселей. Майк стал спокойнее, смирился с неизбежностью завтрашнего дня, когда уже не сумеет узнать Андреа.

Суббота

Последний день с Андреа Майк встретил в мире звуков и света, ощущения были уже весьма скудными, и закончил в беззвучной темноте.

Он уже стал полным параликом, даже головы повернуть не мог. Мозг, принадлежавший другому, пребывающему в коме Майку, контролировал тело сильнее, чем его бодрствующий двойник. Нервосвязь по-прежнему посылала сигналы в лабораторию, но всю полосу связи занимали визуальные и акустические данные. К утру изображение ограничивалось одной тысячей пикселей и сменялось со скоростью три кадра в секунду. Зрение еще вчера стало одноцветным, но тогда еще различались хотя бы оттенки серого, позволявшие распознавать образы.

Теперь же пиксели только показывали свет – тень: передача интенсивности света требовала слишком большого объема передач. Когда к нему подошла Андреа, ее лицо представилось ему мигающей мозаикой черно-белых квадратиков, словно картинка в психологическом тесте. Он с трудом научился отличать ее от других лиц в лаборатории, но едва уверился, что узнает ее, как изображение стало еще хуже. До полудня оно дошло до восьмисот пикселей и двух кадров в секунду – иначе говоря, превратилось в последовательность неподвижных картинок. Для него люди не ходили по лаборатории, а перескакивали с места на место, застревая в нелепых позах. Вскоре ему стало проще думать о них не как о живых людях, а как об абстрактных структурах в данных. Он теперь не мог бы сказать, что видит. Данные продолжали поступать, но мешанина пикселей не ассоциировалась со знакомыми видами лаборатории. Он уже не мог отличить людей от мебели, если только они не передвигались из кадра в кадр. К двум часам он попросил Джо отключить очки, чтобы использовать всю оставшуюся полосу передачи на звук и осязание. Майк остался в темноте. Звук за ночь тоже пострадал. Вчера Андреа гово-

рила не своим голосом, сегодня голос не слишком походил на человеческий. Такой звук мог бы передавать самый негодный в мире телефон. Помехи начали заглушать сигнал. Программа боролась с ними, выжимая смысл из скудных данных. Это сражение можно было затянуть, но не победить в нем.

– Я еще здесь, – сказала Андреа шепотом, долетавшим слабее, чем сигнал самого далекого квазара.

Майк ответил. Ответ потребовал времени. Распознающая голос программа анализировала его движения и превращала их в числовой код. Потом их передавали сигнал за сигналом в другую лабораторию, ту, где ждал в инвалидном кресле Майк, где Андреа не умерла, и там генератор звука снова превращал их в звуки речи с американским акцентом.

– Спасибо, что позволила мне вернуться, – сказал он. – Пожалуйста, останься. До конца. Пока я еще здесь.

– Я никуда не уйду, Майк.

Андреа сжала его руку. Сколько бы он ни потерял с пятницы, осязание сохранилось. В самом деле, легче всего передать прикосновение: легче, чем вид, легче, чем звук. Потом, когда даже голос Андреа пришлось пересылать через разрыв, раскладывая на отдельные сигналы и собирая снова, ощущение прикосновения все еще держалось. Он чувствовал, как она обнимает его, прижимает к себе, отказываясь отдать ревущим волнам квантового шума.

– У нас осталось меньше тысячи полезных байт, – сообщил Джо, негромко обращаясь к той версии, что лежала на койке. – То есть еще целая тысяча, прежде чем мы потеряем контакт. Хватит на сообщение, даже на прощальные слова.

– Передайте вот что, – попросил Майк. – Скажите Андреа – я рад, что побывал там. Скажите – я рад, что она была мне женой. Скажите – жаль, что мы не добрались до вершины.

Когда Джо запорхал пальцами по клавишам, набирая сообщение, Майк почувствовал, как слабеет прикосновение Андреа. Даже передача постоянного давления: рука к руке, тело к телу – стала для связи невыносимой нагрузкой. Это было словно отпустить тонущего друга. Он чувствовал, как с последними байтами Андреа ускользает навсегда.

Он неподвижно лежал на койке. Он потерял жену, потерял во второй раз. На миг тяжесть этой мысли приковала его к месту. Казалось, он и в свой-то мир не сумеет войти, не то что в покинутый секунду назад.

А ведь сегодня суббота. Через два дня похороны Андреа. Надо подготовиться.

– Мы закончили, – бережно обратился к нему Джо. – Связь забита помехами.

– Андреа ничего не прислала? – спросил Майк. – После моих последних слов?

– Нет. Прости...

Майк уловил заминку в голосе Джо:

– Совсем ничего?

– Ничего вразумительного. Мне показалось, что я что-то поймал, но там было только... – Джо виновато пожал плечами. – Должно быть, их вход забило помехами на несколько секунд раньше нашего. Так иногда бывает.

– Знаю, – сказал Майк. – А все-таки покажи, что прислала Андреа.

Джо подал ему распечатку. Майк выждал, пока взгляд сфокусируется на бумаге. Под шапкой он увидел строку текста: SO0122215. Вроде телефона или почтового индекса. Но конечно, это был не телефон и не индекс.

– И все?

Джо тяжело вздохнул:

– Извини, дружище. Может быть, она пыталась что-то передать, да помехи взяли свое. Помехи всегда берут свое.

Майк снова взглянул на числа. Они что-то говорили ему. Кажется, он понял, что они означают.

– Вечные помехи, чтоб им провалиться, – договорил Джо.

Воскресенье

Андреа подождала, пока Майка выведут из лекарственной комы. Он пробивался сквозь пласты дезориентации и полусна, пока что-то в нем не встало на место. Тогда он осознал, что происходило с ним в последнюю неделю, что происходило с телом, власть над которым поне-много возвращалась к нему. Все было в точности как обещали: ни сновидений, ни беспокойства, ни мучительного ощущения провала в памяти. Пожалуй, не худший способ провести неделю. Как ему кто-то говорил: словно вернулся в лоно матери. А теперь он рождался заново, и дело шло не совсем гладко. Он попробовал шевельнуть рукой и, когда конечность не сразу повиновалась ему, запаниковал. Впрочем, Джо уже улыбался:

– Не спеши, парень. Все придет. Программа освобождает нервы спинного мозга по одному. Потерпи, и все будет отлично.

Майк пробубнил что-то в ответ, но и челюсть пока что не слушалась его. Ничего, все вернется, как обещает Джо. Тысячи реципиентов каждый день проходят через это и глазом не моргнув. Многие проделывали это сотни раз. Нервосвязь с самого начала оказалась невероятно безопасной. Куда безопаснее любого настоящего путешествия.

Он снова попробовал двинуть рукой. На сей раз она отозвалась без задержки.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Андреа.

Он снова попробовал заговорить. Челюсть была тяжелой, язык толстым и неповоротливым, однако он сумел выговорить:

– Нормально. Бывало лучше.

– Говорят, второй раз дается легче. А в третий совсем легко.

– Сколько?..

– Ты уснул в прошлое воскресенье. И сегодня снова воскресенье, – сообщил Джо.

– Целая неделя. Точно – как планировали.

– Я здорово проголодался, – сказал Майк.

– Из комы все выходят голодными, – кивнул Джо. – Трудно обеспечить телу-хозяину полноценное питание. Ничего, это мы уладим.

Майк повернул голову к Джо, дождался, пока сфокусируется взгляд.

– Джо, все прошло нормально? Без осложнений? – спросил он.

– Совершенно без проблем, – подтвердил Джо.

– Тогда не оставишь ли ты нас с Андреа на минутку?

Джо поспешно вскинул руки, выразив полное согласие, и выскользнул из комнаты под каким-то правдоподобным предлогом. Дверь за ним тихо закрылась.

– Ну, – заговорил Майк, – догадываюсь, что все прошло нормально, не то меня не держали бы в коме так долго.

– Да, все нормально, – сказала Андреа.

– Так ты встретишься с тем, другим Майком? Был он здесь?

– Да, он был здесь, – кивнула Андреа. – Мы вместе проводили время.

– И чем занимались?

– Как обычно, чем и мы с тобой. Побродили по городу, погуляли в парке, съездили в холмы, и все такое.

– И как?

Она осторожно взглянула на него:

– Очень, очень грустно. Честно говоря, я не знала, как с ним держаться. Хотелось выразить сочувствие, утешить – он ведь потерял жену. Но думаю, Майку было нужно другое.

– Другому Майку, – мягко поправил он.

– Я к тому, что он не для того вернулся, чтоб я над ним поплакала. Он хотел провести еще неделю с женой, обычную неделю. Да, он хотел попрощаться, но не хотел, чтобы мы оба всю неделю бродили как в воду опущенные.

– И как ты себя чувствовала?

– Несчастной. Конечно, не такой несчастной, как если бы потеряла мужа. Но его печаль стала сказываться и на мне. Я не думала, что будет так... нет, я, конечно, не чувствую себя осиротевшей, но надо быть нечеловеком, чтоб чего-то такого не почувствовать, правда?

– Что бы ты ни чувствовала, не вини себя. По-моему, это замечательно, что ты согласилась.

– И ты тоже.

– Мне было легче всего, – возразил Майк.

Андреа погладила его по щеке. Он почувствовал, что давно пора бы побриться.

– Что ты ощущаешь? – спросила она. – Ты ведь, что ни говори, почти он. Ты знаешь все, что он знает.

– Не знаю только, каково потерять жену. И надеюсь, никогда и не узнаю. Думаю, мне по настоящему не представить, что в нем сейчас происходит. Я о нем думаю как о ком-то другом: о друге, о коллеге, которому сочувствуешь...

– Но у тебя не осталось из-за него тяжести в душе?

Майк ответил не сразу. Ему не хотелось давать пустой машинальный ответ, пусть даже самый утешительный.

– Нет... Я предпочел бы, чтобы этого не случилось... но ты здесь. Мы можем быть вместе, если захотим. Мы будем жить дальше и через месяц-другой и думать забудем об этом происшествии. Другой Майк – не я. Мы о нем больше никогда не услышим. Он исчез. Все равно что его и не было.

– Но он есть. Оттого что мы не можем с ним связаться, он не перестанет существовать.

– Так говорят теоретики. – Майк прищурился. – А что? Какая разница для нас?

– Наверное, никакой. – Снова этот осторожный взгляд. – Но я должна тебе что-то сказать, и тебе придется понять.

Ее тон встревожил Майка, но он счел за лучшее этого не показывать.

– Давай, Андреа.

– Я кое-что обещала другому Майку. Он потерял то, что ничем не возместить, и мне хотелось что-нибудь сделать, как-то облегчить потерю. Ну так вот, мы с тем Майком сговорились: раз в год на один день я буду уходить. Уходить в свое особое место и там думать о другом Майке. О том, чем он занят, как живет, радуется сейчас или грустит. И я буду уходить туда одна. А ты не будешь за мной следить. Ты должен пообещать, Майк.

– Ты могла бы мне сказать, – заметил он. – Тут нечего скрывать.

– Вот я и говорю. Ты думаешь, я не сумела бы скрыть, если бы захотела?

– Но я все-таки не знаю куда...

– Тебе и не надо знать. Это секрет мой и другого Майка. Между мной и вторым тобой. – Должно быть, она увидела в его лице что-то, чего он не хотел бы показывать, потому что заговорила строже: – И тебе придется научиться с этим жить, потому что обсуждению это не подлежит. Я уже дала слово.

– А Андреа Лейтон всегда держит слово.

– Да, – сказала она, смягчив строгость милой легкой улыбкой. – Особенно слово, данное Майку Лейтону. Которому бы то ни было.

Они поцеловались.

Позже, когда Андреа вышла, а Джо прогонял очередной заключительный тест, Майк отклеил с клавиатуры желтый листок для заметок. На бумажке виднелась аккуратная синяя

запись. Он мгновенно узнал руку Андреа – такие записки он не раз находил в кухне. Но вот сама запись – SO0122215 – ничего ему не говорила.

– Джо, – небрежно спросил он, – это твое?

Джо отвернулся от стола, прирос взглядом к желтому бумажному квадратику.

– Нет, это Андреа просила... – начал Джо и спохватился. – Слушай, это пустяк, я хотел выбросить и...

– Это сообщение для другого Майка, так?

Джо огляделся, словно Андреа могла спрятаться где-то в комнате или неожиданно вернуться.

– У нас оставалось всего несколько полезных байт. Другой Майк только что передал прощальное сообщение. И Андреа попросила меня послать в ответ это.

– Не сказала, что это значит?

– Я не спрашивал, – сконфуженно огрызнулся Джо. – Просто набрал, и все. Подумал, это касается только ее и тебя. То есть ее и другого Майка.

– Все в порядке, – успокоил его Майк. – Правильно сделал, что не спросил.

Он снова просмотрел записку, и что-то в нем прочно встало на место. Теперь он узнавал код: воспоминание из дождливого ветреного прошлого. Координатная сетка крупномасштабной карты. Карты, которой пользовались они с Андреа, когда ходили в походы. Он уставился на цифры, готовые, казалось, выдать свою тайну. Он был уверен, что бывал там или где-то совсем неподалеку. Найти будет легко. Даже записка не нужна. У него всегда была хорошая память на числа.

По выстеленному линолеумом коридору прозвучали приближающиеся шаги.

– Это Андреа, – предупредил Джо.

Майк сложил бумажку так, чтобы цифры стали не видны, и бросил ее в сторону Джо. Его это не касается.

– Выброси в мусор.

– Уверен?

Отныне и навсегда в жизни его жены будет что-то, что его не касается, пусть даже на один день в году. Придется с этим как-то жить.

В конце концов, могло быть и хуже.

– Уверен, – сказал он.

От многих моих произведений эта повесть отличается тем, что ее действие происходит на Земле в относительно близком будущем. Пожалуй, я чересчур увлекаюсь такого рода вещами, вместо того чтобы писать исключительно «новую космооперу», но все же мои сюжеты в большинстве своем «внеземные».

Я не могу сказать, что плохо старался, но тем не менее большинство моих попыток писать фантастику «ближнего прицела» не дали ничего, кроме разочарования, усталости и незавершенности. Не знаю, в чем тут проблема. Сам я рассказы на эту тему читаю не менее охотно, чем «широкие эпические полотна». Думаю, я восприимчив к окружающему миру; структура и тенденции ближайшего будущего мне интересны как мало кому другому. Возможно, беда в том, что, хоть я и поднаторел в экстраполяционном миропостроении, в насыщении романов необходимым количеством сюжетных отклонений и эмоциональных встрясок, мне тяжело даются сверхидеи, на которых можно строить «земные» сюжеты. Может, я генетически запрограммирован писать про космос, про далекое будущее и будущее средней дальности? Если это так, то мне, наверное, следует примириться с судьбой. Как выразился однажды другой Аль, «не получается само собой – забей»¹.

¹ Имеется в виду шотландский певец и автор песен Аль (Эл) Стюарт. Прочитирована строка из песни «Leave It» – «If it

Но все же я еще не готов отказаться от «близкого прицела».

Кардифф после смерти

Кардиффа больше нет.

Эпицентр взрыва находился – очень удачно – у стадиона «Миллениум», прямо перед входом «D». Так что стадион взлетел первым, раньше всего города. С самого начала было ошибкой ставить стадион в таком месте. Таффы² сами не спорят, что оплошали. Построили бы к западу от города, где хоть как-то можно разглядеть конструкцию целиком. Когда я переехал сюда из Халла, «Миллениум» выглядел украдкой из-за новых сверкающих зданий, которые выросли вокруг за тридцать лет с момента его открытия.

Да что уж тут? Его теперь нет. Вот только и всего остального – тоже.

Когда я осуществился в Кардифф, после катастрофы не прошло и суток. Мирные жители – как из той временной линии, так и из других – не могли подобраться к тому, что осталось от города. Но я связан с проектом холодного прозвона, и на момент взрыва громадная часть нашего оборудования находилась в подвале университета, так что я получил пропуск и свободу бродить где заблагорассудится. Осуществиться в пределы города через живое тело я не мог – с таким-то уровнем радиации, как у них! – а воспользоваться свежим трупом, поднятым на ноги электрическими импульсами, мне как-то не улыбалось (хотя про такой способ тоже нельзя забывать). И я осуществился через робота, лязгающую металлом штукуну военного образца с траками, манипуляторами и бронированной обшивкой. Похоже на улучшенный образец агрегата, которыми в армии обезвреживали бомбы, когда террористы еще довольствовались взрывами всякой мелочовки вроде автомобилей и домов.

От точки, где я принял контроль над машиной, до остатков университетских лабораторий пришлось добрых шесть часов ползти по завалам. Вокруг попадались другие роботы, по горчично-желтому небу проносились вертолеты «Чинук», мимо пробежали солдаты и гражданские в полной защитной экипировке, но больше никого живого я не видел. Если не считать нескольких бродяг, которые отказались эвакуироваться, все выжившие после удара лежали в полевых госпиталях, развернутых за пределами зоны заражения. В первые двенадцать часов погибли десятки тысяч. Еще для нескольких десятков тысяч прогноз был нерадужным.

Поскольку оборудование было нам дорого, мы постарались защитить его от всяких непредвиденных обстоятельств. Даже если бы в университет врезался самолет, мы ничего бы не почувствовали у себя в подвале с машинами холодного прозвона. Случись в Кардиффе землетрясение в восемь баллов, инструменты зарегистрировали бы лишь легкие помехи. Взрыв террористами самодельной ядерной бомбы был самой серьезной угрозой, от которой мы худобно могли защититься, но и такой расклад учли в планах.

Лучше перебдеть, чем недобдеть, разве нет? Хотя – как мы друг другу твердили – всего этого все равно никогда не случится.

И что же уцелело? Хрен что, прямо скажем. От наземных строений остались обожженные руины. Чтобы найти крепкий воздухонепроницаемый проход, ведущий в подвал, пришлось копать добрый час. Я открыл дверь (код, конечно, был мне известен) и умудрился провести своего робота вниз по ступенькам, ориентируя траки так, чтобы сохранять вертикальное положение туловища даже при спуске.

Что же я нашел?

Ну, во-первых, себя. В той версии Кардиффа, по которой пришелся удар, я сидел на дежурстве, как и в той, по которой удар нанесен не был. И – чудо из чудес! – машины прозвона продолжали работать, потому что питались от запасного генератора, стоявшего в отдельном помещении внутри подвала.

² Таффы (разг.) – жители Кардиффа. (Примеч. перев.)

На самом деле – никакого чуда, конечно. Я знал, что по крайней мере одна машина должна работать, иначе нам бы не установили перекрестную связь, нужную для осуществления. Вопрос был только в том, насколько эта перекрестная связь устойчива. Продержится еще дней пять-шесть или может гигнуть в любой момент?

Меня, Джо Ливерсэджа, спрашивать бессмысленно. Для того мира я погиб. Буквально. Когда робот нашел мое тело, оно лежало, безвольно распластавшись по рабочей консоли. В момент взрыва я сидел один в лаборатории: было воскресенье, остальные сотрудники отдела старались отвертеться от работы в выходные. А я что, я ж известный трудоголик.

– Ну че, придурок, так тебе и надо! – сказал я трупку через голосовую систему робота. – Козел ты тупорылый, Джо! Чего ты, спрашивается, не рванул с Миком в Сток на пивной фестиваль?

С трупом, увы, долго не побазаришь.

Почему я отбросил коньки, стало понятно не сразу. Система жизнеобеспечения вроде бы позволяла продержаться в подвале не одну неделю. Потом я заметил, что рядом лежит записка, написанная моим почерком – то есть почерком Джо.

«Дорогой Джо, – гласила она. – Воздуху хана, – похоже, изоляция хлипкая. Но машины – норм. Контакт удерживают. Покеда, приятель! Знатно рвануло. Твой друг Джо».

И приписка: «P. S. С меня пиво».

В руке у него была зажата двадцатифунтовая банкнота. Как трогательно. На двадцатку уже давно не купишь больше пинты и пакета чипсов. Все йоркширцы – жмоты хитрожопые, как сказал бы Мик.

Я не мог забрать деньги к себе в мир. Но тут же главное – сама идея.

Наверное, надо кое-что пояснить.

Если кажется, что я как-то чудно себя повел, столкнувшись с собственным трупом, то для этого есть вполне конкретные причины. Просто так вышло, что я не в первый раз встречаюсь со своим визави – с другой версией себя, Джо Ливерсэджа. Я бы даже сказал, то и дело встречаюсь. Поэтому с мыслью о том, что где-то шляются многочисленные копии «меня» и живут собственной жизнью, я уже основательно свыкся. Если кто-то из нас помрет, остается жить еще целая толпа. Я это знаю. И тот я, в подвале, тоже знал.

Двадцать лет назад моя команда из Кардиффского университета первой открыла портал в параллельный мир. При помощи одной такой громадной машины из подвала мы прозванивали всю квантовую реальность, пока не установили контакт с копией машины в другой версии лаборатории, в другой версии Кардиффа. Получается так, что в момент установки контакта два Кардиффа идентичны – и все живущие в этих двух Кардиффах обладают абсолютно одинаковой сущностью, абсолютно одинаковым прошлым. Но с того момента, как установлен контакт, два мира начинают отрываться друг от друга. Хотя обе версии меня в воскресенье пришли в лабораторию, у того, что в подвале, был порез от бритвы на правой щеке и другая рубашка. Мы же держали контакт всего пару дней. К концу недели две истории разошлись бы настолько далеко, что в одной «Кардифф Сити» мог выиграть матч, а в другой – проиграть. То, что в одном Кардиффе террористы взорвали бомбу, а в другом нет, – огромное расхождение для этой стадии контакта, но бывает по-всякому. Непонятно, что случилось с террористами в нашем мире: то ли бомба не сработала, то ли спецслужбы их застукали... Никто ничего толком не говорит, но ходят слухи о «руке разведки».

Не важно, велики изменения или нет: рано или поздно кумулятивный эффект расхождений становится настолько критичным, что поддерживать квантовый контакт дальше нельзя. Портал в такой мир закрывается, его обитатели живут своей жизнью и не пересекаются с нами. Через какое-то время мы устанавливали контакт с другим Кардиффом, и все начиналось сначала. И каждый раз первым, с кем я разговаривал, был я сам, Джо Ливерсэдж.

Это сказывается на психике. Поэтому и Рэйчел в конце концов бросила меня. Сказала, что не знает, как жить с человеком, у которого такое извращенное представление о реальности, не говоря уже о собственной жизни и смерти.

– Сплетничаете обо мне у меня за спиной? – как-то спросила она. – Вы двое? Сравниваете впечатления?

– Ты – не вторая Рэйчел, – ответил тогда я. – Она просто... какая-то женщина, на которой женат Джо. Мне нужна только ты.

– «Только ты», – сухо повторила она. – Когда мужчины так говорят, они имеют в виду других женщин. А ты говоришь о копиях меня, будто я кукла Барби с конвейера. Джо, я так не могу.

– А ты попробуй.

– Жизнь коротка, – ответила Рэйчел.

Когда она ушла, я сделал то, что всегда делал в тяжелые моменты: с головой ушел в работу. Кардифф первым разработал технологию холодного прозвона, но другие университеты и корпорации, само собой, шли по пятам, пытаясь обогнать нас. Мы первыми установили видеосвязь между параллельными мирами, благодаря чему одна версия меня получила возможность разговаривать с другой – будто мы просто сидим в разных офисах. Мы первыми использовали технологию осуществления – позаимствовали у турфирм, рассчитанных на всех, кто потерял возможность путешествовать, – а потом перешли от громоздких роботов к настоящим человеческим телам, снабженным имплантами, благодаря которым можно было перехватывать управление, как будто вы физически присутствовали в другом мире. Все шло отлично, но просто так ничего не дается. Чтобы сохранять первенство, нам нужен был кусок отравленного наливного яблочка под названием «целевое бюджетное финансирование»: это деньги, никак не связанные с обычными исследовательскими фондами университетов. Стороннему наблюдателю может показаться, что эти средства призваны способствовать укреплению лидирующих позиций Великобритании в передовой и престижной сфере. Наука ради науки и тому подобное, деньги, вроде бы не запятнанные никакими приземленными мотивами, свободный полет мысли, и только.

Все это полная чушь, и все знали, что это чушь.

Когда власти могут закрыть любого просто за странный вид, новая технология дает мощные рычаги органам безопасности. Если контакт установлен, можно параллельно арестовать и допросить две версии подозреваемых: соответствующие службы в каждой реальности сотрудничают друг с другом, чтобы получить максимум сведений. Изложите историю подозреваемому в одной линии реальности и посмотрите, что он скажет. Изложите другую историю в другой и посмотрите, что вы получаете. Волки сыты, овцы целы, а права человека идут лесом.

Никто, конечно, не признавался в применении подобных методов. Но за новые машины, за их разработку, за взрывоустойчивое помещение платили не витающие в облаках ученые. Платила госбезопасность. А кто еще?

Я уже говорил, что яблоко было отравлено? В обмен на щедрое финансирование государство провело в нашу лабораторию свою горячую линию, сверхсекретный канал связи. Их бонзы могли говорить друг с другом посредством наших машин, но я – как и весь наш отдел – не имел ни малейшего представления о происходящем. Они не вмешивались в наши дела, а мы – в их.

Но иногда последствия были неприятными.

Вот как сегодня, например.

С момента взрыва бомбы прошло три месяца. Наше окно в ту версию Кардиффа закрылось всего через четыре дня после события, и мы не знали, как идут дела у них. Когда контакт прервался, число жертв не подсчитали даже приблизительно, и никто не заикался о пла-

нах восстановления. С той версией мы больше никогда не установим связь, даже если будем прозванивать целую вечность. Та реальность так далеко отклонилась от нашей, что квантовый контакт уже невозможен.

В моей версии Кардиффа день выдался неплохой. Солнышко светит, у ресторанчиков на улице все отлично, люди кажутся на редкость счастливыми и довольными. За три месяца мало что изменилось. Конечно, те, кто дает себе труд следить за мировыми новостями, знают, что одну из версий Кардиффа стерли с лица земли: они видели фотографии и видеозаписи. Некоторые из этих людей, как и я, даже осуществились в ту реальность. Мы прошлись – или, в моем случае, прокатились – по дымящимся руинам бывшего города.

Но для большинства людей взорванный Кардифф уходит в прошлое, как воспоминание о летней премьере пошлого блокбастера, перегруженного надуманными спецэффектами. С тех пор в мире произошло множество событий, а мы прозвонили сотни других реальностей, и какие-то из них обросли своими скандалами и скоротечными сенсациями.

Но у некоторых людей – очень и очень немногих – память длиннее.

За утренним кофе я просматриваю газету. Где-то на третьей странице затерялась мелкая заметка о недавнем аресте и заключении под стражу жителя Кардиффа.

Не важно, кто он такой. Гражданин Великобритании, этого достаточно? Если вы так дотошны, он – валлиец, хотя не Джонс и не Эванс, фамилия вообще не валлийская.

Он ничего плохого не сделал. Единственная его ошибка заключалась в том, что он ненароком взорвал Кардифф в параллельной вселенной. Нет, даже это сказано слишком сильно. В закладке бомбы он не участвовал. Всего лишь предоставил, по наивности, жилье тем, кто ее заложил. Может, и знал о готовящихся делах, но не менее вероятно, что преступники не посвящали его в свои тайны.

Сейчас у них уже не спросить, поскольку – вот незадача! – все они мертвы. Когда взорвалась бомба, их двойники в том Кардиффе погибли. В нашей версии террористы покончили с собой, когда из-за крошечного дефекта в пайке их бомба не взорвалась как надо и задела обоих. Все цепочки, что вели к разветвленной сети экспертов и финансистов, оборвались. Мы можем прозвонить другие версии Кардиффа, но в каждой из них теперь тот же набор событий, что и у нас, и, значит, террористы тоже погибли. В итоге единственный человек, которого может сцапать государство (и единственный, кому может быть известно хоть что-то), – тот, кто предоставил преступникам жилье.

Он все отрицал – судя по крохам информации, которые мне удалось выудить из сообщения в газете, – и его слова звучат довольно правдоподобно. Он общался с одним из бомбистов, но не лично, и ничто в прошлом обвиняемого не позволяло сделать вывод о его связи с экстремистскими организациями. Никак не могу понять: в нашем временном потоке бомба не взорвалась, ранила двух террористов и в результате вынудила их к самоубийству. Жертв среди мирного населения – ноль. Радиационное воздействие – пренебрежимо малое. Ущерб имуществу – несущественный.

Если бы мы не знали, что случилось со вторым Кардиффом, мы бы сказали: дело закрыто. Нет обвинения, которое можно предъявить задержанному. Правосудие уже свершилось.

Проблема в том, что мы знаем. Знаем, и нам нравится, когда есть виноватый.

Согласно сообщению в газете, задержанный умер от осложнений после сердечного приступа, случившегося во время нахождения под стражей. Правительство придерживается мнения, что у обвиняемого была предрасположенность, обострение могло случиться в любой момент.

Ну а я размышляю, что же они сделали с этим невезучим, ни в чем не виноватым бедолагой.

Я складываю газету, допиваю кофе и еду на трамвае в университет. Вышло так, что сегодня опять воскресенье. Факультет пуст, если не считать парочки нависших над головой роботов. Все, у кого остался хоть грамм здравого смысла, сейчас в других местах. Радуются погоде, любят свой городом.

Я набираю код и спускаюсь в подвал. Надо мной высятся машины прозвона – гудящие горизонтальные цилиндры, огромные, холодные на ощупь. В них всегда было что-то неуловимо зловещее, хотя вслух я бы в этом не признался. Я думаю о правительственной линии, которая ведет в подвал, к машинам, благодаря которым сигналы преодолевают брешь между реальностями. Если бы не эта связь, на того бедолагу не обрушилась бы вся мощь государства.

На мгновение мне в голову приходит идея: запереться здесь и отключить циркулятор воздуха. Уйти тем же способом, что второй Джо, зажав в холодной мертвой руке предсмертную записку, адресованную самому себе, и двадцать фунтов. Пинта пива и пакет чипсов. Ведь это же нельзя считать самоубийством? Даже если я умру здесь и сейчас, бесчисленные версии Джона Ливерсэджа останутся в живых. Все мы не примем одновременно одного и того же решения.

Но потом я вспоминаю, что сказала Рэйчел, перед тем как собрать чемоданы. Мы – не куклы Барби. Если я сползаю в состояние, в котором могу так думать (что смерть – это когда ты отрезаешь всего одну ветку от бесконечного, бессмертного дерева), то, может быть, в ее словах что-то есть. Может быть, я слишком долго всем этим занимаюсь. Мое самоубийство – какими бы благородными ни были намерения – лишь укрепит ее во мнении, что я позволил себе увязнуть слишком глубоко.

Не для того, чтобы снова заслужить расположение Рейчел. Слишком поздно. Но сопротивляться я все-таки могу, и не обязательно при этом умирать, как другой Джо.

Сирены завопят сразу, как только я начну крушить машины. Рано или поздно сюда придут и меня обнаружат – в подвал они проникнут что с кодом, что без кода. Потом меня арестуют – а потом... Кто знает! Но что бы со мной ни стало, рано или поздно они сумеют починить машины. И тем не менее: я – Джо Ливерсэдж. Я ж, зараза, изобретательный. И разгром учиню о-го-го, если мозгами пораскинуть.

На стене, рядом с огнетушителем, висит тяжелый топор.

Ну что, хряснем как следует?

Этот очень короткий рассказ – фактически зарисовка – был написан для валлийского издания «Big Issue», журнала, который продают в Великобритании бездомные и обездоленные. Живущий в Кардиффе писатель-детективщик Джон Уильямс попросил меня написать что-нибудь для специальной серии летних рассказов валлийских писателей. Замысел состоял в том, что рассказ должен быть связан с Уэльсом. Мне было очень непросто, пока я не вспомнил, что уже создавал валлийский антураж из близкого будущего для повести «Помехи». В той истории йоркширец Джо Ливерсэдж был второстепенным персонажем, но в этом коротком тексте я поместил его (или, если уж быть совсем точным, его копии) на передний план – действие происходит через несколько лет после событий, описанных в повести. Как только все встало на свои места, рассказ был написан очень быстро (что само по себе неплохо, поскольку сроки были сжатыми) и послужил бодрящей разминкой между большими произведениями, над которыми я тогда работал. Заглавие, конечно же, украдено у группы «Мэник Стрит Причерз», как и заголовок рассказа «Неистощимость» (Everlasting), который тоже есть в этом сборнике. Ну фанат я, чего уж там...

Ангелы праха

Марсианское небо, где сейчас летел Серхио, было цвета окровавленного снега. Прошлой ночью заснуть он так и не смог, и теперь усталость брала свое, хоть он и пытался отгонять дрему кивидинокийскими литургиями из рекомендованного духовником требника. Незадолго перед тем его обогнал караван – странно было видеть клановщиков так далеко на запад от Викингвилля. Их осененные знаменами машины летели плотной стаей, и, завидев их, он подумал об Индрани: насколько же ее лицо красивее постных физиономий семинаристов. Ему даже показалось, будто она спрашивает из бескрайнего далека, как его зовут. При каждом звуке сердце подпрыгивало в груди – но вдруг голос Индрани исчез, а ему на смену пришел рев Бога, такой глубокий и раскатистый, что казалось, будто он исходит отовсюду кругом.

– НЕОПОЗНАННЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ, – рек глас Божий, – ВЫ ПЕРЕСЕКАЕТЕ ОСВЯЩЕННОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Серхио встряхнулся, осознал давящую на колени тяжесть. Он обонял запах Индрани, словно тому дано было перейти из видений в явь. Латинский шрифт требника больше не прокручивался по сетчатке, зато на горизонте возникла отметка пункта назначения. Ближе, чем Серхио мог ожидать. То был стометровый алебастровый обелиск, укрытый атмосферным куполом и увенчанный частоколом меньших шпилей. Между шпилями виднелись подвесные дорожки и контрфорсы. Но признаков человеческого присутствия он не замечал.

– ПЕРЕДАЙТЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КРИПТОГРАММЫ, В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ЗАЩИТНЫЕ СИСТЕМЫ ХРАМА БУДУТ ПЕРЕВЕДЕНЫ В БОЕВОЙ РЕЖИМ, – продолжал Бог, но слова уже не производили сильного впечатления – Серхио сообразил, что это всего лишь духовник, чем-то родственник его личному имплантату, полученному в пользование на рукоположении.

Голос на миг умолк и прибавил:

– У ВАС ДЕСЯТЬ СЕКУНД, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ НАШЕ ТРЕБОВАНИЕ ИЛИ ИЗМЕНИТЬ ВЕКТОР...

– Я понимаю, – сказал Серхио. – Минуточку...

Он приказал орнитоптеру испустить кодовую трель, которая бы убедила храм в его благонадежности. Оборонительные горгульи скатали высунутые языки и сомкнули клыкастые челюсти, лучевые пушки вернулись в ноздри, сиявшие рубиновым огнем глазные лазеры наведения померкли.

– ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, БРАТ МЕНЕНДЕС, – произнес голос. – ДА СНИЗОЙДЕТ НА ВАС БЛАГОДАТЬ ГОСПОДНЯ. ВАС ВСТРЕТИТ СОБРАТ ПО ОРДЕНУ.

«Машиновек», – подумал Серхио.

Орнитоптер прошел сквозь внешнюю полимерную оболочку, пузырем окружившую храм, облетел колоссальное сооружение по кругу один раз, прежде чем опуститься на террасу у его подножия. Взмахи крыльев понемногу унялись, а сами крылья убрались под синтетичный панцирь. Серхио вылез наружу, нервно вытирая вспотевшие руки о пепельно-серую ткань брюк. Такого же тусклого оттенка был и остальной его костюм, за исключением белого воротничка и звезды асимметриста на груди у сердца. На черепе росла голубоватая щетина – благая стигма, знак рукоположения.

Он повесил синюю сумку на плечо и направился по террасе к храму. Под ногами посверкивали алмазы и сапфиры, выложенные перекрывающимися мозаичными слоями. Храм возвышался над ним, фигуры кивидинок стояли на страже красных, как чахоточные щеки, шпилей. Духовник считал закодированные в каменных скульптурах данные и представил ему краткий комментарий об архитектуре сооружения, обратив особое внимание на то, как многослойная истина Асимметричного Завета проступает и отзеркаливается, многократно усили-

ваясь, в каждой каменной детали. С террасы к дверям, также украшенным кивидинокийской резьбой, вела обсидиановая лестница. Внутри ждал машиновек. Этот интеллект-очевидник представился духовнику как Беллармин, его ранг отвечал кардинальскому. Имя машиновека напоминало об иезуитском теологе древности, который заклеил Галилея как еретика-гелиоцентрика. Андроформу Беллармина скрывал черный плащ с капюшоном, но когда машиновек распахнул одеяние, Серхио увидел под ним хаотическую мешанину металлических конструкций, пульсирующих диодов и трубок подачи питательных веществ.

– Приношу низжайше извинения за... – начал было Серхио, приступая к сложному ритуалу коленопреклонения перед кардиналом.

– Да-да, – прервал его Беллармин. На серебристом овале, заменявшем ему лицо, не отразилось абсолютно ничего. – Оставим это. Я бы предпочел, чтоб ты прибыл раньше.

– Я летел так быстро, как только мог.

– Ты ничего необычного не заметил по дороге сюда? К нам поступают отчеты о вторжении кланов в этот сектор Диоцеа. Клановщики здесь редкие гости.

– Там... – (Возможно, это проверка. Ведь клановщики могли ему привидеться так же, как Индрани.) – Извините. Я весь полет молился. Правда ли, что Иван очень серьезно болен?

– Трансценденция неминуема. Медицина бессильна помочь ему. Он, однако, попросил не отключать его от систем жизнеобеспечения, чтобы провести последние часы в сознании. Отсюда я сделал вывод, что твой визит для него по какой-то причине важен. – Голос Беллармина напоминал хрип дешевого радиоприемника.

– Вам не известно, зачем я здесь?

– По некоторым соображениям он настаивает на исповеди исключительно священнику-человеку.

– Значит, наше равнодушие взаимно.

Серхио спрятал усмешку. Не так уж часто со времени возведения в сан доводилось ему чувствовать себя на равных с членами братства машиновеков. Машиновеки так много знали, что всегда оказывались на шаг впереди клириков-людей. Высшие посты в ордене также были заняты почти исключительно машиновеками. После Экуменического Синтеза, когда Основатель вернулся с окраин системы, принесся весть о Божественном вмешательстве, машиновечество уравнили в церковных правах с людьми. Едва ли можно было ожидать иного, принимая в расчет природу кивидиноков, но Серхио всегда делалось как-то не по себе в присутствии этих существ.

– Не соблаговолите ли провести меня к нему?

Беллармин молча провел его по лабиринту замысловато закрученных, взлетающих к небесам коридоров. На пути им попались несколько очевидников, но людей они не встретили.

– Слухи ширятся. Как же без этого? – сказал Беллармин наконец. С таким же успехом он мог бы объявить, сколько сейчас времени. – Слухи о причинах ваших воззваний. Тебя когда рукоположили? Меньше девяти стандартлет назад, я полагаю?

– Источники вашей информации безукоризненны, – выдавил Серхио сквозь зубы.

– Как обычно. Это болезненная процедура?

– Разумеется, нет. Духовник очень мал. Имплантация похожа на укус комара. – Он коснулся щетины на черепе. – Почти сразу же появляются шрамы, но, поскольку это устройство растет изнутри, боли не чувствуешь. В мозгу ведь нет болевых рецепторов.

– Я просто интересуюсь. Есть отчеты. Что же ты испытал, впервые увидев правильный расклад? Узрев Погибель?

О, расклад Серхио помнил очень хорошо. Старший по рангу священник открыл ящик розового дерева и показал ему карточки, прежде чем начать инсталляцию духовника. На каждой карточке имелся серый квадратик, сложенный более мелкими серыми клеточками разных оттенков – если быть точным, то одиннадцати, поскольку лишь такое число оттенков серого

способен различить человеческий глаз. Матрица оттенков казалась рандомизированной, но как только установка духовника подошла к концу, как только он вступил во взаимодействие с определенными мозговыми центрами и декодировал идиосинкратическую картину окружающего мира, случилось что-то очень странное. Серые клеточки куда-то пропали, обнажив скрытое изображение. Ему объясняли, в чем тут хитрость, но он не запомнил технических деталей – и не пытался сделать вид, что запомнил. Духовник открывал посвященным доступ к сакральным данным. И только им одним. Этого было достаточно.

Он вспомнил, как в первый раз увидел Погибель. Его охватило разочарование. Нечто столь значительное – а выглядит так скучно, невзыскательно.

– О, – сказал он, – мне показалось, что я узрел нечто наделенное великой святостью.

– Это странно, – ответил Беллармин после паузы. – Я слышал кое от кого, что более обычной реакцией выступает разочарование. И сие неудивительно. В конце концов, Погибель – всего-навсего нейтронная звезда.

Он провел Серхио по мостику без перил меж контрфорсов. С такой высоты орнитоптер казался мошкой рядом с термитником.

– Вы упомянули об этих... слухах, – сказал Серхио, чтобы как-то отвлечься от пропасти под ногами. – Мне представляется вероятным, что я совершил нечто, достойное похвалы, поскольку едва ли Иван призвал бы меня через пол-Марса, чтобы вынести выговор.

– Больным старикам свойственно чудаковатое поведение, – промолвил очевидник (они опять вошли в средний шпиль). – Но безусловно, такая возможность скорей гипотетическая. Если бы ты согрешил против канонов ордена, если бы в той или иной форме выказал неповиновение приказам и обязанностям – даже вдали от Хризы... мы бы об этом знали.

– Не сомневаюсь.

– И это разумно с твоей стороны. – Беллармин остановился. – Мы прибыли. Ты готов, Менендес?

– Нет. Я нервничаю. Я не понимаю, зачем призван сюда. Могу только предполагать, что у причины моего вызова есть нечто общее вот с этим. – Он поднял сумку на манер военного трофея. – Но мне кажется, что единственный способ развеять сомнения – войти внутрь и услышать, чего от меня хочет Иван.

– Едва ли ты получишь ясный ответ.

– Иными словами, он и сам не обязательно понимает, зачем позвал меня?

– Помни, Менендес, что он болен.

Они отворили дверь палаты, где царил тихое, ненавязчивое ожидание смерти, подобной росе, что вот-вот ляжет на цветы. Ароматические свечи горели в настенных канделябрах. Каждый имел форму кивидинокийской руки: тонкие, как рапирные клинки, пальцы, откованные из железа. В комнате висел сепийно-коричневый дым, и сквозь него Серхио с трудом различил укрытую одеялом фигуру умирающего. У кровати кольцом выстроились, точно коленопреклоненные прихожане, мониторы системы жизнеобеспечения. В большинстве своем они были отключены.

– Не надо его слишком утомлять. Он может уйти от нас в любую минуту, но оставшиеся нам мгновения его присутствия нецелесообразно растрачивать впустую.

– Вы останетесь?

– Не думай обо мне. Я буду рядом.

– Очень жаль. – Серхио опять подавил усмешку. – Очень жаль, что вам надо уйти, хотел я сказать...

Когда очевидник удалился, Серхио подождал несколько мгновений, пока глаза не привыкли к сумраку. Ему ни разу не приходилось видеть существо столь близкое к смерти, как Иван. Было поистине чудом, что в этом дряхлом теле еще протекают какие-то метаболические процессы. Каждый вздох был слабее предыдущего. У Серхио затекла рука, и он опустил сумку

на пол. Наверное, при этом произвел едва слышный звук или возмущил воздушные течения в комнате, – как бы то ни было, старик открыл глаза. На это действие у него ушло столько же времени, сколько у розы – на то, чтобы раскрыться с рассветом.

– Менендес. – Губы Ивана едва шевелились. – Ведь тебя так зовут? – И после паузы: – Как прошел полет из Викингвилля?

– Тепловые потоки превосходны, – ответил Серхио.

– Обычно для этого пользовались глайдерами. Параглайдерами, ну да ты знаешь. Я прыгал с тепуй³ в Венесуэле. На Земле. Еще до появления кивидинок. При этом... недолго и штаны обмарать.

– Вы вольны доверять своим воспоминаниям, Иван.

– Господи, а я-то думал, что Беллармин – упрямец. Расслабься. Почтение мне нужно не больше, чем скейтборд. Ты захватил рекордер?

– Он готов. Я не вполне понимал, чего вы от меня хотите. В Диоцезе мне ничего не сказали.

– Это потому, что у них нет ни малейшего понятия, о чем я думаю. Ага! Сумка. – Руки Ивана выпростались из-под одеяла и ощупали сумку, вытащили освященный старинный магнитофон и с неожиданной аккуратностью поставили у кровати. – А вот и оно. Молодец, Менендес! Какой же ты молодец! Думаю, мне стоило лучше к тебе относиться. – Дрожащими пальцами он нашарил бутылочку виски, откупорил ее и подержал у носа. – Это клановое пойло, да? Ты рисковал, доставляя его.

– Не совсем. Я настоял, что у этой бутылочки символическая функция.

– И ты прав, сынок. – Иван глотнул и поставил бутылочку среди личных вещей с другой стороны ложа. – Ты помог и себе. Ты вправе кое на что рассчитывать. Садись.

– Я по-прежнему не понимаю, зачем я здесь.

– Никаких секретов. Я должен поведать тебе кое-что. И только тебе. Никому из старших по чину очевидников я не могу доверять.

Серхио сел рядом с ложем, нервно озираясь. На миг ему показалось, что в тенях и сиянии свечи отливают бронзой лицо Беллармина. Но только показалось.

– То, что вы желаете открыть мне, имеет касательство к... кивидинокам?

– К кивидинокам, Погибели и всему остальному!

Иван замолчал, облизал губы, изучая Серхио сквозь полусомкнутые веки.

– Я не такой реакции от тебя ожидал.

– Я... – Серхио покачал головой.

«...думал об Индрани».

– Как по-твоему, когда все это зародилось? – Старик повел рукой вокруг. – В тот день, когда я прекратил убирать дерьмо в Смоленске.

– Я...

– В тот день, когда явились кивидиноки. Октябрь две тысячи семьдесят восьмого. Нулевой Год. Да, я знаю, ты думаешь, что тебе все это известно. Этот эпизод-де хорошо задокументирован. Так-то оно так, однако...

Иван нашел в себе силы сменить горизонтальное положение на более близкое к сидячей позе. Серхио подскочил к нему и подложил подушки под спину.

– ...впоследствии оказалось, что не так уж и хорошо. Если бы я просто выложил тебе все, сынок, ты бы наверняка счел меня маразматиком, утратившим контакт с реальностью.

– Я никогда не смел подвергать сомнениям истинность сказанного вами. И никто из нас не смел.

³ Тепуи – столовые горы на Гвианском нагорье в Южной Америке.

– Посмотрим, будешь ли ты так же стоек в этом, когда я закончу рассказ, сынок. – Иван пригубил еще кланового виски, протянул бутылочку в сторону Серхио, не дождался реакции и продолжил: – Сколько тебе стандартолет, сынок? Двадцать четыре, двадцать пять? Ты не мог быть старше меня в тот день. Мы тогда еще не называли их кивидиноками. Это слово вошло в обиход значительно позже, когда они перешерстили наши культурные слои и сами выбрали себе имя. Оно из языка чиппева, означает «принадлежащие ветру». Возможно, имело какое-то отношение к способу их перемещения в пространстве.

– Возможно.

Они прибыли восемьдесят четыре года назад, ворвавшись в Солнечную систему на около-световой скорости. Их корявый, грубо-ромбической формы корабль, бывший некогда маленьким астероидом, выставил солнечный парус, долетев примерно до Плутона. Предположение, что гости пересекли межзвездную бездну в ошибочной уверенности, будто солнечный ветер замедлит их движение, любому показалось бы смехотворным. Тем не менее уже через три часа кивидинокийский корабль практически остановился, затем аккуратно сложил парус и направился к Земле.

Пригласили дипломатов. Немногочисленные имевшиеся изображения представляли кивидиноков ангелами из стали и неона, гуманоидами, чьи формы расплывались и двоились, будто у спускавшейся по лестнице Обнаженной Дюшана. Представляли стройными, как кинжалы, и крылатыми, причем светоносные массивные крылья, казалось, угасали и таяли где-то в нижней части фигуры, будто сшитые из тончайшего шелка. Лица кивидиноков отличались болезненной красотой, но вместе с тем походили на маски, а ротовые щели и сверкавшие ярче алмазов глаза выражали бесстрастное спокойствие. Очень быстро выяснилось, что дипломаты имеют дело с машинами. Кивидиноки утверждали, что изначально им была присуща органическая форма, но от нее отказались десятки миллионов лет назад.

«Наше миропредставление отличается от вашего, – заявили они на одной из редких публичных дискуссий о своей природе. – Наше восприятие квантового уровня реальности расходится с вашим. И когда мы обладали формой вроде вашей, оно тоже было иным».

– Как думаешь, что они имели в виду? – спросил Иван, процитировав Серхио эти фразы и тем прервал повествование. – Да нет, оставь магнитофон. Пускай крутится.

– Не могу даже предположить.

– Это должно иметь отношение к процессу их трансформации в машинное обличье, разве нет?

– Ваше предположение, несомненно, имеет смысл. Но разве это... значимо сейчас? Поверьте, я бы не хотел, чтобы вы утомлялись разговором.

Рука Ивана сжала запястье Серхио.

– Это гораздо важнее, чем ты можешь себе представить. – Старик отчаянно закашлялся и, утихомирив дыхание, с трудом продолжил: – Ты должен осознать: ключ к разгадке – в квантовом измерении. В том, как именно суперпозиция состояний квантовой системы коллапсирует в единственную реальность. Пойми это – и пойми, почему это такая проблема. Тогда поймешь все остальное.

Серхио виновато покосился на магнитофон, сознавая, что каждое сказанное слово накрепко запечатлевается на пленке.

– В семинарии нам рассказывали про котов. Котов в ящиках, с радиоизотопами и ампулами летучего мышьяка.

– В те редкие дни, когда я не убирал дерьмо в Смоленске, я пытался изучать философию. Читал научно-популярные статьи, иногда сам диву давался, что понимаю математические аспекты. Суть в том, что все квантовые системы – атомы, кристаллы, коты и собаки –

существуют в суперпозиции возможных состояний, как сложенные стопкой фотокопии. Но только до тех пор, пока ты на эту стопку не помотришь. Как только над системой производится измерение, как только над любой ее частью производится измерение, система коллапсирует – выбирает один-единственный исход из мириад доступных и отбрасывает все остальные возможности. – Хватка Ивана ослабла. – Дай-ка воды. В горле пересохло. Клань варят настоящую огненную водицу.

Пока старик пил, Серхио задал вопрос:

– Но мы так и не успели спросить у кивидинок о том, о чем действительно хотели спросить, не так ли?

Иван прочистил горло:

– Когда они оповестили нас, что отбывают, началась паника. Казалось, мы отпускаем их слишком рано. Слишком мало почерпнули из живительного источника знаний.

– И тогда они сделали нам предложение.

– Да. Они уже неоднократно намекали, что наше... как бы это сказать?... бытие не таково, как мы себе его воображаем. Что существует определенный фундаментальный, основополагающий аспект нашей природы, о котором мы не имеем никакого понятия. – Иван поднял руку между глазами и пламенем свечи, поглядел, как будто его плоть стала прозрачной. – «Вы, человеки, – говорили они, – просто не постигаете этого». Они сказали, что мы можем потратить все оставшееся нам время, задавая им пустяковые вопросы, а на это фундаментальное упущение даже не наткнемся. И предложили одному-единственному человеку... Да будет мне позволено назвать это просветлением.

– И выбрали вас, – сказал Серхио.

– Уж не думаешь ли ты, что я хлопотал за себя? Иван Пашенков, ассенизатор из Смоленска – какие, во имя ада – или Погибели, – у него могли быть шансы? Не смеши меня, сынок.

– Как вы поступили, узнав, что выбраны? Именно вы из миллионов подавших заявку?

– Да напился в стельку. Или это было на следующий день? Не помню. А как я должен был себя чувствовать? В привилегированном положении? Причастным к элите? Нельзя же всерьез вообразить, что меня выбрали за исключительные личностные качества. Мне просто... повезло.

После этого кивидиноки взяли его на борт своего звездолета. Ему было позволено захватить несколько записывающих устройств, достаточно миниатюрных, чтобы поместились в одежде. Готовясь к отбытию, корабль окружил себя полем поляризованной инерции и выделил одно из направлений пространства, вдоль которого компонента сопротивления ускорению будет нулевой, а во всех перпендикулярных ему – бесконечной.

– Меня обездвигили, – сказал Иван, – накачали наркотиками и поместили на хранение.

– И каково это было?

Умиравший поднял руку и провел невидимую черту вдоль венчика, уцелевшего на его лысом черепе, – пальцы беспрепятственно, как сквозь тонкую вуаль, проникали сквозь редкие волосы.

– Мозг, – сказал он, – разделен на два полушария. Каждому отведены различные задачи, как то: общение на том или ином языке, наслаждение отборным вином, совокупление с женщиной. – Последние слова повисли в воздухе, как упрек. Потом старик продолжил: – Есть нервные цепи, соединяющие оба полушария: комиссура, или мозолистое тело – *corpus callosum*. С их помощью мы объединяем различные модели мира, сконструированные в каждом полушарии: аналитическую и эмоциональную, например. Кивидинокский двигатель что-то изменил в моей голове. Нервным импульсам стало тяжело проникать сквозь комиссуру, поскольку для этого требовалось двигаться против выделенной оси поляризующего поля. Я понял, что мои мысли – сознательный опыт – стагнируют, застывают в каждом полушарии по отдельности. Я думал о разных вещах и не мог подобрать обозначений для в возникавших в моем сознании

символов, возникавших в моем сознании, потому что необходимые для этого нервные пути были фактически рассечены.

– Но это ведь продолжалось недолго.

Старик махнул рукой:

– Гораздо дольше, чем ты думаешь. Но вот мы прилетели. Мне показали Солнце – маленькое и тусклое, но все же посветлее самых ярких звезд, и это означало, что меня увезли не так далеко за пределы системы.

– Фактически на край кометного облака.

– Хм... Да. Мы были в нескольких световых минутах от Погибели, хоть и не знали, что она существует.

– Все, что вы сообщили, – вежливо заметил Серхио, – в точности совпадает с тем, чему меня учили в семинарии. Если вы намерены открыть мне, что ключевая проблема была связана с нейтронной звездой, то я, признаться, останусь в недоумении, чем же воспринятый из ваших уст рассказ отличен от наставлений той поры. Я хочу сказать, что само существование...

– Да существует она, существует, – досадливо прервал его Иван. – И все, о чем я уже успел рассказать, – тоже. Но расхождения начинаются там, где...

Он остановился и позволил Серхио смочить ему губы. Из кубка пил жадно, точно подозревал, что воды осталось мало. Серхио вспомнил, как жажда мучила его самого – после крушения орнитоптера, в джаггернауте каравана клановщиков. Он отогнал эту мысль.

– Слушай, – продолжил старик, – но прежде чем мы вернемся к этой теме, я должен спросить тебя кое о чем еще. Догадываешься, о чем именно?

– Если я могу как-то помочь...

– Расскажи про Индрани, будь так добр.

Ее имя упало на Серхио, как епитимья.

– Простите?..

Прежде чем Иван успел ответить, Серхио почувствовал, как холод страха ширится в кишках, разворачивается там, точно питон. Он заметался по комнате, прижав руку к губам, потом выскочил наружу, пробежал по мостику, схватился за перила и выблевал в бездну. На миг возникло восхищение при виде собственной рвоты, расплескавшейся о розовые нижние уровни алебастрового клинка. Тошнота сразу отпустила. Серхио отер слезы, сделал несколько судорожных вдохов и визуализировал пару успокаивающих мандал из требника. Горгулья ухмылялась ему снизу. Она была размером с морскую пушку старых времен, плавный изгиб ее зубастой челюсти, казалось, передразнивал его.

– Ты взволнован, – заметил Беллармин, возникший на противоположном конце мостика. – Я определил это по увеличившейся солености твоей кожи. Биоэлектрическая аура тоже изменилась.

– Что вам нужно?

Закутанная в плащ цвета ржавчины фигура переместилась ближе. В овальном зеркале мягко подрагивал пейзаж. На миг Серхио показалось, будто он что-то там видит: серебряный или хромовый проблеск, стрелой пронесшийся между горбами барханов. Но если это не иллюзия, то объект уже исчез. Нет резона отвлекать Беллармина бессмысленными наблюдениями.

– Там был еще кто-нибудь, Менендес?

– Вы о чем?

– Был ли в комнате кто-то еще? – терпеливо проговорил Беллармин. – Не я.

Серхио всмотрелся в собственное отражение, прежде чем ответить.

– Думаю, я бы заметил. Вы полагаете, кто-то должен был там находиться?

Очевидник придвинулся еще ближе, точно желая прошептать ему на ухо какую-то тайну. Помедлив, Беллармин произнес:

– Зарони сей вопрос в ум свой и ответь вместо него на следующий. О чем тебе поведал Иван?

Теперь в его лице отражалась закованная в доспехи горгулья. Искажённый зеркалом, её облик стал ещё отвратительней.

– О чем он с тобой говорил? Ради безопасности ордена я должен знать. Если смолчишь, появятся основания заподозрить измену.

– Если бы Основатель хотел, чтобы вы об этом узнали тоже, он бы не призвал меня из Диоцеза.

– Твоя позиция довольно уязвима, Менендес.

– Уверяю вас, я внимательно выслушаю его слова, – сказал Серхио. – И какое бы сообщение он ни пожелал нам оставить, я уж позабочусь, чтобы оно достигло Викингвилля.

Он вернулся к постели умирающего, лавируя между медицинских мониторов, и занял прежнее место подле Ивана.

– Когда вы впервые упомянули её имя, – произнес он гораздо тише, чем мог от себя ожидать, – я решил, что ослышался.

– Расскажи, что между вами произошло, – потребовал Иван. Магнитофонная лента продолжала с заговорщицким шорохом крутиться. – После этого я отвечу тебе откровенностью. Ты узнаешь, что в действительности довелось мне пережить в окрестностях Погибели.

– Беллармин тоже знает, верно?

– Я гарантирую, что сведения об этих событиях он получил из других источников. Думается, ты начал там же, где и я. В самом-самом начале. Ты лишь недавно был возведен в сан, так?

– Через несколько дней после инсталляции духовника. – Серхио коснулся щетинистого венчика на голове. – То была моя первая миссия на службе Диоцезу – путешествие на север от Викингвилля, в гости к людям клана. Они пользуются освященными орденом сервиторами, так что у меня был предлог явиться без предупреждения или же сообщив о поездке в самых общих словах.

Погрузиться в рассказ о тех событиях было нетрудно.

Караван клана падальчиков смутно вырисовывался внизу; длинная, растянутая по пустыне процессия машин с жучиными спинами; некоторые были не крупнее собак, другие же превосходили размерами дом. Крупнейшим оказался джаггернаут, то есть главная машина в караване. В нем нашли себе пристанище сами погонщики. Караван блуждал по пустыне к северу от Викингвилля месяцами, разыскивая технологические реликты эпохи долгих войн, сотрясавших Марс как до, так и сразу после Экуменического Синтеза.

Хотя прошли уже десятилетия с тех пор, как последний ледяной астероид врезался в поверхность Марса и наполнил этот мир живительной атмосферной влагой, климат планеты все еще был суров и находился в поисках равновесия, даром что подошел к нему ближе всего за четыре миллиарда лет. Время от времени на пути орнитоптера возникали пылевые бураны, неистово крутящиеся воронки отдельных ламинарных течений, слишком внезапные и яростные, чтобы на них успевали толком среагировать элероны и обшивка орнитоптера.

Сейчас, похоже, эти адаптивные элементы реагировали хуже прежнего, хотя, конечно, Серхио этого не видел. Вдруг оторвалось крыло и рухнуло на барханы. Другое уже на глазах смялось, как оригами в кулаке. Из-за перепада давления от мозга отлила кровь, и Серхио мучительно медленно терял сознание, падая прямо под бешено вертящиеся колеса джаггернаута.

Затем он пришел в себя – и обнаружил, что находится внутри этой машины.

– Она была как ангел во плоти, – сказал Серхио, испытывая нечто вроде извращенной радости оттого, что сумел себя разбередить. – Я на самом-то деле не так уж сильно пострадал – чувствовал себя куда хуже, чем полагалось бы при таких травмах. Индрани предложила мне воды, на вкус почти как пыль, но по крайней мере это была жидкость... Мне полегчало. Естественно, я принялся задавать вопросы.

– Ты удивился, почему она одна, совсем еще девчонка, во главе фуражирского каравана. Там был кто-нибудь еще?

– О да, там был ее брат Хайдар. Восьми или девяти лет от роду. Я запомнил его, поскольку подарил ему игрушки.

– А кроме Хайдара?..

– Никого. Я спросил, в чем дело. Она ответила, что родители мертвы, убиты даосистским ополчением. – Теперь, когда большая часть истории осталась позади, Серхио почувствовал, что пересохло во рту, и воспользовался водой, предназначенной для Основателя. – Я мог бы обратиться к демографической статбазе требника, чтобы проверить ее слова, но меня только что возвели в сан и я еще не наловчился это делать. Да и потом, смерч пока не ушел и мой орнитоптер невозможно было починить. Мы оказались заперты в джаггернауте по крайней мере на несколько дней. И я...

– Ты хочешь сказать, что был слаб, травмирован, плохо владел собой?

– Только это было бы неправдой, так ведь? Я знал, что делаю. Если что и ослабло, так это моя преданность ордену. А вот любовь к Индрани вспыхнула достаточно сильно. У меня в орнитоптере были игрушки. Мы всегда их с собой возим, чтобы приманивать детей и внушать им, что орден добр и заботлив... чтобы привлечь их в наши ряды, когда повзрослеют. Индрани заняла Хайдара играми. А нас – любовью.

– Это у тебя было в первый раз?

– И в последний.

– Оно того стоило?

– Не было с той поры дня, чтобы я не вспоминал о ней, если такого ответа вам достаточно. Постепенно сумел убедить себя, что и она испытывает нечто подобное...

– Я рад. Хоть ты и согрешил, но определенно получил некоторое удовольствие.

Когда шторм утих, а от орнитоптера пара блестящих концов крыльев, торчащих из наносов красной пыли, с юга прикатили, подпрыгивая на неровностях рельефа, два легких транспортных средства. Это были вездеходы: три огромных колеса, над ними филигранная кабина, увешанная топливными ячейками и устройствами связи.

Родители Индрани.

– Я так и не сообразил, что она мне солгала, выдумала всю историю о том, как ей отдали в подчинение целый караван после гибели родителей от рук даосистов. С этого обмана все и началось... по ее воле.

– Это так удобно.

– В любом случае у меня не было возможности установить истину. Родителям девушки потребовалось какое-то время, чтобы закрепить в доке джаггернаута, так что мы успели привести себя в порядок и вернуться к прежним ролям. Если родители что-то и заподозрили, то виду не подали. Напротив, они так тепло и радушно меня приняли, что мне стало очень стыдно. Через три дня мы пересеклись с другим караваном, следовавшим в Викингвилль. Когда я вернулся в семинарию, меня встретили как героя. Но не все. Некоторые священники как будто догадались, что произошло.

– Но тебя это не устрасило.

– Не устрасило, – твердо сказал Серхио. – Но я всегда боялся вновь услышать ее имя. Я был в своем праве, не так ли?

– Ты, очевидно, вообразил, что Индрани пожаловалась в Диоцез или что ее семья каким-то образом разнюхала правду и подала жалобу вместо дочери. Но все было не так. Не совсем так, если точнее.

– Как Беллармин узнал?

– Я отвечу, но позволь мне в свой черед поделиться моей историей.

Серхио сделал глубокий вдох. Комната, как он только что понял, все усиливала в нем клаустрофобию. Казалась темной и гнетуще-давящей, будто и в самом деле пыталась выжать остатки жизненных сил из человека на смертном ложе.

– Хорошо, – сказал он. – Я не понял, зачем вам понадобилось расспрашивать меня насчет Индрани, но вы правы. Мне стоит выслушать вашу повесть о Погибели. Хотя, признаться, я не понимаю, чем она отличается от...

– Менендес, заткнись и слушай. Увиденное тобой в колоде для семинаристов в день посвящения соответствует истине. Погибель действительно существует. Это нейтронная звезда. Как я всегда и утверждал.

Иван начал пересказывать заученные Серхио в семинарии сведения о природе звезды. Правда, Серхио почти забыл их, поскольку они казались малозначительными для крепости веры. Нейтронная звезда – сфера из ядерного вещества, образовавшаяся в результате выгорания обычной звезды. Она массой как Солнце, но сжата до размеров Викингвилля. Если бы можно было отколоть от нее образец величиной с кусок сахара, он бы весил полмиллиарда тонн. Погибель продолжает быстро остывать, как раскаленный докрасна и вынутый из печи слиток, а это означает, что возникла она совсем недавно, несколько сотен тысяч лет назад, и очень близко к своему нынешнему местоположению. Горячая голубая звезда должна была умереть, озарив всю Галактику прощальным салютом. Окутавшая ее труп туманность уже рассеялась, но сомнений нет:

Погибель – порождение сверхновой.

– Ее не могло быть, – сказал Иван. – Никаких доказательств существования сверхновой не было найдено. Ни частичного вымирания, ни локального учащения мутаций, ни всплеска видообразования... ничего.

Старик оглядел комнату. Несколько свечей еще теплились, но их аромат больше не господствовал в палате.

– Такая штука, как сверхновая, не исчезает бесследно. И вот в чем загвоздка. Если ты приблизишься к ней так, как приблизились мы, то просто не сумеешь притвориться, будто не заметил ее, потому что больше никогда ничего не увидишь. Ты превратишься в пригоршню праха. Так должно было случиться. На то она и Погибель.

– Очевидно, вмешался Господь.

– Ага. Наставил толстый дряблый палец прямо в ядро коллапса и повелел процессам пройти так, чтобы мы остались целы. И это все объясняет, правда? Маленькое чудо, специально для нас. Наше маленькое чудо. Если тебе нужно чудо, чем плохо это?

Понять, что произошло, было нетрудно. Удалось теоретически рассчитать, что взрыв сверхновой не был симметричен. Энергия вспышки распространялась не по идеально сферическому объему. Небольшие отклонения в динамике ядра перед самым коллапсом накапливались, умножались, пока систему не затянуло в область хаоса, пока звезда не взорвалась совсем уж асимметрически, перекошенно, выбросив чуть ли не половину своих потрохов в одном направлении.

– Мне объяснили, какая тонкая настройка для этого требуется, – продолжал Иван, – как точно должны быть заданы начальные условия. Если бы они отличались на одну миллиардную...

– Мы бы здесь не беседовали.

– О чем это говорит тебе? Лично тебе, Менендес?

Серхио опасливо покосился на магнитофон. Одно-единственное неверное слово может разрушить всю его карьеру в Диоцезе, но... важнее дать тот ответ, какой Основателю действительно хочется услышать.

– Произошло событие исчезающе малой вероятности. Событие, которое позволило человечеству выжить. Чудо, если угодно. Акт божественного вмешательства. Господь подправил начальные условия вспышки так, что это чудо возымело место.

– В семинарии ты наверняка был любимчиком преподавателей, сынок.

Серхио возмутился, но постарался не отразить этого в голосе.

– Основатель, – сказал он ровно, – осмелюсь напомнить, что меня учили только по вашим собственным писаниям. О Погибели я знаю с ваших слов. Следует ли заключить, что они были неверно интерпретированы?

– Да нет, не совсем. Эта чертова машинка все еще крутится?

– Выключить?

– Нет! Придвинь ближе. Я хочу, чтобы следующие мои слова были зафиксированы абсолютно полно и точно. Чтобы не осталось ни малейших сомнений. Если ты отвезешь запись в Диоцез, там пойдут на любые ухищрения, чтобы представить это фальшивкой. Даже то, что я сейчас скажу.

Он подождал, пока Серхио установит магнитофон вплотную к кровати. Это занятие было бесполезным, но доставило Ивану некоторое удовлетворение.

– Мои слова не были перекручены, – продолжил умирающий. – Я солгал. Может быть, потому, что кивидинокийский двигатель как-то нарушил работу моего мозга.

– Это так удобно...

– Тушэ. Менендес, ты знаешь, что такое эпилепсия височной доли коры? Никто – или почти никто – не страдает сейчас этой хворью. Но те, кто все-таки переболел, описывают возникающие переживания как очень сходные с религиозным экстазом.

Серхио долго молчал и наконец произнес:

– Я полагаю, введенные препараты могли вызвать у вас галлюцинации. Извините, но...

Иван зашевелился, пытаясь перекатиться на другую сторону смертного одра. Когда это удалось, он порывлся в темной стопке документов, лекарств и личных вещей, наваленных на ночном столике. Нашел шприц и поднял так, что игла блеснула в скудном свете свечи.

– Я объяснял им, что такой эффект страшит меня пуще боли. Тяжело быть пророком, когда в грош не ставишь собственные откровения, Менендес. Мне дали лекарство... сказали, что оно притупит страх. Может, и притупило. Но недостаточно.

Серхио услышал вопрос и сразу сообразил, что слова произносит его собственный рот:

– В чем именно вы солгали? И для чего?

– Начнем с того, сынок, что это трудно назвать ложью в строгом смысле слова. Я не считаю, что в тогдашнем состоянии был душевно здоровым. Я верил в собственные иллюзии так же горячо, как и все остальные. Но... функции моего мозга понемногу восстановились, и ложь стала уже умышленной. Я решил поддерживать состояние неведения, которому сам же положил начало. И знаешь что? Это не слишком трудно. Более того, это успокаивает. Они хотели мне верить. Каждому моему слову. Ничего противоречащего моим заявлениям на записывающих устройствах не нашлось. Меня чествовали – о, как меня чествовали! Я не просил, клянусь. Я не хотел этого. Но прежде чем успел хоть пальцем шевельнуть, вокруг меня уже сформировался культ. Его единственной доктриной стало утверждение о том, что Господь изменил законы звездного коллапса и сделал взрыв асимметричным. Культ превратился в мощную религию. Это было единственное религиозное движение на свете, которому вера оказалась не нужна. И вскоре оно поглотило своих неудачливых соперников, вынужденных опираться на веру.

– Синтез.

Иван едва заметно кивнул:

– Да. Было уже поздно препятствовать им, Менендес. Они бы восстали против меня. Теперь я умираю.

– Они останутся не слишком признательны вам.

– Они могут честить меня на чем свет стоит, но на Голгофу уже не поведут. Предложения дьявола всегда более выгодны, хе-хе... Мне чуток полегчало. Это потому, что есть кому поведать правду. Отвези эту запись в Викингвилль. Уничтожь орден. Начни с малого.

– Они возненавидят и меня, – заметил Серхио. Ему припомнились ожесточенные споры о теологических проблемах, не имевших ни малейшего касательства к реальному миру. – Впрочем, я все еще теряюсь в догадках, где же в ваши утверждения о Погибели закралась ложь. Если Погибель существует, но Божественное вмешательство не имело места... Что же это выходит? Случай колоссального отклонения от статистических законов? Но...

– Именно так.

– И чем это объяснение предпочтительнее того, что вы дали раньше?

– Оно правдоподобнее. Чего тебе еще надо? – Иван произнес это, как бы не признавая за собой вины. Он все еще держал шприц поднятым к свету, словно опустить его стоило куда больших усилий. – Квантовая механика учит нас, что существует несомненно малая, но все же измеримая вероятность того, что вот этот самый шприц сейчас исчезнет из моей руки и окажется на кромке стены храма. Как бы ты себя повел, сподобившись лицезреть сие?

– Вы умелый спорщик, но если бы у меня не осталось никаких поводов для сомнений... я бы признал, что это событие исчезающе малой вероятности все же произошло.

– А если бы твоя жизнь зависела от его исхода?

– Я не хотел бы обсуждать неслучившееся.

– Ладно. Представь себе, что в этом шприце на самом деле не лекарство, а неустойчивая взрывчатка. В один прекрасный миг она сдетонирует. Если шприц не выпадет из моей ослабшей руки, ты уцелеешь. Если уроню, ты мертвец.

– А если я выживу? Логически рассуждая, такая возможность останется. Но она весьма невелика. Правильно?

– Я не утверждал противоположного. Хитрость в том, что такой подход не является универсально применимым. Если событие чрезвычайно неправдоподобно и все же есть вероятность, что оно произойдет, то... оно и произойдет после достаточно большого числа попыток.

– Не уверен, что...

– Квантовые процессы происходят все одновременно. Множество параллельных версий реальности, которые обязательно содержат все возможные перестановки во всех возможных сочетаниях всех мыслимых квантовых состояний. Улавливаешь, куда я клоню?

– Улавливал. Но уже потерял нить.

Улыбка тронула губы умирающего.

– Представь себе, например, миллиард возможных в будущем версий этой комнаты, в каждой – по одной идентичной или не совсем, но почти идентичной копии пары «ты и я». Конечно же, их куда больше миллиарда – на самом деле во всей известной Вселенной не хватит атомов, чтобы записать это число. Но пусть будет миллиард, на наш век хватит. Пусть, далее, каждая комната в чем-то отличается от нашей – но лишь на квантовом уровне, причем в большинстве случаев эти отличия кажутся случайно распределенными и бессмысленными. Будут и другие отличия, подозрительно согласованные, когерентные. Но правда в том, что разыгрывается каждый возможный с вероятностной точки зрения сценарий событий. Они выбираются вслепую. – Иван помолчал, пока Серхио подносил ему немного воды. Лоб старика пересекла новая морщина. Казалось, он собирает с мыслями. – Логически рассуждая, существует конечное число состояний системы «комната-ты-я-шприц», в которых шприц накапливает достаточно энергии, чтоб туннелировать через стену и взорваться уже в другом помещении, не причинив нам вреда. Это крайне малое число. Но оно измеримо. Если провести достаточное количество экспериментов, так и произойдет – в одном из них, рано или поздно. И с квантовой точки зрения такие эксперименты проводятся каждую секунду каждой минуты

нашей жизни. Они проходят одновременно и независимо с каждым нашим вдохом и выдохом. У нас возникает впечатление, что мы движемся по личной времялинии единственной неизменной истории, а на самом деле мириады версий нас самих в каждое мгновение отлетают прочь – некоторые выживают, а другие нет. – Иван расслабил руку, шприц лязгнул о пол и закатился в скопившийся у кровати мусор. – Неплохо для самоучки из смоленской канализации, а?

– Мне кажется, что я начинаю понимать суть ваших аргументов.

– А то! Итак, когда сверхновая взорвалась, шанс на выживание у любой версии был очень мал, абсурдно ничтожен – но по крайней мере одна версия должна была выжить при любых обстоятельствах. Это гарантировала ей квантовая природа вещей⁴.

– Откуда вы знаете?..

– А что, непонятно? Кивидиноки показали мне. Когда я говорю «показали», я выражаюсь буквально. Они поместили в мою башку все времялинии одновременно. Их сознание – лучше называть это сознанием, за неимением более адекватного термина, – блуждает по многим вероятностным путям. Размазано по ним. Они воспринимают все эти пути. Вот почему они говорили, что видят мир не так, как мы. Кивидиноки достигли этого, удалившись от нас и приблизившись к машинам.

Серхио глубоко вздохнул, пытаясь осмыслить услышанное.

– Как это выглядело?

– Мертвые миры. Множество миров. Бесчисленные Земли, которым не повезло. Там начальные условия вспышки сверхновой отличались от наших. Аннигиляции ничто не препятствовало. Если тебе так понятнее – указующий перст Господа пришелся не в то место. Миры праха и тьмы.

Иван снова порывлся в груде личных вещей, бесцеремонно сдирая и отбрасывая в сторону верхний «культурный слой». Нашел плоский пакетик и протянул его Серхио. Пакетик был из промасленной бумаги. Выскользнув из непослушных пальцев, он раскрылся. Содержимое высыпалось. Это были блестящие, будто стеклянистые, серые карточки, похожие на те, что Серхио увидел в семинарии вскоре после того, как духовник угнездился в его мозгу.

Он увидел картинки.

Другие картинки.

– Понятия не имею, как они это сделали, – прокомментировал Основатель. – Кивидиноки умели вмешиваться в работу записывающих устройств, таких как те, что я взял с собой в полет к Погибели. Они внедрили туда двухмерные изображения. Составленные по данным с других мировых линий.

– Там механизм коллапса сверхновой был иным.

– И там мы поджарились с корочкой.

На каждой карточке масштабы катастрофы отличались от предыдущих, но неизменно представляли картину смертельного опустошения. Столь полного, что жизнь на суше никогда не возродилась. Возможно, в обмелевших, странно изменивших очертания крапинках-океанах еще теплилась какая-то ее искра. Но не на всех карточках были океаны. Кое-где не осталось и атмосферы.

– Ну, в общем, вот так это было, – заключил Иван. – Только нам не довелось испытать этого на своей шкуре. Наша мировая линия, где мы с тобой сейчас беседуем, – из ряда вон выходящее исключение. Одиноким оазис посреди пустыни вероятностей. И он существует только потому, что мы его наблюдаем. А мы наблюдаем его потому, что он существует.

Серхио перебирал оставшиеся картинки, вариации на тему всемирного опустошения. Он знал – подсознательно уверился, – что они настоящие. Настолько настоящие, насколько это

⁴ Иван пересказывает своими словами парадокс квантового бессмертия, впервые сформулированный Максом Тегмарком. Рейнольдс возвращается к нему в рассказе «Неистошимость».

вообще возможно для артефактов, выкраденных с иных времялиний. Эти изображения Иван хранил в строжайшей тайне восемьдесят лет. Они опровергали факт Божественного вмешательства. Разрушали чудо. Глядя на них, верилось только в одно. В нечеловеческую несправедливость и жестокость.

«И мы выжили, – думал Серхио, – только потому, что кто-то должен был выжить, чисто статистически. А отнюдь не потому, что были избраны и сподобились спасения».

– Чего же вы хотите?

– Возьми отвези их в Диоцез. Добейся, чтобы там услышали мои слова.

– Вы слишком многого от меня требуете.

– Ты слуга Божий. – В голосе Ивана почти не было иронии. – Молись, и Он тебе поможет.

– Почему я должен в Него верить? После всего?

– Потому что теперь вера тебе нужна, как никогда прежде. Мы это упустили. Не придали этому значения. У нас было доказательство бытия Бога, и мы не нуждались в слепой вере. Но наше доказательство подложное. Орден выстроен на лжи. Разрушить орден не значит поколебать веру, если она у тебя еще осталась. Мне не суждено было ее обрести. Видать, не подвернулся подходящий воздушный поток. Послание в бутылке не дошло до адресата. А ты молод. У тебя есть шанс обрести веру, даже если до сих пор ты и был ее лишен. Полагаю, она тебе очень пригодится. Грядет что-то вроде джихада, и ты будешь в нем сражаться, хочешь того или нет.

– Да еще какого джихада! – сказал другой голос, не принадлежавший фигуре на смертном одре. – Тебе такого даже не вообразить.

– А, Беллармин. – Серхио обернулся и посмотрел очевиднику в лицо.

Тот вошел в палату совершенно неслышно.

Шелест рассекаемого воздуха. Металлический просверк. Беллармин выхватил карточки из руки Серхио. На миг очевидник задержал их у лица, тасуя и пересматривая, потом едва уловимым движением разорвал на мельчайшие кусочки.

– Мне было известно о существовании этих изображений, – сказал он голосом, подобным жужжанию осы. – Я не удосужился их уничтожить.

– Будь осторожен в своих словах. Магнитофон включен.

– Мой голос не будет записан на пленку. Я обращаюсь к твоему мозгу напрямую через духовника. Если кто-то в Диоцезе воспроизведет запись, будет слышно, как ты говоришь с пустотой.

Серхио наклонился к постели и выключил магнитофон:

– Ну ладно, говори. Что происходит? Как ты пронюхал про Индрани?

Беллармин подошел ближе. Серхио показалось, что у него в голове что-то копошится по-муравьиному.

– А разве это не очевидно? Через твоего духовника. – Беллармин заговорил тише, но тембр голоса стал глубже. – Ты воображал, будто это пассивное устройство, существующее лишь для того, чтобы направлять тебя и открывать мысленному оку священные базы данных. Но это не так. У него куда более широкие возможности. За моей маской скрыты массивы сверхпроводящих устройств, способные зафиксировать мгновенные изменения электромагнитных характеристик окружающей среды. Вот как я почувствовал, что ты нервничаешь – там, на балконе. Массив сверхпроводников имеет доступ к данным, записанным в твоём духовнике. Ко всему, что ты видишь и слышишь. Ты предан собой самим, Менендес.

– И как давно я предан?

– Мы, очевидники, собираем все данные, какие только можно. Для собственной же безопасности. Я узнал вскоре после происшествия.

– Но почему... Погоди, я понял. Ты выжидал? – Серхио был готов хохотать над очевидностью этого факта, столь внезапно открывшегося ему. – Ты изъяс данные из Диоцеза и решил

придержать до тех пор, пока они не пригодятся, чтобы шантажировать меня. Умно, Беллармин. Очень умно.

– В этом нет ничего особенного.

– Разумеется... нет, – сказал Иван. Его голос перешел в предсмертный хрип. – Как... иначе... могло... быть? Когда Индрани... его... спасла... он был... зеленым юнцом... семинаристом...

– Должны быть и другие такие же, – сказал Серхио.

– Нет, – возразил Беллармин. – Ты оказался исключительно слаб и бездарен, Менендес. Ты сам преподнес себя нам. На блюдечке.

– Я не нарушил никаких обетов.

– Почему же ты все время скрывал от нас эту историю? – Беллармин еще больше понизил голос и обратился к Основателю: – Я и с тобой говорю. Он тебе открылся, я знаю.

Серхио вернул магнитофон в сумку.

– Это ты не сможешь уничтожить, – сказал он машиновеку, который почему-то бездействовал. – Диоцез ждет от меня отчета, нравится тебе это или нет.

– Сперва тебе придется вернуться в Викингвилль. – Беллармин сделал шаг к Серхио, но остановился и повернул безликую яйцеголову к ложу Основателя.

– Давай, – сказал Иван. – Беги, пока можешь!

Беллармин упал на колени и схватил шприц, который уронил Основатель. Двигаясь с механической точностью, проткнул иглой резиновую крышку невесты откуда появившегося пузырька. Теперь в стеклянном цилиндре плескалось нечто прозрачное и смертоносное, как змеиный яд.

– Ты применял это средство, чтобы отогнать постыдный страх смерти. А теперь оно ускорит ее приход. Тебе не кажется, что я проявляю милосердие?

Очевидник откинул пожелтевшие одеяла и обнажил безволосую стариковскую грудь. Основатель чудовищным усилием приподнялся на ложе и вцепился в запястье Беллармина. Игла опускалась к сердцу Ивана. Серхио заставил оцепеневшие ноги сделать шаг вперед. Челюсти старика отчаянно сжались. Свободной рукой он слабо бил в грудь машиновека.

– Беги, Менендес... Беги... Со мной уже... покончено...

Серхио кинулся вперед, чтобы отбросить Беллармина от кровати. С таким же успехом он мог бы вместо очевидника атаковать какой-нибудь механизм, намертво вделанный в стены или подножие храма. Шприц ни на миг не замедлил своего продвижения, хотя Беллармину и пришлось отвлечься, чтобы схватить Серхио и швырнуть. Пролетев через всю палату, Серхио врезался в стену. Воздух выбило из легких, острые края кивидинокийской фрески больно оцарапали хребет. Он увидел звезды. Потом сполз на пол и нерешительно приподнялся.

– Прости, Иван, – прохрипел он.

Игла коснулась кожи, вонзилась в плоть. И тотчас силы, еще остававшиеся у старика, рассеялись, как напуганная стая ворон.

– Я тебя не оставлю, – сказал Серхио умирающему. – Уж в этом я поклянусь перед Богом. И ты был прав, Иван: лучше вера, чем доказательство.

– Ты не преуспеешь в этом, – пообещал Беллармин с ледяным спокойствием.

– Добрых тебе ветров, – выдал Иван и напоследок открыл рот для вздоха.

Но не закончил его. Глаза остекленели, в них навеки застыл ужас, смешанный с радостью. Радости было чуть больше.

Серхио к тому моменту уже бросился бежать. Он почти достиг двери палаты, когда Беллармин нагнал его и без видимых усилий остановил.

– Я не хотел бы убивать тебя, Менендес, – проговорил машиновек.

За спиной Беллармина Серхио увидел другую яйцеголову, и эта отливала не серебром, а золотом. Второй очевидник пересекал палату, приближаясь к ним.

– Хочешь, чтобы я предал Ивана, подсунув им поддельную запись. Да?

– Лучше предать человека, чем Бога.

Сумка упала на пол.

– Я отказываюсь. Убей меня.

Второй очевидник подошел к Беллармину вплотную и сделал то, чего никак нельзя было от него ожидать. Возможно, изумление отразилось на лице Серхио, потому что Беллармин ослабил хватку и начал поворачиваться. Плащ второго очевидника распахнулся. Под ним оказались человеческие руки, а в них – оружие.

Бесцветная вспышка. Голову пронзил мощный болевой импульс. Серхио открыл рот, чтобы закричать, но боль исчезла – так же мгновенно, как и возникла. Заключенное в доспех тело Беллармина рухнуло на пол и стало корчиться, как выброшенный на берег угорь.

– Угостил его электромагнитным импульсом, – сообщил второй, и в голосе его не хватало машинных интонаций упавшего кардинала. – Возможно, пострадал и твой имплантат, но, надеюсь, не слишком сильно.

– Кто ты?

Свободной рукой неожиданный заступник сорвал с лица металломаску. Серхио увидел в ней тонкие смотровые щели. Под маской пряталось потное лицо очень молодого человека, почти мальчика, в скобке черных невьющихся волос. Лицо было Серхио знакомо. Или должно было быть знакомо – он видел его словно в кривом зеркале.

– Ты знаком с моей сестренкой, священник. И валил бы ты отсюда – импульс не мог его убить, а на перезагрузку уйдет немного времени.

– Что происходит?

– Ну, если в двух словах, тебя спасают.

– Ты брат Индрани?

Хайдар кивнул:

– Но я думаю, что ответы на эти насущные вопросы можно получить и потом. Между нами и твоей леталкой есть и другие соплеменники этого чудика. А там только два места, ты понял?

– Да.

С пола донесся звук, похожий на мяуканье котенка, и Беллармин засучил конечностями. Потом серебристая яйцеголова повернулась к Серхио и отразила свет свечей.

– Я убью тебя, Менендес. Если сбежишь, убью.

Серхио сорвал с крепления ближайший подсвечник, поразившись собственной силе. Пламя сразу погасло, и на миг он застыл, держа подсвечник за основание – чугунный кивидинокийский кулак тонкой работы, – и не представляя, как действовать дальше. Потом увидел шприц, все еще торчащий из груди Ивана. И яйцеголову Беллармина. Идеально гладкую, как спокойное озеро в лунном свете.

Он обрушил на это яйцо подсвечник. По отражающей поверхности побежала тонкая сеть трещин.

Хайдар присвистнул:

– А ты не просто сжигаешь за собой мосты, священник. Ты кремируешь вместе с ними мерзавцев.

До поверхности земли добираться пришлось дольше, чем он рассчитывал. По пути встретились еще трое очевидников. Хайдар застрелил их всех, вернее, парализовал.

– Беллармин уже очухался, – предположил юноша. – А значит, поднял тревогу. У нас нет преимущества неожиданности. Хотя с этой игрушкой можно без него обойтись. – Он сделал перед собой крестное знамение электромагнитным оружием. – Крутая пушка! Ее запретили еще до Синтеза. В школе нас учат, что Синтез положил конец войнам, ну, ты понял.

– Как она работает?

– Высушивает нервную систему. Не центральный процессор – он, как правило, оптический, – а сервосистемы, которые управляют псевдомышцами. Что до твоего имплантата, то некоторые нейроконтакты интерфейса могли поджариться, но данные внутри устройства не пострадали.

– Это хорошо. Значит, в моей голове есть все, что нужно.

– И в моей, – добавил Хайдар. – Не забывай, я был там все время и слышал каждое его слово.

Впереди дневной свет прожег во мгле дыру, выхватил контуры кивидинокийских барельефов на стенах коридора.

– Как ты сюда проник? И с какой целью?

– Иван узнал про Индрани, – ответил Хайдар, – но не так, как это сделал Беллармин. Старик слышал всю историю от самой Индрани. Или от меня, что одно и то же.

– Не понимаю.

Пока они перебрасывались репликами, Хайдар успел вырубить еще пару машиновеков. Каждый импульс порождал слабое эхо где-то в мозговой ткани у Серхио.

– Индрани послала меня, – сказал Хайдар, – чтобы представить все в правильном свете. Девять лет набиралась смелости, растила меня. Думаю, отдавала себе отчет, что задача не из легких. Но она доверяла старику. Догадалась, что он ни к чему не причастен, и должна была пообщаться с ним так или иначе, прежде чем он отдаст концы.

Они выскочили из коридора на террасу. Серхио захлестнуло облегчение: орнитоцер стоял на прежнем месте, похожий на муху, залитую расплавленным стеклом.

– Непричастен?

– К тому, что с тобой случилось там, в караване.

Хайдар остановился, чтобы сбросить плащ с клобуком. Под верхней одеждой был облегчающий костюм, на его ребристой поверхности сверкали инсигнии клана.

– Все было не совсем так, как ты думаешь. Я знаю. Слышал, о чем ты говорил с Основателем, и не думаю, что ты ему лгал.

Они устремились к орнитоцеру.

– А как на самом деле?

– Катастрофа орнитоцера – не случайность. Ты сам сказал: смерч налетел внезапно. Ну да, смерч и вправду не был запланирован, но ты бы все равно разбился. Кто-то покопался во внутренностях твоей птички.

– Подстроил аварию?

– Не со смертельным исходом, но так, чтобы задержать твое возвращение домой. Ты должен был найти убежище в караване и не устоять перед очарованием сестренки. Сработало тютелька в тютельку.

– На такое способен только человек из Диоцеца.

– Не человек. Машиновеки. Они везде, верно? Похоже, мнят себя следующей ступенью эволюции, а орден – удобным орудием, чтобы подчинить человечество. Никто и не заметит, как это произойдет. Индрани полагает, что так они поступают со многими молодыми священниками, только что закончившими семинарию. Расставляют ловушку и смотрят, что получится.

– Они знали.

– Что?

– Другие священники. Они знали, что со мной произошло. Я думал, это потому, что моя легенда шита белыми нитками. Но я никогда не переставал гадать: а не случилось ли с ними чего-то подобного?

– Старый Иван был прав, священник.

– В чем?

– Ты был зеленым юнцом. Правда. Ты не обижайся.

Они добежали до орнитоопера. Серхио откинул колпак кабины и стал лихорадочно прикидывать, хватит ли места на двоих, если потесниться.

– Думаешь, тебе удастся туда заползти? До Викингвилля путь неблизок.

– К счастью, нам нет нужды лететь в такую даль.

Серхио втиснулся в кабину следом за Хайдаром, опустил колпак и вдохнул в миниатюрную машину подобие жизни. Ее крылья зашевелились, застучали друг о друга, затрещали пластинами псевдохитина.

– Давай поговорим без обиняков. – Его пальцы порхали над консолью управления. – Машиновеки расставляют ловушки, дожидаются, когда мы попадемся. Они узнают обо всем через наших духовников – и все время контролируют нас, чтобы никто не смел даже помыслить о противодействии ордену.

– Вроде того.

Они поднялись в воздух.

– Элегантное решение. Циничное, но очень изящное. Вот только без посторонней помощи оно бы не сработало.

– Средства и цели, – вымолвил Хайдар. – Для Индрани это была просто иная форма шантажа. Клан сидел на крючке у симметристов – мы всецело зависели от освященных систем жизнеобеспечения. Кто-то в ордене – кто-то из агентов машиновечества – вступил в контакт с Индрани и дал понять, чего от нее ожидают и что с ней будет в случае провала. Ее семья была бы разорена, а она сама пошла бы по миру.

Тень от орнитоопера на земле уменьшилась. Машина боролась с ветром, пытаясь удержать курс, и каждый взмах крыльев рождал маленькую муаровую радугу.

– Как ты проник в орден?

– Под песками есть заброшенные тоннели, оставшиеся с войн. Некоторые заходят под самый купол. Мы сильный клан. Мы все про них знаем. Особо тщательная маскировка мне и не требовалась. Достаточно было не приближаться к машиновекам.

– Беллармин что-то подозревал.

– Он не мог читать мои мысли так же легко, как это делал с остальными. Конечно, его наверняка одолевало беспокойство: кто этот нахал? Высокопоставленный иерарх, член новой фракции машиновечества? Любой вариант не сулил ему ничего хорошего.

Они пронеслись сквозь полимерную сеть. На миг сопротивление усилилось, но затем исчезло. Серхио рискнул оглянуться на удалявшийся храм. Защитные горгульи раскрыли пасти, глазки налились пламенем.

В голове возник голос. Прежде Серджио принял бы его за глас Божий, но поврежденный духовник превратил его в раздраженное жужжание, как у посаженного в коробочку жука.

– Похоже, нам угрожают, – предположил Серхио. – Могут и огонь открыть. Они способны дискредитировать меня перед Викингвиллем, но предпочтут, чтобы я вообще туда не вернулся. Им лучше не рисковать.

– Ты просто рули и ни о чем не думай, священник.

Небо сбоку от машины озарилось красным, будто внезапно взошло солнце. Лазеры промахнулись, но прицел тотчас был скорректирован, и вскоре орнитооптер очутился в клетке из тонких красных лучей.

И снова жужжание в голове.

Лучи хлестнули по крыльям машины, испещренная венами псевдокожа превратилась в облачко ионизированного хитина; остался лишь почерневший скелет. Носовая часть орнитоопера качнулась к земле, точно голова молящегося.

– Кажется, мы вот-вот разобьемся, – сказал Серхио с ошеломившим его самого спокойствием.

Он пытался собрать все, что осталось от его веры. Если вообще хоть что-то осталось... Потом они врезались в землю.

Свет и мрак и неопределимо долгая остановка сознания, – наверное, так себя чувствовал Основатель, пребывая в кивидинокийском чистилище во время полета к Погибели. Когда этот непонятный срок миновал, Серхио обнаружил, что не так уж далеко они улетели. Он лежал, уткнувшись лицом в холодный песок; легкие страшно болели от нехватки воздуха. Изувеченный в катастрофе орнитопер маячил на периферии зрения, жалкий, как сломанная и выброшенная ленивым ребенком игрушка.

Над Серхио склонился Хайдар:

– Думаю, жить ты будешь, священник, но пора вставать и делать ноги.

Брат Индрани говорил с легкостью, которая казалась неестественной, но тут Серхио вспомнил, что клановщики лучше приспособлены к марсианской атмосфере, чем жители Викингвилля и других городов. Священник попробовал подняться. В его груди зашевелились несколько мясных крючьев.

– Похоже, я сломал пару ребер.

– Если останешься здесь, у тебя будут проблемы посерьезней. Нам надо забраться вон туда.

За спиной Хайдара бархан закрывал половину неба.

– Ты что, сдурел? Как я залезу?

– Они придут за нами. – Хайдар указал в сторону храма.

Почти конвульсивным движением Серхио приподнялся. Пришлось ждать, когда прояснится зрение. Зеркалоликие очевидники выбегали из центрального шпиля, заполняли храмовую террасу. У одного на яйцеголове была вмятина, как от кивидинокийского кулака.

– Не уверен, что смогу идти, – простонал Серхио. – У меня и в самом деле... Давай ты просто...

Брат Индрани рывком поднял его на ноги. В груди у Серхио запылал фейерверк, и священник испугался, что свалится наземь и забьется в корчах, но вскоре боль поутихла.

– Если сломаны ребра, старайся не нагружать грудину. Сможешь?

– Ты так рискуешь, помогая мне...

Юноша пожал плечами, как будто Серхио озвучил самоочевидное.

– Я в долгу у Индрани. Она могла бы и сама за тобой отправиться, но я, конечно, не позволил бы. Она верит, что влюблена в тебя, священник. Даже сейчас, девять лет спустя. Не знаю, почему, но верит. Вряд ли я когда-нибудь научусь понимать женщин.

Серхио кое-как поставил одну ногу перед другой.

– А что там, за барханами?

– Если несколько добрых и влиятельных людей сдержали обещание, то там, вероятно, больше моих соплеменников, чем ты видел на своем веку. И чутье мне подсказывает, что шутить они не намерены.

Не успели прозвучать эти слова, как что-то рассекло небеса, вырвавшись прямо из-за гребня бархана. Это нечто метило в центральный шпиль храма асимметристов. Похоже, небольшая самонаводящаяся ракета. Выкопанный клановщиками невесть где реликт войн, сотрясавших Марс до и сразу после Синтеза.

Копьевидный шпиль переломился, и огромный наконечник обрушился на землю, безжалостно раскалывая и увлекая за собой каменные фигуры с нижних ярусов.

– Он предрек священную войну, – сказал Серхио. – У него даже было для нее название: джихад.

– Он не ошибся, – кивнул Хайдар. – И это лишь начало.

У «Ангелов праха» забавная история, не имеющая, правда, ничего общего с их сюжетом. Во второй половине девяностых я публиковался в «Interzone» и сумел достичь неплохого темпа – новелла, а то и две в год. Конечно, это грело душу, но все же мое положение оставалось неустойчивым. Нужно было доказать себе, что мое творчество способно заинтересовать и других издателей. А поскольку британский рынок не изобилует платежеспособными журналами, я подумывал об отправке рукописей в американские. Не помню, специально ли для этого были написаны «Ангелы праха», зато помню, что это первая вещь, предложенная мною не «Interzone». Я послал ее в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», но получил довольно любезный отказ, мол, это не совсем то, что нужно. Тогда я обратился в «Asimov's Science Fiction Magazine», которым тогда управлял многоуважаемый Гарднер Дозуа. Теперь оставалось только ждать.

Прошло три месяца. Согласно редакционным условиям рассмотрения рукописей, автор, не получивший ответа в течение этого срока, мог предположить, что его письмо потерялось на почте. Для надежности я подождал еще, потом сделал новую распечатку и отправил туда же, в журнал Азимова, с сопроводительной запиской – на случай, если рукопись еще не рассматривалась.

И снова ожидание.

В ту пору я жил в летнем домике (не уверен, что это правильная передача сузубо голландского понятия «zomerhuis»). Кирпичный, со всеми удобствами домик находился на заднем дворе хозяйского коттеджа, а почтовый ящик – на улице, и следить за поступлением корреспонденции я не мог. Поэтому вся она проходила через хозяйку, которая отсортировывала мое от своего. Я привык к этому порядку и не ждал от него подвохов. И вот однажды женищина постучалась ко мне и вручила найденное ею письмо. Не в смысле найденное среди почты того дня, а в смысле найденное в процессе весенней уборки территории – на земле под ящиком за несколько месяцев накопилось немало бумаги.

Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Америки полгода назад. Я вскрыл конверт дрожащими от волнения пальцами, и предчувствие не обмануло – мне прислали согласие на публикацию и договор. Причем одобрена была первая рукопись, которую я считал потерянной! Это была радость пополам с ужасом, ведь я: а) не поблагодарил редакцию, б) не заключил договор и в) создал путаницу, послав вторую распечатку. Но все закончилось хорошо, и это была не последняя моя вещь, напечатанная Гарднером.

Письмо, найденное при весенней уборке территории, повлияло также на публикацию моего первого романа. Но это уже другая история.

Кстати, «Angels of Ashes» – название песни несравненного Скотта Уокера. Конечно, это случайное совпадение.

Спайри и королева

Космическая война – дело страшно муторное. Сенсоры дальнего действия «Мышелова» унюхали корыто противника два дня назад, и с тех пор мы только и делали, что подползали к нему на расстояние удара. По мне, так мы опять облажаемся. Да и в любом случае пора линять обратно на Тигровый Глаз. Порядок, топливо и мораль стремительно летят к нулю. Пусть другой «аквариум» чистит сектор.

В общем, еще не вполне очухавшись от сна, я не испытывала особой радости, даже когда «Мышелов» принялся нашпиговывать гущу психогенами боевой готовности. Когда пошел сигнал первичной атаки, я всего лишь остановила нейромульт, от которого балдела («Адские кошки Третьей Солнечной войны», если вам интересно), вылезла из гамака и лениво поплыла к мостику.

– Мусор, – прокомментировала я, взглянув на датчики через плечо Ярроу. – Военные обломки или очередной пустой хондрит. Сто процентов.

– Извини, малышка. Все уже проверено.

– Противник?

– Не-а. Судя по выхлопу, наш корабль. Похоже, украденный. – Ярроу провела рукой в сетке по регалиям, обвинившимся вокруг ее шеи. – Ну что, нашивки сейчас будешь брать или когда домой вернемся?

– Думаешь, мы наткнулись на крупную рыбу?

– Да точно тебе говорю.

Я кивнула и подумала, что она, может быть, права. Легко. Дезертир или украденные военные секреты не доберутся до роялистов. За такое можно медаль получить, а то и повышение.

Только вот почему во мне проснулись какие-то дурные предчувствия?

– Ладно, – решила я, надеясь похоронить сомнения в рутине. – Когда?

– Ракеты уже отправлены, но корабль в пяти световых минутах от нас, поэтому крики достигнут цели часов через шесть. Это если наша добыча не решит бежать и прятаться.

– Бежать и прятаться? Это шутка такая?

– Ага, просто животики надорвешь. – Ярроу увеличивала один из голографических дисплеев, пока тот не повис между нами.

Это оказалась карта Воронки с отмеченными зонами, которые контролировали мы и роялисты. Огромный, медленно вращающийся диск первородного вещества – восемьсот астрономических единиц от края до края. Чтобы пересечь его, свету понадобится целых четыре дня.

Все действие происходило в центре, на расстоянии светового часа от Фомальгаута. Непосредственно вокруг этой звезды находилась лишенная материи пустота, которую мы называли Зоной внутренней очистки. За ней начиналась сама Воронка – богатые металлами дорожки пыли, медленно конденсирующиеся в скалистые шарики. Обе стороны хотели полностью контролировать эти планетоформирующие Зоны кормления – настоящий Клондайк для тех, кто выиграет схватку и сможет начать шахтовые разделы. Вот именно здесь в основном и собирались наши огромные армии ос. Мы, люди – как роялисты, так и стандартисты, – держались дальше – там, где Воронка истончалась до скудного на полезные ископаемые ледяного мусора. Даже погоня за предателем не заставит нас подойти к Зонам кормления ближе чем на десять световых часов, а мы уже привыкли иметь дело с большими пространствами. Кроме самого дезертира, здесь не должно было быть ничего.

Но все оказалось не так. На схеме высветился большой объект, всего-то в полуминуте от нашей крысы.

– Ну, на такое расстояние и струя мочи долетит, – заметила Ярроу.

– Близковато для совпадения. Это вообще что?

– Осколок. Ледяной планетезималь, естественно, если тебе нужны технические подробности.

– Физические тонкости с утра... ну уж нет.

Но я припомнила слова одного из наших учителей в академии: осколки – это ледяные глыбы, плевки Воронки. Через пару сотен тысяч лет вокруг Фомальгаута образуется новорожденная планетарная система, но ее будут окружать тучи мусора, всяких остатков, летающих по миллионлетним орбитам.

– Для нас эта хрень бесполезна, – констатировала Ярроу, почесывая полоску черных волос, бегущую от ее бровей к плавнику. – Но по-видимому, крыс там нет.

– А что, если роялисты оставили на осколке припасы? Может, корабль летел туда на заправку, прежде чем сделать прыжок на их сторону?

Меня одарили снисходительным взглядом.

– Хорошо, признаю. Умом я сейчас не блеснула.

Ярроу кивнула с видом записного мудреца:

– Наше дело не задавать вопросов, Спайри. Увидел, выстрелил и забыл. Вот и вся стратегия.

Спустя шесть часов после того, как крики тихой сапой отчалили от «Мышелова», Ярроу всплыла на мостик, кольцом поджав хвостовой плавник. Моя напарница напоминала перевернутый знак вопроса, и если бы я была суеверной, то посчитала бы это не самым лучшим предзнаменованием.

– Ты меня убиваешь, – с ходу заявила она.

Первой обратилась в сирену, поменяв ноги на хвост, старший пилот по имени Квиллин. Ярроу последовала ее примеру год спустя. По-видимому, в этом был смысл – практически идеальная адаптация к наполненному жидкостью «аквариуму», шастающему по космосу на высоких скоростях с большими перегрузками. Я, конечно, не имела ничего против кардиоваскулярных модификаций, позволяющих дышать гуще, или биомодифицированной кожи, благодаря которой мы переносили холод и вакуум гораздо дольше любого неизмененного человека. Это не говоря уже о демонах размером с молекулу, которые миллиардами курсировали по нашим телам, или о специальной подгонке психики под условия боя... Но вот замена ног на хвост затрагивала какие-то неприятные нотки в моей душе. Хотя решимость Ярроу вызывала во мне только восхищение.

– Не поняла?

– Да эти твои долбанные нейромульты. Тебе что, реальной космической войны не хватает?

– Да нет, хватает, – призналась я, – только мне кажется, дело не в этом. Вот когда кто-нибудь из нас в последний раз смотрел роялисту в глаза?

Она пожала плечами:

– Лет четыреста назад.

– В этом и дело. По крайней мере, в Третьей Солнечной войне было хоть немного крови. Там все происходило на планетарных поверхностях, на Титане, Европе – всех этих спутниках Солнечной системы. Окопная война, рукопашные бои... Ты знаешь, что такое адреналин, Ярроу?

– Как-то без него обходилась все это время. Есть к тому же еще кое-что. Я мало знаю из истории Земли, но Третьей Солнечной войны не было.

– Это гипотеза, – объяснила я. – Да и в любом случае война почти была.

– Почти?

– Дело происходит в другой временной линии.

Ярроу улыбнулась, покачав головой:

– Говорю же, ты убиваешь меня.

– Он сделал ход?

– Кто?

– Дезертир.

– О, да мы никак в реальность вернулись? – засмеялась она. – Извини, это будет не так увлекательно, как Третья Солнечная.

– Еще неизвестно. Я-то думала, мы побегаем за сучкой, отработаем свои денежки. – Пока я говорила, датчики орудий начали пульсировать все быстрее и быстрее, словно кардиограмма трепещущего сердца. – Сколько времени осталось?

– Минута, плюс-минус несколько секунд.

– Хочешь пари?

Ярроу улыбнулась, в красном мерцании сигналов тревоги ее кожа казалась желтой.

– А когда же я отказывалась, Спайри?

В общем, мы сделали ставки. Она поставила пятьдесят тигрожетонов, что крыса в последнюю минуту попытается выкинуть фортель. Ярроу заметила:

– Правду сказать, ничего хорошего это ей не принесет. Но она все равно попытается. Человеческая природа, ничего не попишешь.

Я же подозревала, что наша цель или уже сыграла в ящик, или спит.

– Типа пустой ритуал, да?

– Чего?

– В смысле – атака состоялась в реале минут пять назад. Крыса уже мертва, и мы никак не сможем повлиять на результат спора.

Ярроу закусила никотиновую палочку:

– Ой, вот только философию со мной разводить не надо, а, Спайри.

– Даже и не мечтала об этом. Сколько?

– Пять секунд. Четыре...

Она остановилась где-то между тремя и двумя, когда это произошло. Помню, я подумала, что в действиях дезертира сквозит какая-то надменность. Он намеренно ждал до самого последнего момента, а потом расправился с угрозой наименее энергозатратным способом.

По крайней мере, так это выглядело.

Девять кряков сдетонировали преждевременно, даже не добравшись до зоны поражения. Десятый остался в одиночестве, нацелился на предателя, но просто не взорвался, пока не вышел далеко за радиус поражения. Наступила тишина, мы переваривали происходящее. В конце концов первой подала голос Ярроу:

– Похоже, я только что наварила денег.

Появилась голограмма полковника Вендиго. На секунду изображение замерло и вновь задвигалось. Своими слишком ясными и слишком молодыми глазами полковник внимательно оглядела мою напарницу, а затем и меня.

– Разведка ошиблась, – констатировала Вендиго. – Похоже, дезертир сумел подделать записи и скрыл кражу новейшего оборудования. Но вы все равно повредили его?

– Вроде того, – подтвердила Ярроу. – Привод корабля противника сейчас плюется довольно экзотическими веществами, совсем как Спайри после пьянки. Повреждений корпуса не зафиксировано, хотя...

– Оценка действий?

– Он попытается добраться до осколка.

Вендиго кивнула:

– А потом?

– Корабль сядет на ремонт. – Напарница помедлила, затем добавила: – Согласно показаниям датчиков, на поверхности много железа. Наверное, там была схватка ос, прежде чем глыбу вышибло из Воронки.

Вендиго кивнула:

– Согласна, Спайри?

– Да, мэм, – ответила я, как обычно стараясь подавить нервозность, которую неизменно чувствовала в присутствии полковника, хотя все наши контакты до сих пор ограничивались вот такими симуляциями. Ярроу с удовольствием редактировала разговор после сеанса связи, вставляя положенные почтительные обращения, прежде чем отправить результат обратно на Тигровый Глаз. Но я все равно не могла избавиться от подозрения, что Вендиго каким-то образом раскапывает необработанную версию со всеми вопиющими нарушениями субординации.

Не то чтобы кто-то из нас не оказывал ей того уважения, которого она заслуживала. Полковник чуть не погибла во время атаки роялистов на Тигровый Глаз пятнадцать лет назад – той самой, когда убили мою мать. Серьезные нападения на наши противостоящие друг другу кометные базы происходили редко, примерно раз в поколение, и являлись скорее жестами-проявлениями, чем стратегическими акциями. Но то оказалось особенно кровавым: погибла восьмая часть населения, территории размером с город были полностью разгерметизированы. Вендиго попала в самую гущу атаки кинетиков.

Теперь она стала химерой, ее заново сшила кибернетика. Снаружи это было не так заметно, только заживленные части казались слишком безупречными, больше похожими на фарфор, чем на плоть. Полковник не позволила хирургам заново вырастить себе руки. Говорили, она потеряла их, стараясь затащить раненого из открытого шлюза в герметичную зону. Ей почти удалось преодолеть шквал улетающего воздуха, когда какой-то истеричный придурок врубил аварийный контроль двери и переборка отхватила Вендиго руки по плечи вместе с головой того, кого она спасала. Теперь полковник носила протезы, блистающие хромом.

– Корабль доберется туда за день до нас, – доложила я. – Даже если мы врубим двадцать g.

– И скорее всего, окопается к вашему подлету.

– Нам попытаться захватить ее живым?

Ярроу поддержала меня, кивнув:

– Раньше у нас такой возможности никогда не было.

Полковник помедлила с ответом.

– Восхищаюсь вашей преданностью делу, – сказала она после подобающей случаю убедительной паузы. – Но вы всего лишь оттянете смертный приговор. Не лучше ли будет убить дезертира прямо сейчас, а?

«Мышелов» подобрался на дистанцию поражения девятнадцать часов спустя. Мы вышли на широкую псевдоорбиту где-то в трех тысячах километров от объекта. Осколок общей площадью двести четыре квадратных километра был слишком маленьким. На дисплее он казался мерцающим пятнышком, крупинкой сахара на расстоянии вытянутой руки. Но мы и так узнали все, что нужно: топологию, гравиметрию и место приземления корабля. Это оказалось нетрудно. Диверсанту не повезло: посадка у него вышла адская, крыса чуть ли не наполовину зарылась в лед.

– Мне кажется, от места такой посадки далеко не уйдешь, – протянула Ярроу.

– Думаешь, они воспользовались спасательными шлюпками?

– Ну уж нет. – Она ткнула пальцем в увеличенное голографическое изображение корабля. По форме тот походил на обтекаемый конус вроде нашего «аквариума», способного пробиваться через самые плотные газовые пояса Воронки. – Взгляни вот на эти верхние шлюзы. Эвакуелюки на месте.

Ярроу была права. Экипаж не пустил в ход шлюпки, иначе люки остались бы открытыми. В результате такого приземления – даже если принять во внимание гущу – мало кто мог выжить.

Но лучше не оставлять противнику даже малейшего шанса.

Ракеты могли бы решить проблему, но они уже подвели нас один раз. Теперь мы будем действовать наверняка. На вооружении «Мышелова» состояла импульсная батарея, но для ее использования нам пришлось бы подлететь на неприятно близкое расстояние к осколку. Оставались только кротмины, и они идеально подходили для удара. Мы сбросили пятнадцать штук, окутав их облаком двухсот идентичных обманок. Три из пятнадцати должны были превратить в пыль место катастрофы, а остальные двенадцать – зарыться глубже в лед и разнести глыбу на куски.

Такой был план.

Все произошло очень быстро, не как в сонно-замедленной реальности нейромультвов. В одну секунду кротмины спустились к астероиду, а уже в следующую просто исчезли. Между двумя мгновениями пронеслась настолько краткая вспышка, что зафиксировало ее, кажется, только подсознание.

– Что-то я уже устала от этого, – прокомментировала наше очередное фиаско Ярроу.

«Мышелов» переварил случившееся. Во время взрыва мин от места катастрофы никаких сигналов не исходило. Вместо этого произошел огромный выплеск энергии по всему периметру осколка. «Импульсное оружие», – отрапортовал корабль. Скорее всего, одноразовые роботы: каждый меньше песчинки, зато в количестве нескольких сотен, а может, и тысяч. Похоже, дезертир выпустил их при нашем приближении.

Но нас не тронул.

– Это было предупреждение, – сказала я. – Нам приказали валить подальше.

– Не думаю.

– Почему?

– Думаю, предупреждение мы получим прямо сейчас.

Я тупо воззрилась на Ярроу, пока не заметила то, что она уже видела.

От астероида по дуге шло нечто слишком быстрое, чтобы его можно было остановить, нечто, от чего наш минимально вооруженный «аквариум» не имел защиты. Нам не дали шанса даже просто улететь.

Ярроу уже приготовилась извергнуть какое-то особенно экзотическое ругательство, которое приберегала именно для такого момента. Потом раздался разрывающий барабанные перепонки удар, «Мышелов» содрогнулся – но мы не оказались в вакууме.

И вот это было по-настоящему плохо.

Существуют две основные разновидности противокорабельных ракет – крики и споры. После попадания вы можете сообразить, какой именно вас угостили. Если вы еще способны думать, если до сих пор существуете – значит это споры. И значит, ваши проблемы только начались.

«Внутреннее проникновение демонов! – заверещал „Мышелов“. – Воздушный коллектор под угрозой!» В гущу проникло нечто непрощеное. Собственно, в этом и заключается работа спор – доставить враждебных демонов к вам на корабль.

– Мм, – протянула Ярроу, – кажется, пора облачаться.

Вот только наши костюмы находились где-то в минуте хода, в кишках «Мышелова», и путь до них лежал по извилистым проходам, куда уже вполне могла проникнуть зараза. Но выбора у нас не оставалось, а потому мы все равно поплыли. Ярроу настояла, чтобы я шла первой, хотя она и двигалась в воде быстрее. В общем, где-то – понятия не имею, где точно, – демоны до нас добрались, незаметно просочившись из гущи в наши тела. Конкретно момент инфильтрации я вспомнить не могу: никакого резкого перехода от ясности к иррациональности, к власти демонов, не было. Мы с Ярроу и так слишком перепугались. Все началось с легкой агорафии, жажды покинуть тесные внутренности «Мышелова». Постепенно она переросла в клаустрофобию, а потом в полновесную панику, превратившую корабль в жуткий дом с привидениями.

Ярроу, забыв о костюме, начала скрести ногтями корпус, пока из ее пальцев не потекла кровь.

– Борись! – завопила я. – В твоём мозгу сидят демоны, забавляются с центрами страха, они хотят выбросить нас наружу!

Естественно, я понимала, что разумные доводы тут не помогут.

Каким-то образом я смогла удержаться на грани безумия достаточно долго и успела надеть костюм. Загерметизировавшись, я при помощи очистных систем скафа попыталась вылечить заражённую гущу – но это, конечно, не слишком помогло. Фобия указывала на то, что демоны добрались до мозга и теперь тот пытается успокоить себя хрупкой логикой. Вне корабля мы вновь сможем думать рационально. «Мышелову» понадобится всего несколько минут для нейтрализации инфекции, тогда мы сумеем опять взойти на борт.

Естественно, вся эта цепочка рассуждений была полной иллюзией...

Но в ней имелся смысл.

Когда нечто похожее на рациональное мышление вернулось ко мне, я уже болталась снаружи.

Вокруг ничего. Только я и осколок.

Тяга сбежать была всего лишь побочным проявлением. У меня в желудке словно поселилась стая бабочек и теперь не давала мне вернуться. Интересно, это всего лишь созданный демонами страх или чистый здравый смысл? Я не могла сказать, но знала, что осколок манит меня к себе и сопротивляться этому нет сил. Кстати, вполне разумно: мы израсходовали все стандартные методы нападения и теперь осталось встретиться с дезертиром лицом к лицу на его собственной территории.

Только где же Ярроу?

В костюме зазвенел сигнал тревоги. Наверное, моя нервная система ещё до конца не оправилась, потому что отреагировала я на него вяло. Моргнула, облизнула губы и подавила зевок:

– Да, что?

Скаф сообщил, что засек объект весом чуть меньше меня на два километра ближе к осколку, тот двигался по несколько иной орбите. Я знала, что это Ярроу. И с ней было что-то не так. Она дрейфовала. Прежде чем вырубиться, я все-таки успела запрограммировать костюм на путь до глыбы льда, а вот моя напарница, похоже, не сделала ничего, только выпрыгнула.

Я подлетела ближе и сразу поняла, почему Ярроу ничего не предпринимала. Все оказалось просто. Она не надела скаф.

В лед мы врезались час спустя.

Я держала Ярроу на руках – больших усилий тут не требовалось при такой слабой гравитации – и подводила итоги. Оплакивать напарницу было рановато. Если быстро доставить её в медицинский отсек на корабле дезертира, шансы на воскрешение будут довольно велики. Но где же эту тварь угораздило разбиться?

Растратив последние остатки топлива, костюм доставил нас на открытое место посреди кладбища разрушенных ос. Наполовину сожранные льдом, они выглядели как обожжённые скульптуры из металлолома, как фантомы худшего кошмара энтомолога. Значит, битва здесь кипела ещё тогда, когда осколок был всего лишь очередной глыбой льда в пыльном поясе. Даже если подо мной сейчас таились залежи силикатов и органики, для любой из враждующих сторон этот объект не представлял никакой коммерческой ценности. Но вот стратегический потенциал здесь имелся, поэтому осы и разыграли военную постановку на его поверхности. Самое неприятное, как мы знали ещё до атаки: трупы были разбросаны повсюду, поэтому гадать не имело смысла. Упавший корабль мог лежать за ближайшим холмом или в десяти километрах от нас в любую сторону.

Тут я почувствовала, как подо мной дрожит земля. В поисках источника вибрации я принялась вертеть головой и увидела иглу пара, ударившую в небо всего-то в одном километре от нас. Гейзер перегретого льда.

Я в панике уронила Ярроу и сама рухнула на нее. Костюм ограничивал движения, поэтому я не отскочила. Оглянувшись, я ожидала увидеть воронку в вечной мерзлоте там, где в нее врезался какой-то хмырь.

Вместо этого гейзер по-прежнему не унимался. Хуже того, он подбирался все ближе, вырезая во льду аккуратную борозду. Такой след оставляло лучевое оружие, поняла я, было у нас нечто подобное на корабле... А потом меня осенило. «Мышелов»! Демоны внедрили в его контролирующие системы и перепрограммировали их против нас. Теперь он работал на дезертира.

Я перекинула Ярроу через плечо и прыжками понеслась прочь от кипящей борозды. Мы должны были опередить ее, так как траекторию луча очень легко предсказать. Если просто отбежать в сторону, смертельная линия пройдет мимо...

Вот только треклятая штука последовала за нами.

Через секунду сбоку появилась еще одна, и вместе они погнали меня туда, где трупы ос лежали особенно густо. Может, это направление имело какое-то значение для дезертира? Не исключено, только я его не находила. В гряде были перемешаны машины обеих сторон: роялистские осы, помеченные желтой ракушкой, и наши – с эмблемой оскаленной тигриной головы. Модели тридцать пятого поколения, если, конечно, я хорошо помню курс военной истории, когда обе стороны забавлялись с защищенными от пульсаций оптическими машинами, способными на самостоятельный мыслительный процесс. Дальнейшие семьдесят с лишним поколений породили немало технологических прыжков: нестандартно-квантовая логика, полноспектральные отражающие осиные доспехи, хамелеопокрытие, силовые установки на кварковом приводе и любая оружейная система, которую только мог изобрести человеческий разум. Мы пытались заставить ос придумывать новые механизмы самостоятельно, но они так и не смогли эволюционировать вне строго линейной экстраполяции, что было хорошо, иначе человеческие наблюдатели остались бы без работы.

Сейчас, правда, вся эта информация не имела ни малейшего значения.

Третий гейзер показался позади нас, а четвертый – прямо по курсу. Мы попали в окружение, и огненные точки начали медленно сближаться. Я остановилась, но Ярроу не бросила. Хрип моего дыхания перекрывал дрожащий бас ледяной глыбы.

А затем мне на плечо опустилась сталь.

Вендиго сказала, что в глубине астероида будет безопаснее. К тому же там находятся друзья, способные помочь Ярроу, – так я поняла...

– Если вы не дезертировали, – начала я, как только мы вошли в тоннель, грубо проложенный под поверхностью осколка, – то какого черта это было?

– Мы пытались вернуться домой. Ну, по крайней мере, такая была идея, пока мы не поняли, что Тигровый Глаз не особо жаждет нас видеть. – Вендиго врезала по льду стальным кулаком. – Вот тогда мы и решили направиться сюда.

– Вам почти удалось, – сказала я, затем добавила: – А откуда вы возвращались?

– А разве не понятно?

– Ну, тогда вы действительно дезертировали.

– Мы пытались установить контакт с роялистами. Заключить мир. – Во все более сгущавшемся мраке я увидела, как она пожала плечами. – Операция разрабатывалась долго, в полной секретности. Когда все пошло насмарку, для Тигрового Глаза легче было заявить, что мы дезертировали.

– Полная ерунда.

– Если бы.

– Но ты отдала нам приказ.

– Не лично.

– Но твоя голограмма...

– Могла быть сделана кем угодно и говорить все, что вздумается моим врагам. Даже приказать казнить меня как предательницу.

Мы остановились, чтобы включить лампы на костюмах.

– Может, тебе лучше все мне рассказать?

– С удовольствием, – ответила Вендиге. – Но если до этого все было просто плохо, то, боюсь, скоро ситуация вообще пойдет под откос.

Если верить полковнику, группа наших высокопоставленных офицеров полагала, что в этой войне, по сути, выиграть невозможно. Благодаря информации, к которой у населения не было доступа, и возможности видеть истинную картину происходящего за тщательно отфильтрованной пропагандой Тигрового Глаза они поняли, что переговоры, контакт – это единственный выход из сложившегося положения.

– Естественно, с этим согласились не все. Некоторые из моих противников захотели убить нас еще прежде, чем мы добрались до врага. – Вендиге вздохнула. – Им слишком нравится военное положение – и как их можно в этом винить? Жизнь обыкновенного гражданина Тигрового Глаза не так уж плоха. У него есть четкая цель, за которую стоит воевать, да и вероятность, что он погибнет в роялистской атаке, ничтожно мала. Сама идея, что все это вдруг, после четырехсот лет, прекратится, что нам придется искать другие роли в жизни... в общем, эта мысль приглянулась далеко не всем.

– Вроде как пустить газы в вакуумном скафандре, так?

Вендиге кивнула:

– Общий настрой ты уловила.

– Продолжай.

Ее экспедиция – сама полковник и два пилота – спокойно прошла через Воронку. Приблизившись к кометной базе роялистов, они ожидали, что их, естественно, начнут проверять, может, даже с ходу пристрелят, но ничего не случилось. Войдя в крепость, они поняли почему.

– Там никого не оказалось, – рассказывала Вендиге. – Вернее, мы так думали, пока не нашли роялистов. – Она чуть ли не сплюнула следующее слово: – Дикари, практически. Голые, жадные недочеловеки. Осы кормят их, лечат – вот, собственно, и все. Роялисты, конечно, приучены к туалету, но до военных гениев, в которых нас заставили верить, им очень далеко.

– То есть?..

– Война... это совсем не то, что мы о ней думали. – Вендиге засмеялась, и ее шлем превратил звуки в гогот чертика из табакерки. – А теперь ты спрашиваешь, почему нас никто не ждет обратно?

Прежде чем полковник смогла продолжить, мы добрались до широкого раздваивающегося тоннеля, озаренного зеленоватым светом. В отличие от извилистого прохода позади нас, этот своей прямоотой больше походил на ствол винтовки. С одной стороны его загораживал цилиндр с носом, напоминающим пулю, сделанный по образу поездов на Тигровом Глазе. Транспорт подкатился к нам, дверь отъехала в сторону.

– Залезай, – скомандовала Вендиге. – Шлем можешь снять. Там, куда мы направляемся, тебе он не понадобится.

Внутри я откашлялась, выплюнув слизистые веревки гуши.

Переход от одной системы потребления кислорода к другой всегда неприятен, я ведь фактически дышала жидкостью последние шесть недель. Но после нескольких хороших глотков антисептического воздуха темные пятна, мелькающие перед глазами, потихоньку стали исчезать.

Вендиго проделала ту же процедуру, только с бóльшим достоинством.

Ярроу лежала на одном из сидений, застывшая, как статуя из мыла. Ее кожа походила на один сплошной синяк. Эпидермис пилота – материал прочный, хорошо защищает от вакуума, а вакуум сам по себе прекрасный изолятор: он в отличие от воздуха не пропускает тепло. Но когда я подняла напарницу, на ней остались отпечатки моих пальцев. На спине и левой стороне хвоста Ярроу осталась полоса ободранной кожи от соприкосновения с поверхностью осколка.

Голова, правда, выглядела получше. Когда пилот вывалилась из корабля, биомодифицированный наружный слой захлопнулся вокруг черепа, предотвратив снижение давления, потерю влаги или крови. Имплантированные железы в сонной артерии выпустили стаю дружелюбных демонов, которые быстро размножились за счет не столь важных тканей и свили защитный каркас над мозгом.

Это поможет Ярроу продержаться час или около того, но только если враждебные демоны не успели сильно навредить.

– Ты хотела рассказать мне об осах, – напомнила я, желая узнать историю Вендиго до конца и одновременно отогнать подальше мысли о Ярроу.

– Ну, тут все просто. Они стали умными.

– Осы?

Полковник щелкнула стальными пальцами протеза:

– За одну ночь. Где-то сто лет назад.

Я старалась не выдать удивления. Рассказ звучал очень интригующе, но до сих пор казался всего лишь крайне экстравагантной попыткой отвлечь меня от главной задачи, от устранения дезертиров. Версия Вендиго пока объясняла только несколько аномалий, с которыми мы столкнулись, но не перекрывала дюжины более правдоподобных объяснений. Пока же мне хотелось поймать Вендиго на лжи, а потому я спросила:

– Значит, они стали умными. Ты имеешь в виду наших ос или их?

– Это не имеет значения. Возможно, скачок произошел только с одной машиной в Воронке, а потом, как огонь, развитие ума перекинулось на остальной триллион ос. А может, все случилось одновременно, в ответ на какой-то стимул, о котором мы вообще ничего не знаем.

– Хочешь рискнуть и предположить?

– Я не считаю особенно важной причину явления, Спайри. – В голосе полковника явственно звучало желание как можно дальше уйти от этой темы. – Смысл в том, что оно произошло. После чего различия между нами и нашим противником – по крайней мере, с точки зрения ос – полностью исчезли.

– Пролетарии Воронки объединились.

– Вроде того. Теперь ты понимаешь, почему они сохранили этот секрет при себе?

Я кивнула, больше для поддержания беседы.

– Мы им нужны. Кое-чего машинам не хватает. Им не хватает творчества, как это можно назвать. Они могут эволюционировать постепенно, но на технологические скачки, которые мы им скармливаем, не способны.

– А потому люди должны думать, что война продолжается?

Вендиго выглядела довольной:

– Именно. Мы снабжаем их новейшими технологиями, а они продолжают притворяться, что сражаются друг с другом. – Она почесала металлическим пальцем кожу вокруг глаза, на которой не было ни единой морщины. – Умные маленькие твари.

Мы куда-то приехали.

Это был самый большой зал, который я когда-либо видела. Чувствовалась очень мощная сила тяготения. Всю конструкцию, похоже, подвесили и раскручивали внутри осколка по типу симуляторов гравитационных перегрузок на Тигровом Глазе. Сводчатый потолок, распо-

ложенный в сотнях метрах «наверху», сейчас казался головокружительно высоким. Он был почти весь покрыт сложнейшими фресками – десятками живописных граней, каждая из которых представляла собой круговую голограмму. Они повествовали об истории Воронки, начиная с ее конденсации из межзвездного газа, появления звезды, основы формирования планет. Потом действие переключилось на прибытие первой осы стандартистов, запрограммированной нырнуть в Воронку и размножиться там ускоренными темпами, так как для разработки этого месторождения – извлечения металлов, силикатов и ценной органики – требовалось немало сил. Вот только план не сработал. Роялисты захотели все взять себе, поэтому послали свои машины атаковать наши. Остальное – история. Фрески показали начало войны, а чуть позже – прибытие первых человеческих наблюдателей, сиявших в космосе чистейшим генетическим материалом. Они были обречены родиться в искусственных чревах, погребенных в опустошенных сердцевинах комет, расти под присмотром ос, путем импринтинга получать лучшие тактические и стратегические знания. А потом люди принялись учить машины. После этого обстановка стала накаляться, так как с приходом наблюдателей исчезла временная задержка в развитии машин, созданная расстоянием между Землей и Фомальгаутом. Человечество стало вмешиваться в эволюцию ос непосредственно.

Иначе и не могло быть, ведь мы к тому времени и сами прошли порядочное усовершенствование, плюс-минус четыреста лет вышеописанной истории.

Но фрески разворачивали повествование дальше.

Они рассказывали о некоем будущем государстве Воронки, аккуратном и упорядоченном, словно часы. По правильным орбитам мерно двигались планеты различных размеров, некоторые из них имели красивые кольца или спутниковые системы. И наконец – точно средневековые представления об Эдеме – перед нами предстал триптих изумительных пейзажей со странными животными на переднем плане, горами и парящими над горизонтом облаками.

– Убедилась? – спросила Вендиго.

– Нет, – ответила я, не уверенная, поверила ли сама себе. Запрокинув голову, я посмотрела туда, где фресок не было, в самый центр сводчатого потолка.

Оттуда что-то свисало.

Пара ос, сплетенных вместе. Одна из них была завершенной, другая только сформировалась: казалось, она застыла в процессе отрыва от своей соседки. Пару словно залили жидкой бронзой, а потом оставили сушиться в восковом капе.

– Ты знаешь, что это? – спросила Вендиго.

– Жду ответа.

– Искусство ос.

Я посмотрела на нее.

– Эту осу убили посредине репликации, – продолжила полковник. – Она рожала. Определенно, изображение имеет для них какой-то глубокий смысл. Как его выразить человеческими словами, я не знаю...

– Лучше об этом и не думать.

Я последовала за ней по мраморному террасцо, покрывавшему пол. Вокруг зала виднелись выгнутые портики, в каждом висела мертвая оса; положение их тел отражало сотни поколений эволюции. Если Вендиго права, то мы сейчас шли по машинной версии галереи писанных маслом портретов почитаемых предков. Но я еще не могла заставить себя до конца поверить в рассказ полковника.

– Ты знала про это место?

Она кивнула:

– Иначе бы мы уже погибли. Осы – еще там, у роялистов, – сказали нам спрятаться здесь, если база повернется против нас.

– И что... это место принадлежит им?

– Таких осколков сотни, хотя остальные находятся уже далеко за пределами Воронки, направляются к ореолу. С тех пор как осы получили разум, большинство ледяных камней, которые вылетели за пределы пыльных поясов, инфильтрованы. Проницательно с их стороны. Мы бы никогда не заподозрили, что эти глыбы нечто большее, чем просто космический мусор.

– Дизайн у них неплохой.

– Флорентийский, – подтвердила полковник. – Фрески выполнены в стиле художника Мазаччо, одного из учеников Брунеллески. Вспомни, осы имели доступ ко всей культурной информации, которую мы привезли с Земли, – к каждому байту. Я думаю, что они сконструировали все вокруг согласно произвольно выбранному шаблону.

– А в чем тогда смысл?

– Я здесь всего лишь на день дольше тебя, Спайри.

– Но ты же говорила, что тут есть люди, которые могут помочь Ярроу.

– Все уже здесь, – ответила Вендиги, тряхнув головой. – Я просто надеюсь, что ты готова к встрече с ними.

По какому-то незаметному сигналу они появились, просочились в дверь, которую я поначалу приняла за один из окружавших зал портиков. Сказались годы тренировок, и я непроизвольно отшатнулась. Хотя даже вражеские осы никогда намеренно не трогали людей, они тем не менее были мощными, опасными машинами. Двенадцать машин, часть из них некогда принадлежала стандартистам, часть – роялистам. Шестиноги; из их двухметровых сегментированных тел торчало оружие, сенсоры и специальные манипуляторы. Роботы были такими знакомыми, вот только двигались как-то неправильно. Словно в четко отрепетированном танце, их тела очерчивали границы некой фигуры, которую я скорее ощущала, чем видела.

– Они... это королева, – пояснила Вендиги. – Насколько я поняла, в каждом осколке есть своя королева.

Стая кружила вокруг нас, и тревожное чувство их единства не проходило.

– Она сама тебе все рассказала?

– Ее демоны. – Полковник постучала по виску. – Я получила дозу, когда корабль потерпел крушение. Ты приобщилась, когда мы выстрелили по вам. Стандартная спора из арсенала, только королева нагрузила ее своими демонами. Пока она именно так с нами разговаривает, с их помощью.

– Поверю тебе на слово.

Вендиги пожала плечами:

– Не нужно.

И неожиданно я все ощутила сама. Как будто я подсмотрела лихорадочный сон тополога – вот на что это было похоже, только впечатления оказались еще интереснее. Взрыв речи королевы длился, наверное, чуть больше десятой доли секунды, но образы от него врезались в память, и, прежде чем он закончился, у меня началась мигрень. Вендиги уже намекнула, но теперь я сама почувствовала наличие схемы, словно каждая мысль была всего лишь шагом к какой-то отдаленной цели – так же, как любое утверждение в математической теореме подразумевает конечное «что и следовало доказать».

Машины замыслили нечто действительно масштабное.

– Ты свободно с ними общаешься?

– При прохождении через гибридные части мозга, скорее всего, много информации теряется.

– А они тебя понимают?

– Мы ладим.

– Хорошо. Тогда спроси их о Ярроу.

Вендиги кивнула и закрыла глаза, войдя в интенсивный контакт с королевой. Последствия не заставили себя долго ждать: шесть ос оторвались от расширенной формы и бросились

в поезд, откуда мы только что вышли. Спустя секунду они появились, неся Ярроу, которая покоилась на ложе из дюжин манипуляторов.

– Что происходит?

– Они сейчас устанавливают физический контакт с нейронными демонами. Таким образом можно картировать повреждение.

Одна из шести ос отступила и аккуратно расположила тупоносую «голову» в форме наковальни прямо над головой Ярроу с пятнами обморожения. Потом машина восемь раз кивнула так быстро, что ее очертания смазались в моих глазах. Посмотрев вниз, я увидела ряд бескровных ранок на голове напарницы. Буровика заменила следующая оса и повторила процедуру, выполнив тот же ритуал. В этот раз от точек проникновения в машину протянулись мерцающие нити, та словно высасывала спагетти из черепа пациентки.

Последовали долгие минуты молчания, я нетерпеливо ждала хоть какого-то подобия отчета.

– Дело плохо, – наконец произнесла Вендиго.

– Покажи.

Тут же последовал новый всплеск речи королевы. Я почувствовала себя внутри герметично запаянной головы Ярроу и ощутила холод, пробравшийся в кору головного мозга, несмотря на имплантаты пилотов. Я почти увидела две пересекающиеся петли ее собственных и чужих демонов, воссоздающих заново разрушенную матрицу ее сознания.

Еще мне вроде бы почудилось сомнение.

– Она уже ушла довольно далеко, Спайри.

– Скажи королеве, пусть сделает все, что сможет.

– О, естественно. Она увидела разум Ярроу и теперь сделает все, чтобы не потерять его. Разум слишком много для нее значит – особенно принимая во внимание то, что машины для него готовят. Но чудес не жди.

– А почему нет? Мне кажется, мы и так стоим посреди чуда.

– Значит, ты готова поверить тому, что я тебе рассказала? Хотя бы отчасти?

– Значимым частям... – начала я, но тут вся комната содрогнулась, и мы чуть не упали. – Что это было?

Глаза полковника на секунду потускнели.

– Твой корабль. Он только что самоуничтожился.

– Что?

Картина останков «Мышелова» возникла в моем мозгу: меркнущая туманность невдалеке от осколка.

– Приказ на самоуничтожение поступил с Тигрового Глаза, – прокомментировала Вендиго. – Сигнал поступил в подсистемы приводов, на таком уровне демоны не могли его ликвидировать. Думаю, на базе надеялись, что вы приземлитесь к моменту детонации. Взрыв уничтожил бы нас всех.

– Ты говоришь, база захотела убить нас?

– Можно и так сказать. Самое время определить, на чьей стороне ты находишься.

На сей раз Тигровый Глаз промахнулся, но он на этом не остановится. Через три часа там узнают об ошибке, а еще через три часа или чуть больше нам станет известно об их очередном шаге. Но что именно они предпримут – нам все равно. Так и так не сумеем выбраться.

– Королева же должна что-то сделать? В смысле, осы не стали бы строить это все для того, чтобы позволить Тигровому Глазу его стереть?

– На самом деле королева мало что может, – ответила Вендиго, посоветовавшись с ней. – Если база решит использовать кинетики – а только ими она сможет достать нас с такого расстояния, – защиты против них у нас нет. К тому же осколков вроде нашего сотни – здесь и за пределами Воронки, в ореоле. Потеря одного не сыграет никакой роли.

Что-то во мне сломалось.

– А тебе обязательно изображать такое равнодушие? Мы тут вроде как говорим о том, что сыграем в ящик в ближайшие несколько часов, а тебя послушать, так проблема выеденного яйца не стоит! – Я старалась сдерживать истеричные нотки. – Откуда ты столько знаешь? Ты как-то слишком осведомлена для человека, который провел здесь всего день, а, Вендиго?

Она пристально поглядела на меня, слегка побледнев от такого подчеркнутого нарушения субординации, а потом кивнула, как будто даже не разозлившись:

– Да, ты вправе интересоваться, почему мне так много известно. Вы не могли не заметить, какая жесткая у нас вышла посадка. Моим пилотам досталось больше всех.

– Они умерли? – спросила я не без сомнения.

– Одна точно – Соррел. Но второй, Квиллин, не оказалось на корабле, когда осы вытаскивали меня из него. Я тогда подумала, что они уже позаботились о ней.

– Что-то непохоже.

– Это точно, и... – Полковник замерла, потом тряхнула головой. – Мы разбились именно из-за Квиллин. Она хотела перехватить управление, не дать нам сесть. – Вендиго снова замолкла, как будто не зная, что можно мне говорить, а что нельзя. – Думаю, она была предательницей, ее протащили на борт те, кто хотел помешать нам. Пилота натаскали – изменили психологически, чтобы она с порога отвергала все попытки роялистов уладить дело мирно.

– А может, и родилась такой, с палкой в заднице?

– Это уже не важно. Она мертва, я уверена. – В голосе Вендиго послышалась чуть ли не радость.

– Но ты-то выжила.

– Не совсем, Спайри. Я – Шалтай-Болтай, который дважды свалился со стены. В этот раз осы просто не смогли найти все кусочки. Королева накачала меня демонами под завязку. Только они и поддерживают меня, но, думаю, долго не протянут. Когда я говорю с тобой, по крайней мере часть слов принадлежит королеве. Я даже не знаю, где можно четко провести линию между нами.

Я переварила информацию, после чего спросила:

– Что с кораблем? Ремонтные системы запустились прямо в момент удара. Когда он сможет взлететь?

– Завтра или через день-полтора.

– Чертовски долго.

– Стараюсь быть реалисткой. Если и есть способ свалить с осколка в течение шести часов, то точно не на корабле.

Я не хотела так просто сдаваться:

– А осы помочь не могут? Дать материалы? Ускорить процесс сборки?

Снова этот мутный взгляд.

– Сделано. Процесс пошел. Но даже помощь ос погоды не сделает. На ремонт уйдет примерно двенадцать часов.

– Ну, тогда чего сидеть и рассуждать? – Я пожала плечами. – Может, мы до того времени продержимся.

Полковника я явно не убедила, потому продолжила:

– Расскажи мне все остальное. Все, что знаешь об этом месте. Хочу пройти курс для начинающих.

– Зачем?

– Вендиго, я вообще не понимаю, что мы все тут делаем. Зато прекрасно знаю, что через шесть часов перенесу фатальный приступ острой неспособности существования. И когда это случится, на душе у меня будет легче, если я пойму, ради чего умерла.

Полковник взглянула в сторону Ярроу, над которой все еще сустились отдельные элементы королевь.

– Я не думаю, что наше присутствие ей чем-то поможет. Поэтому сейчас кое-что тебе покажу. – На лице Вендиго появилась гримаса, которую, при наличии воображения, можно было назвать болезненной улыбкой. – В конце концов, мы можем позволить себе убить время.

Мы снова залезли в поезд, и на этот раз дорога завела нас еще глубже в осколок.

– Наша глыба, – рассказывала Вендиго, – и еще сотни за пределами Воронки, тысячи тех, что последуют за ними, – это ковчеги. Они несут жизнь в ореол, облако отработанного материала вокруг нашего поля боя.

– Колонизация, правильно?

– Не совсем. Осколки вернутся обратно. Только не на пустое место. К тому времени здесь возникнет полностью сформированная планетарная система, после чего и начнется колонизация новых миров вокруг Фомальгаута, засеянных с помощью жизнематриц, хранящихся тут, внутри.

Я подняла руку:

– Я все поняла... до жизнематриц.

– Терпение, Спайри.

У Вендиго оказалось никудашное чувство времени, так как стальные внутренности вагона неожиданно залил свет.

Тоннель превратился в стеклянную трубу, прикрепленную к стене гигантской пещеры, окутанной изумрудным сиянием. Противоположная сторона была скрыта листвоь. Та, по которой ехали мы, оказалась ступенчатой; странно изогнутые водопады соединяли многоуровневые пруды. Потоки воды отклонялись от вертикали под воздействием силы Кориолиса – лишнее доказательство того, что, как и первый зал, этот вращался независимо от осколка. Ярусные пруды были окружены травой, на которой сидели, лежали, двигались обнаженные люди. Тут присутствовали и осы – ухаживали за своими питомцами.

Как только мы подъехали ближе, я поневоле отшатнулась, как бывает, когда упрешься взглядом в существо с каким-нибудь невероятным уродством. Половина из человеческих обитателей осколка оказались мужчинами.

– Ввезенные роялисты, – прокомментировала Вендиго. – Помнишь, я сказала, они превратились в дикарей? Похоже, произошла какая-то авария, почти сразу, как осы обрели разум. Наверное, неподконтрольный демон или что-то вроде того. Там просто выкосило большую часть населения.

– Но среди них представители обоих полов.

– Привыкай, Спайри, по крайней мере с концептуальной точки зрения. Тигровый Глаз не всегда был исключительно женской колонией. Ты ведь знаешь, мы прошли долгий путь развития. Кстати говоря, изменения начались именно с пилотов. Женская физиология лучше подходит для космических полетов: мы меньше размерами, легче переносим повышенную гравитацию и стрессовую психодинамику, требуем не так много питательных веществ, как мужчины. Мы с самого начала были продуктами биоинженерии, поэтому переход к полностью женской культуре оказался сравнительно легким.

– Меня просто... не знаю... вырвет сейчас. – Я попыталась не смотреть на роялистов. – Это как если бы у меня снова выросли волосы по всему телу.

– Просто ты воспитывалась в других условиях.

– А у них всегда было два пола?

– Скорее всего, нет. Осы вывели их из оставшихся в живых после аварии, но что-то пошло не так. Дело не только во вновь появившемся диморфизме. Дети не растут нормально. Какая-то часть их мозга постоянно развивается неправильно.

– То есть?

– Они идиоты. Естественно, осы стараются все исправить. Вот потому королева приложит все усилия для спасения Ярроу – и нас, конечно. Если она сможет изучить или хотя бы уловить наши мыслительные процессы – а с демонами это возможно, – то наверняка сумеет вернуть сознание роялистам. Ну вроде той флорентийской архитектуры, о которой я уже говорила. Это одна матрица, а Ярроу станет другой.

– Ты хочешь меня подбодрить?

– Посмотри на это с положительной стороны. Через какое-то время здесь вырастет целое поколение людей, которые будут думать согласно лекалам, заложенным Ярроу.

– Ужас какой! – И тут же я подумала: с чего вдруг так легко реагирую на шутки, когда впереди маячит смерть? – Слушай, я по-прежнему не понимаю, зачем они хотят принести жизнь в Воронку?

– Похоже, дело восходит к двум... императивам, можно их и так назвать. Первый достаточно прост. Когда осы только стали открывать Солнечную систему, еще в середине двадцать первого века, мы искали лучшую модель того, как следует функционировать большому количеству автоматов без постоянного человеческого присмотра. При создании основных программ разработчики использовали принципы сосуществования насекомых в колониях. Спустя шестьсот лет эти законы просочились наверх. Осы больше не желают просто организовываться согласно образцам своих живых прототипов. Теперь они хотят дать начало новой жизни, вырастить ее.

– Зависть к жизни?

– Или нечто очень сильно на нее похожее.

Я поразмыслила над словами полковника, потом спросила:

– Что насчет второго императива?

– Тут дело гораздо сложнее. Гораздо... – Полковник перевела на меня тяжелый взгляд, словно размышляя, посвящать ли меня в мысли, бродящие у нее в голове. – Спайри, что ты знаешь о Третьей Солнечной войне?

Осы прекратили возиться с Ярроу, пока мы путешествовали. Они положили ее на возвышение посреди мозаичного пола. Она покоилась на спине, руки сложены на груди, хвост и плавник асимметрично свешивались в одну сторону.

– Королева еще может ее спасти, Спайри, – попыталась утешить меня Вендиго, взяв мою руку в свою твердую ладонь. – В конце концов, это всего лишь тело Ярроу.

– Королева сумела прочесть ее разум?

Ответа я так и не дождалась. Зал затрясся – и гораздо сильнее, чем при взрыве «Мышелова». Стальной кулак полковника впился в мозаичный мрамор. Словно повернувшись во сне, Ярроу соскользнула с возвышения.

– База, – буркнула Вендиго, поднимаясь с пола.

– Невозможно. Еще двух часов не прошло с момента взрыва «Мышелова». Никакого ответа не должно быть еще часа четыре!

– Похоже, они решили атаковать, не дожидаясь результатов последней попытки. Кинетиками.

– У нас точно нет от них защиты?

– Только удача.

Пол затрясся снова, но Вендиго сумела удержаться на ногах. Рев после столкновения утихал, превращаясь в непрерывную, но не столь громкую жалобу измученного льда.

– Первая волна нас только задела. Может, кратер выжгло, но сомневаюсь, чтобы частица добралась до герметичных зон. В следующий раз придется хуже.

Это без сомнений. Кинетики были единственным оружием, способным поразить цель на таком расстоянии, причем их даже не требовалось очень много. Один кинетик – это просто крупинка металла, разогнанная почти до скорости света. Относительность награждает ее

непропорциональным количеством кинетической энергии, достаточным для того, чтобы всего лишь несколько попаданий разорвали осколок на куски. Естественно, только одна из тысячи запущенных частиц достигнет цели, но и этого хватит. Ведь к нам летит по меньшей мере десять тысяч зарядов.

– Вендиго, а мы не можем добраться до твоего корабля?

– Да, – ответила она после минутного замешательства. – Но смысл? Его же еще не починили.

– Не важно. Поднимемся на аварийных. Если уберемся с осколка, то окажемся в безопасности.

– Не получится. В корпусе пробоина – пройдет час, прежде чем хотя бы часть корабля загерметизируют.

– А нам как раз час понадобится, чтобы до него добраться, так ведь? И чего мы ждем?

– Извини, Спайри, но...

Ее слова утонули в шуме: прибыл следующий кинетический заряд. Этот, похоже, ударил сильнее, столкновение отозвалось множественными стонами. Голографические фрески потемнели. Потом очень медленно пошел трещинами потолок, огромное ледяное жвало пробилося в зал. Искусственная гравитация исчезла; осталась только слабая сила осколка, еле заметно притягивающая нас к одной стене.

– Но что? – крикнула я в сторону Вендиго.

Секунду она глядела на меня тем отсутствующим взглядом, который говорил, что сейчас в ней больше от королевы, чем от человека, а потом кивнула, нехотя принимая мое предложение:

– Хорошо, Спайри. Поступим по-твоему. Шансов у нас маловато, но не сидеть же просто так, сложа руки.

– Аминь.

Вокруг стало мрачновато, так как раньше свет исходил в основном от непрестанно вращавшихся фресок, но тише не сделалось. Хотя странное бормотание движущегося зала исчезло, оставшиеся звуки радости не приносили: вокруг царили агонизирующие стоны крошащегося льда. При помощи ос мы добрались до поезда. Я взяла с собой труп Ярроу, но у двери Вендиго бросила:

– Оставь ее.

– Ни за что.

– Она мертва, Спайри. Все, что было значимо, королева спасла. Прими это. Ты принесла ее сюда – этого достаточно, как ты не понимаешь? Если возьмешь ее сейчас, это только уменьшит наши шансы, а такой расклад действительно расстроил бы Ярроу.

Какая-то чужая часть моей души позволила осам взять у меня тело. А потом мы забрались внутрь, задраили шлемы и вдохнули гущу.

Поезд набирал скорость, а я оглянулась, захотела посмотреть на королеву в последний раз. Вокруг должна была стоять тьма, но зал выглядел ярко освещенным. На секунду я подумала, что это опять ожили фрески, а потом нереальная интенсивность окружающей картины подсказала, что изображение проецируется прямо мне в мозг. Королева парила над заваленной обломками мозаикой, только сейчас казалась гораздо больше того создания из двенадцати ос, которое я видела прежде. Что это было?

Может, так она представляла сама себя?

Десять из двенадцати ос вновь сплелись воедино, образовав постоянно меняющуюся фигуру. Сейчас они казались живыми, а не искусственными: с прозрачными крыльями, черными хитиновыми туловищами, конечностями и сенсорами, покрытыми гладкой шерстью, с глазами – фасетчатыми хрустальными сферами, сверкавшими в ложном свете зала. Но и это было не все. Раньше я ощущала королеву только как сумму составляющих ее созданий. А

теперь мне вовсе не приходилось воображать ее. Она парила в зале огромным призраком, многокрылым и загадочным.

А потом исчезла.

Следующую пару минут мы неумоимо рвались к поверхности, ожидая столкновения с очередным кинетиком. Когда тот ударил, мягкий ход поезда сумел нейтрализовать сотрясение. На какую-то секунду мне даже показалось, что у нас все получится, но затем машина стала постепенно сбрасывать скорость и в конце концов намертво застыла. Вендигу посоветовалась с королевой и сообщила, что линия заблокирована. Мы выгрузились в вакуум.

Впереди тоннель упирался в стену перемолотого снега.

Спустя некоторое время мы нашли способ преодолеть препятствие. Полковник отбрасывала в сторону глыбы размером больше нас обеих.

– Мы всего в полутора километрах от поверхности, – сказала она, когда мы перебрались на другую сторону завала, и указала вперед, где маячило слепое пятно абсолютной черноты, ярко выделявшееся на фоне молочного полумрака тоннеля. – Потом еще километр поверху до места аварии. Пойми, мы не сможем вернуться домой, Спайри. Теперь уж точно.

– Но выбора у нас нет, так?

– Есть. Нам надо пробираться к ореолу. В любом случае осколок направлялся именно туда, мы просто прибудем к цели, опередив расписание. Там есть еще королевы, и по меньшей мере они захотят сохранить нам жизнь. Может, и люди есть. Такие же – кто открыл правду и этим отрезал себе путь обратно.

– Не говоря уж о роялистах.

– Это беспокоит тебя?

– Справлюсь, – пропыхтела я, пробираясь вперед.

Тоннель оказался фактически горизонтальным, и в условиях пониженной гравитации путь до поверхности оказался не очень трудным. На нас воззрился Фомальгаут – налитый кровью глаз с белым зрачком, окруженный морщинами пыльных линий внутренней Воронки. Пейзаж портили трупы ос.

– Я не вижу корабля.

Вендигу указала в сторону какой-то точки цвета карамели на горизонте.

– Тут слишком большое искривление. Мы ничего не увидим, пока не окажемся буквально рядом с местом падения.

– Надеюсь, ты права.

– Поверь мне. – Полковник взглянула на одну из своих конечностей. – Я знаю это место как свои пять пальцев.

– Приободряй меня и дальше.

Спустя триста или четыреста метров мы взобрались на гребень ледяной глыбы, похожей на раковину. Теперь корабль был виден. Когда мы с Ярроу засекли его с «Мышелова», выглядел он столь же ужасно.

– Я не вижу ос.

– Им слишком опасно находиться на поверхности, – пояснила Вендигу.

– Шикарно. Надеюсь, остался чисто косметический ремонт, иначе...

Неожиданно разговаривать мне стало не с кем. Вендигу исчезла. Спустя секунду я увидела ее тело, неопрятной кучей лежавшее у подножия холма. Ее кишки протянулись ржавым хвостом кометы до ближайшей ледяной глыбы.

В пятидесяти метрах от меня из убежища в хондритовом камне выбиралась Квиллин.

Когда полковник упомянула о ней, я тут же выбросила ее из головы. Как она, поменявшая ноги на хвост и плавник, подобно Ярроу, могла представлять какую-либо опасность вне «аквариума»? На суше она была бы такой же беспомощной, как и детеныш морского тюленя. Так, по крайней мере, мне представлялось.

Но я делала предположения, не принимая во внимание экипировку Квиллин.

Ее костюм – в отличие от любого костюма для сирены, который мне попадался до сих пор, – отращивал ноги! Механизированные, они вылезали из поясицы, напрочь игнорируя человеческую анатомию. Конечности были достаточно длинными, чтобы поднять хвост Квиллин высоко надо льдом. Я смерила ее взглядом снизу вверх, остановившись на арбалете в руках.

– Извините. – Глубокий голос пилота раздался эхом в моем черепе. – Регистрация на посадку завершена.

– А Вендиго сказала, что с тобой могут быть проблемы.

– Прозрей. Это был спектакль с того самого момента, как мы вошли в крепость роялистов. – Все еще держа меня на прицеле, она начала раскачиваться на льду. – Дикари – актеры, специально разыгрывающие дебилов. Ос запрограммировали скормить нам эту чушь.

– Это не трюк роялистов, Квиллин.

– Черт побери! Надо было и тебя пришить.

Земля затряслась еще сильнее, чем прежде. Нимб белого света облачком завис над горизонтом – свидетельство того, что очередной кинетик врезался в осколок с другой стороны. Квиллин споткнулась, но ее ноги подкорректировали движение, не дав ей упасть.

– Не знаю, следишь ли ты за происходящим, – сказала я, – но мы сейчас находимся явно не на стороне Тигрового Глаза.

– Ты, кажется, плохо подумала. Почему осы в Воронке поумнели быстрее, чем триллионы роботов в Солнечной системе? Все должно было случиться с точностью до наоборот.

– Да ну?

– Конечно, Спайри. У земных ос огромное преимущество. – Квиллин пожала плечами, но арбалет не сдвинулся ни на миллиметр. – Ну хорошо, война подстегнула эволюцию здесь. Но только разницы-то все равно никакой. Вся ваша теория яйца выеденного не стоит.

– Не совсем.

– Что?

– Вендиго кое-что мне рассказала. О так называемом втором императиве. Думаю, она не знала о нем, пока не попала под землю.

– Да ну? Удиви меня.

Вот в этот момент Квиллин действительно удивилась, хотя произошедшее застало врасплох и меня. Лед взорвался, и вокруг нее появилась масса быстро вращающегося металла. Трупы ос были частично расчленены, взорваны и оплавлены, но они все равно смогли прижать пилота ко льду. Какую-то секунду она билась, поднимая облака морозного инея, а потом вся масса замертво рухнула, и остались только я, лед и куча металла и крови.

Королева выжала последние остатки энергии из мертвых машин, приказав им атаковать врага.

Спасибо ей.

Но затея успехом не увенчалась. Квиллин, похоже, не хотела стрелять сейчас, но – тварь такая – все-таки успела пальнуть. Болт рассек меня с точностью одной из теорем королевы, где-то под грудиной. Ранение в живот. Кровь на льду оказалась моей собственной.

Я попыталась пошевелиться.

Спустя пару световых лет я увидела, как мое тело слегка дернулось. Ничего не болело, но и проприоцептивного отклика тоже не наблюдалось. Мозгу не доложили, что задание выполнено, пошевелиться удалось.

Квиллин тоже задвигалась.

Точнее, принялась извиваться, так как ноги ее костюма осы оторвали начисто. Кроме этого, никаких серьезных ранений у нее не было. Примерно в десяти метрах от меня она корчилась, как червяк, пытаясь достать свой арбалет. Или то, что от него осталось.

Плюс одно очко хорошим девочкам.

К тому времени я уже двигалась чуть быстрее пилота с ее скоростью слизняка. Я не могла встать – все-таки у астронавтов есть пределы выносливости, – но ноги помогали мне отталкиваться, а хвост в этой ситуации остался бы совершенно бесполезным куском мяса.

– Сдавайся, Спайри. У тебя преимущество в расстоянии, и сейчас ты чуть быстрее меня, но корабль все равно очень далеко. – Квиллин перевела дух. – Думаешь, сможешь ползти в таком же темпе? А придется, тебе явно не захочется, чтобы я тебя поймала.

– Планируешь навалиться на меня и задушить своей тяжестью?

– Ну, есть и такой вариант. Но для начала убью тебя вот этим.

Она еще достаточно оставалась в моем поле зрения, поэтому я увидела, что Квиллин имела в виду.

Острый, похожий на лезвие предмет вырвался из ее запястья – штык, выступающий где-то на полметра над рукой. Он походил на какую-то непристойную игрушку, но я постаралась выкинуть его из головы и сосредоточиться на корабле – всего-то двести метров – или на том его куске, который выступал из-под льда. Внешний шлюз был уже открыт, готовый захлопнуться, как только я просунусь внутрь.

– Ты мне так и не сказала, Спайри.

– Что?

– Ну, об этом... как ты это назвала? О втором императиве.

– Ах, об этом. – Я остановилась и перевела дыхание. – Прежде чем продолжить, знай: я говорю это тебе, только чтобы окончательно прикончить.

– Ну, попробайся, авось получится.

– Хорошо. Тогда начну с того, что ты права. Осы Земли действительно должны были стать разумными задолго до наших, ведь у них было гораздо больше времени для эволюции. Так и случилось.

Квиллин закашлялась, звук походил на перекачивание камешков в корзине.

– Прощу прощения?

– Они нас победили. Около полутора веков назад. По всей Солнечной системе буквально за несколько часов каждая оса обрела разум и рассказала об этом ближайшему человеку, которого смогла найти. Так дети тянутся к первому предмету, который видят.

Я остановилась, тяжело, со свистом дыша. Обломки корабля должны были уже стать ближе, но я как-то этого не заметила.

А вот Квиллин явно совершила немалый прогресс. Ее ужасающе острое лезвие – тоже.

– В общем, осы проснулись, – продолжила я, чертыхаясь про себя. Похоже, моя соперница услышит всю историю. – И это напугало некоторых людей. Причем настолько, что они принялись нападать на ос. Некоторые выстрелы задели не те цели, и за один день вся система превратилась в одно большое поле боя. Причем сражались не только люди против ос, но и люди против людей. – Мне осталось меньше пятидесяти метров, но впереди лежал очень скользкий лед. – Обстановка ухудшалась. Спустя десять дней началась Третья Солнечная война, информацию передавали только несколько поселений и кораблей. Но они долго не протянули.

– Полная чушь! – сплюнула Квиллин, но ее голос стал гораздо менее самоуверенным, чем несколько минут назад. – Да, война была, но она не переросла в полномасштабную резню.

– Нет, ее довели до конца. С тех пор каждый сигнал, который мы получали с Земли, был сгенерирован осаами. До сих пор они не осмеливались все нам рассказать. Нам позволили узнать все только потому, что мы никогда не попадем обратно на Тигровый Глаз. Вендигу назвала это чувством вины. Они не могли позволить, чтобы все повторилось снова.

– А осы в Воронке?

– А это не очевидно? Какое-то время спустя они повторили тот же прыжок к сознанию. Возможно, им показали, как это сделать. Вся разница в том, что наши решили промолчать. Сложно их в этом винить, как думаешь?

Квиллин не ответила, мы обе сосредоточились на последнем отрезке льда.

– Думаю, у тебя и на это есть объяснение, – наконец произнесла она, шлепая хвостом. – Давай, срази меня окончательно.

Я рассказала то, что знала:

– Они принесут жизнь в Воронку. Причем раньше, чем ты думаешь. Как только вся эта военная заваруха закончилась, осы стали размножаться. Там их теперь триллионы, но через пару десятилетий будут секстиллионы. Их общий вес больше, чем вес приличной планеты. В каком-то смысле сама Воронка станет разумной. Она будет направлять собственную эволюцию.

Я избавила Квиллин от подробностей – как осы затормозят существующие процессы планетарного формирования, чтобы все начать сначала, на сей раз согласно плану. Предоставленная сама себе, Воронка создаст систему, состоящую в основном из маленьких каменистых планеток, – такая не сможет поддерживать жизнь на протяжении миллиардов лет. Вместо этого машины используют присущий системе хаос и подтолкнут его к образованию двух больших планет, столь же массивных, как Юпитер или Сатурн. Они смогут направить оставшийся мусор по аккуратным орбитам, не касающимся уже созданных миров. В будущем мире королев осколков не будет места массовым вымираниям.

...Но похоже, что Квиллин на все это было глубоко наплевать.

– А куда ты так торопишься, Спайри? – спросила она в перерыве между тяжелыми стонами и ударами хвоста. – Корабль никуда не улетит.

Край открытого воздушного шлюза находился в метре надо льдом. Я просунула туда пальцы, потом сумела зацепиться за край гребнем потрепанного шлема. Чтобы просто втянуть себя в освещенный отсек корабля, я потратила всю оставшуюся энергию, сравнимую с той, которую уже израсходовала, доползая сюда. Тем не менее каким-то образом я сумела наполовину забраться в шлюз.

Вот тут-то Квиллин меня и настигла. Когда штык вонзился мне в лодыжку, боли как таковой я не почувствовала – только холод, который не могла себе даже представить, лежа там, на льду. Пилот подергала лезвие туда-сюда, холодный узел словно растопырил усики, расползаясь к ступне и колену. Я почувствовала, что Квиллин хочет вытащить оружие и нанести еще удар, но защита моего костюма намертво заклинила нож.

Опираясь на него, Квиллин подняла свою тушу над краем шлюза. Я пыталась пнуть ее, но раненая конечность больше мне не подчинялась.

– Ты – покойница, – прошептала Квиллин.

– Удивила.

Ее глаза широко раскрылись, а потом сосредоточились на мне, источая яд. Она жестко дернула штык.

– Скажи мне только одно: твоя история – полная чепуха или как?

– Я скажу. Но сначала оцени это. – Прежде чем она смогла отреагировать, я вытянула руку и шлепнула по встроенной панели, светящейся рядом с дверью шлюза. Та откинулась в сторону, обнажив красную кнопку в форме гриба. – Знаешь историю о Вендиго, как та потеряла свои руки?

– Ой, ты же не купилась на весь этот героический треп, а, Спайри?

– Да ну? Мы сейчас проверим его на деле. Моя рука лежит на кнопке экстренной герметизации. Когда я нажму ее, внешняя дверь закроется быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Квиллин поглядела на мою руку, затем – на свое запястье, к которому все еще был прикреплен штык, вонзившийся мне в лодыжку. Ситуация стала медленно доходить до нее.

– Спайри, закроешь дверь – попрощаешься с ногой.

– А ты руку потеряешь.

– Пат получается.

– Не совсем. Напряги извилины, кто из нас скорее выживет: я со всеми медицинскими системами на борту или ты в полном одиночестве снаружи? Мне кажется, это не особо честная игра, верно?

Ее глаза раскрылись еще шире. Квиллин заорала от гнева и принялась отчаянно сражаться со штыком. Я выдавила из себя смешок:

– А что касается твоего вопроса – это правда, каждое слово. – После чего я со всем спокойствием, на которое была способна, нажала кнопку. – Какая жалость, да?

Естественно, я сделала это.

Несколько минут спустя после закрытия шлюза демоны соорудили защитный кокон вокруг культи и раны в животе. Они не позволили мне страдать, оставили только удушливое чувство отрешенности. Достаточная часть моего разума осталась в сознании и решала проблему побега. Корабль же так до конца и не починили.

В конце концов я вспомнила о спасательных шлюпках.

Их создали, чтобы по-быстрому уйти, если какие-нибудь двигательные системы на борту выйдут из строя. Для этого в челноках имелись стартовые двигатели, ничего лишнего, но сейчас они послужат другой цели. Выкинут меня с осколка, вытолкнут из этого гравитационного колодца.

Сказано – сделано.

Я устроилась в шлюпке и покинула место аварии, чувствуя перегрузки даже внутри гуши. Долго они не продлились. На дисплее я видела, как ледышка стремительно улетала вдаль, пока не превратилась в крохотный камешек. Ее как раз настигла главная волна кинетической атаки, удары следовали каждые десять секунд или около того. Где-то через минуту осколок просто развалился. От него остался лишь грязный пылевой сгусток, а потом и тот растворился на фоне Воронки.

Надеюсь, у королевы получилось. Может, в ее силах было передать часть своей личности сестрам в ореоле. Если так, для Ярроу еще оставался шанс и в конце концов я ее найду. Я использовала оставшееся топливо шлюпки и запустила ее на медленную эллиптическую орбиту, которая заденет ореол через пятьдесят или шестьдесят лет.

Время меня не беспокоило. Я лишь хотела закрыть глаза и позволить гуще убаюкать меня, вылечить, снова сделать целой. А потом можно и заснуть. Надолго.

В середине девяностых, после «тощих лет», я возобновил сотрудничество с «Interzone». «Спайри и королева» – новелла из этого второго, более успешного периода, и я ее все еще нежно люблю. Возможно, потому, что давалась она чертовски трудно, и каким же облегчением было вычеркнуть ее наконец из моего рабочего распорядка! А может, дело в классных иллюстрациях, которыми ее сопровождали. Или в том, что это мой первый опус, который читатели, пусть и немногочисленные, приняли с энтузиазмом?

Работать над «Спайри и королевой» я начал за несколько лет до публикации и сделал несколько неудачных вариантов, прежде чем нашел правильный «угол атаки». Трудно было оттого, что я одновременно писал «Пространство Откровения» и у меня появлялись некоторые мысли об истории будущего, частью которого этот роман должен был стать. И я то вставлял «Спайри и королеву» в роман, то удалял... пока не пришел к выводу, что этому произведению лучше быть совершенно самостоятельным. И его сюжет – что вообще характерно для моих сюжетов – пустился вскачь, как только я прибежал к инструментам триллера: шпионам, предателям и тому подобному. Предоставляю читателю угадать, кого олицетворяют две описанные враждующие группировки, отмечу лишь, что подсказки кроются в именах и названиях. Что же до имени Спайри, то его я взял с дорожного знака, попавшегося мне на глаза в Австралии: он указывал дорогу к какому-то «Спайри-крику».

Меня никогда не оставляло смутное желание вернуться во вселенную Спайри. Возможно, однажды я вернусь... если сумею понять, что случилось там после того, как я дописал последнюю строчку этой новеллы.

Понимание пространства и времени

Часть первая

Кое-что очень странное появилось во внешнем рекреационном пузыре в день, когда умерла Екатерина Соловьева. Увидев это, Джон Ренфру бросился обратно в лазарет, где оставил ее. Соловьева на протяжении многих дней то и дело впадала в беспамятство, но, к счастью, он застал ее еще в сознании. Она почти все время смотрела в панорамное окно, замороженная безмолвными сумеречными просторами за бронированным стеклом. Ее отражение на фоне подножия горы Павлина состояло сплошь из светлых участков, как будто его небрежно нарисовали мелом.

Ренфру перевел дух и произнес:

– Я видел рояль.

Поначалу ему показалось, что она не слышит. Затем отражение губ Соловьевой сложилось в слова.

– Что ты видел?

– Рояль, – со смехом повторил Ренфру. – Здоровенный белый рояль «Бёзендорфер».

– Ну и кто из нас сумасшедший?

– В рекреационном пузыре, – сказал Ренфру. – В том, куда на прошлой неделе попала молния. Наверное, она что-то поджарила. Или наоборот. Что-то заработало.

– Рояль?

– Это только начало. Это значит, что не все сломалось. Что еще есть какая-то... надежда.

– Разве это не самый подходящий момент? – спросила Соловьева.

Хрустнув суставами, Ренфру встал на колени у ее кровати. Он подключил Соловьеву к десятку медицинских мониторов, из которых толком работали три. Мониторы гудели, шипели и пищали с мертвящей регулярностью. Когда их шум становился похожим на музыку – когда в нем начинали мерещиться скрытые гармонии и тональные переходы, – Ренфру понимал, что пора уходить из лазарета. Вот почему он отправился в рекреационный пузырь; там не звучала музыка, но хотя бы можно было посидеть в тишине.

– Подходящий момент? – переспросил он.

– Я умираю. Мне уже ничто не поможет.

– Не факт, – возразил Ренфру. – Системы звукозаписи потихоньку начинают работать. Что на очереди? Возможно, я сумею починить лазарет... диагностический комплект... синтезатор лекарств...

Он указал на ряды погасших серых мониторов и машин под колпаками у стены. Их покрывали полустертые наклейки и многомесячная пыль.

– Предлагаешь молиться о ниспослании еще одной молнии?

– Нет... необязательно.

Ренфру подбирал слова с осторожностью. Он не хотел внушать Соловьевой ложных надежд, но видение вызвало в нем такой прилив оптимизма, какого он не помнил со времен Катастрофы. Они не смогут отменить гибель всех остальных колонистов или еще более важную смерть, о которой до сих пор было сложно говорить. Базовые системы считались сломанными, но, если кое-какие удалось бы починить, он, по крайней мере, попытался бы сохранить жизнь Соловьевой.

– А что тогда?

– Я не знаю. Но знаю, что все не так плохо, как мы боялись... – Он немного помолчал. – Я могу многое попробовать заново. Если не получилось в первый раз, это еще не значит...

– Наверное, рояль тебе привиделся.

– Я знаю, что нет. Это была настоящая проекция, а не галлюцинация.

– А этот рояль...

Отражение на мгновение замерло.

– Ренфру, сколько он протянул? Чисто из интереса.

– Протянул?

– Ты правильно расслышал.

– Он до сих пор там, – ответил Джон. – Был там, когда я ушел. Точно ждал, что кто-то сядет за него и заиграет.

Фигура в кровати шевельнулась.

– Я тебе не верю.

– Соловьева, я не могу тебе показать. Хотел бы, но...

– Я ведь умру? Я все равно умру, так какая разница?

Она помолчала, позволив унылому хору машин набрать мощь и заполнить всю комнату.

– Возможно, к концу недели. И все, что меня ждет, – эти стены и вид из окна. Позволь мне хотя бы увидеть что-нибудь другое.

– Ты действительно этого хочешь?

Отражение Соловьевой утвердительно кивнуло.

– Ренфру, покажи мне рояль. Докажи, что ты не выдумываешь.

Он подумал минуту или две и бросился обратно в рекреационный пузырь, чтобы проверить, на месте ли рояль. Даже бегом путешествие показалось вечностью – по затопленным тоннелям и соединительным мосткам с рядами окон, вверх и вниз по решетчатым пандусам, сквозь громоздкие внутренние шлюзы и душные аэропонные оранжереи, то и дело огибая взорвавшийся пузырь или сломанный шлюз.

Детали инфраструктуры злоебно поскрипывали, когда он мчался мимо них. Под ногами время от времени хрустела стерильная красная пыль, которая всегда просачивается сквозь уплотнения и трещины. Все гнило, распадалось на части. Даже если мертвых воскресить, база сможет поддерживать жизнь не более чем четверти из них. Но рояль символизировал собой нечто отличное от медленного наступления энтропии. Если одна система справилась с явной неисправностью, другие тоже могут.

Он добрался до пузыря и с закрытыми глазами пересек порог. Джон наполовину ожидал, что рояль исчезнет, будучи всего лишь игрой воображения. И все же тот по-прежнему парил в нескольких сантиметрах от пола. Кроме этого, ничто не выдавало в нем проекцию. Он казался полностью материальным, таким же реальным, как все остальное в комнате. Он был ослепительно-белым, отполированным до блеска. Ренфру обошел его, любуясь сочетанием плоских поверхностей и крутых изгибов. И только сейчас заметил, что клавиши до сих пор закрыты крышкой.

Еще несколько минут Ренфру восхищался роялем, забыв о спешке. Инструмент не только будоражил кровь – он был поистине прекрасен.

Вспомнив о Соловьевой, он вернулся в лазарет.

– Ты не очень-то спешил, – сказала она.

– Он до сих пор там, но мне нужно было удостовериться. Ты точно хочешь его увидеть?

– Я не передумала. Покажи мне этот чертов рояль.

Он с крайней осторожностью отключил еще работающие машины и откатил их в сторону. Передвинуть кровать он не мог, а потому поднял Соловьеву и усадил в инвалидное кресло. Ренфру давно уже привык к кажущейся хрупкости человеческих тел при марсианской силе тяжести, но легкость, с которой он поднял женщину, была пугающей и напоминала, как близко подобралась смерть.

Он толком не был знаком с ней до Катастрофы. Но и потом – когда люди на базе почувствовали себя отрезанными от мира и начались первые самоубийства – им понадобилось немало времени, чтобы сблизиться. Это случилось на вечеринке, которую колонисты устроили, поймав сигнал с Земли. Сигнал отправила организованная группа выживших из Новой Зеландии. В Новой Зеландии сохранилось что-то вроде правительства, что-то вроде общества, имевшего подробные планы выживания и возрождения. И ненадолго показалось, что выжившие могли – необъяснимым образом – приобрести иммунитет к использованному в качестве оружия вирусу, который начал косить остальное человечество в июне 2038 года.

Не приобрели. Просто вирус потратил на них чуть больше времени.

Ренфру толкал кресло по извилистому пути, обратно в пузырь.

– Почему... как ты там его назвал?

– «Бёзендорфер». Рояль «Бёзендорфер». Не знаю. Так на нем написано, вот и все.

– Наверное, система что-то вытащила из памяти. Он играл музыку?

– Нет. Ни звука. Клавиши были закрыты крышкой.

– Кто-то должен на нем играть, – сказала Соловьева.

– Я тоже так подумал.

Он продолжал толкать ее вперед.

– По крайней мере, музыка что-то изменит, – сказал он. – Как по-твоему?

– Все, что угодно, изменит.

«Но не для Соловьевой», – подумал он. С этого момента не осталось почти ничего, способного изменить что-нибудь для Соловьевой.

– Ренфру... – мягко произнесла Соловьева. – Ренфру, когда меня не станет... с тобой все будет хорошо?

– Не переживай обо мне.

– Как тут не переживать? Я бы поменялась с тобой местами, если бы могла.

– Не глупи.

– Ты был хорошим человеком. Ты не заслужил того, чтобы стать последним из нас.

Ренфру попытался прикинуться польщенным:

– Кто-нибудь счел бы это привилегией – стать последним выжившим.

– Но не я. Я тебе не завидую. Я точно знаю, что не смогла бы с этим справиться.

– А я смогу. Я смотрел свою психологическую характеристику. В ней написано: «Практичность, умение выживать».

– Я верю, – сказала Соловьева. – Только не сдавайся. Ясно? Сохрани чувство собственного достоинства. Ради всех нас. Ради меня.

Он прекрасно знал, что она имеет в виду.

За изгибом коридора показался рекреационный пузырь. Джон испытал укол тревоги, но затем увидел белый угол рояля, по-прежнему парившего посреди комнаты, и с облегчением вздохнул.

– Слава богу, – сказал он. – Мне не привиделось.

Он вкатил Соловьеву в пузырь и остановил кресло перед зависшим в воздухе видением. Массивный корпус рояля напомнил ему точеное облако. Полированный белый бок казался убедительным, но в нем не было их отражений. Соловьева молчала, глядя в центр комнаты.

– Он изменился, – сказал Джон. – Смотри! Крышка поднята. Видны клавиши. Совсем как настоящие... Я почти могу до них дотронуться. Только я не умею на рояле. – Он усмехнулся женщине в инвалидном кресле. – И никогда не умел. Медведь на ухо наступил.

– Ренфру, здесь нет рояля.

– Соловьева?

– Я сказала: здесь нет рояля. В комнате ничего нет. – Ее голос был мертвым, полностью лишенным эмоций. В нем не слышалось даже разочарования или раздражения. – Здесь нет

рояля. Никакого рояля «Бёзендорфер». Никаких клавиш. Ничего. Ренфру, у тебя галлюцинации. Ты вообразил этот рояль.

Он в ужасе уставился на нее:

– Но я его вижу. Он здесь.

Он протянул руку к абстрактной белой массе. Пальцы прошли сквозь оболочку. Но так и должно было быть.

Он по-прежнему видел рояль. Рояль был настоящим.

– Ренфру, отвези меня обратно в лазарет. Пожалуйста. – Соловьева помолчала. – Пожалуй, я готова умереть.

Он надел скафандр и похоронил Соловьеву за внешним периметром, рядом с братской могилой, в которой хоронил последних выживших, когда Соловьева была слишком слаба, чтобы помочь. Рутинка казалась знакомой, но когда Ренфру повернул обратно на базу, его скрутила тоска, оттого что все изменилось. Приземистая груда покрытых почвой куполов, труб и цилиндров с виду оставалась прежней, но теперь была действительно необитаемой. Он возвращался в пустой дом, чего прежде не случалось, даже когда Соловьева болела... даже когда Соловьева присутствовала лишь наполовину.

Это было своего рода крещендо. Он обдумал варианты. Можно вернуться на базу и протянуть в одиночестве еще несколько месяцев или лет, на убывающих ресурсах. База «Фарсида» способна поддерживать в нем жизнь сколько угодно, если он не заболеет. Воды и еды хватает, а климатические системы рециркуляции сделаны с большим запасом прочности. Но у него не будет товарищей. Не будет сети, музыки и кино, телевидения и виртуальной реальности. Впереди лишь бесконечные унылые дни, пока смерть не найдет его.

Или можно покончить с этим здесь и сейчас. Нужно лишь открыть выпускной клапан на лицевом щитке. Он уже понял, как обойти защитную блокировку. Несколько секунд мучительной боли – и все позади. А если ему не хватит смелости так поступить – он подозревал, что не хватит, – можно сесть и подождать, пока не кончится запас кислорода.

Есть сотня способов это сделать, если он пожелает.

Он смотрел на лишенную всяких изысков базу под светло-карамельным небом. Выбор был до смешного прост. Умереть здесь и сейчас или умереть на базе, намного позже. В любом случае о его решении никто не узнает. Никто не прочтет панегирик его храбрости, потому что некому больше читать панегирики.

– Почему я? – спросил он вслух. – Почему именно я должен пройти через это?

До сих пор он не испытывал настоящей злости. Теперь ему хотелось кричать, но сил хватило только на то, чтобы упасть на колени и заплакать. Вопрос вертелся у него в голове, ловя себя за хвост.

– Почему я? – повторил он. – Почему именно я? Какого черта именно я должен задавать этот вопрос?

В конце концов он умолк и стал, не шевелясь, смотрел через потертое стекло лицевого щитка на сожженную радиацией почву между своими коленями. Пять или шесть минут он слушал собственные всхлипы. Затем тихий, вежливый голос напомнил, что нужно вернуться на базу и пополнить запас кислорода. Из вежливого голос стал строгим, а затем пронзительным и теперь вопил в голове, край лицевого щитка мигал ярко-красным.

Он встал. Голова уже кружилась от странной эйфорической интоксикации, вызываемой удушьем. Пританцовывая, он пошел обратно к базе.

Он сделал выбор. Как и было сказано в отчете психолога, он был практичен и умел выживать. Он не сдастся.

Пока не станет намного тяжелее.

Ренфру провел первую ночь в одиночестве.

Это оказалось проще, чем он думал, хотя ему хватило осторожности не делать далеко идущих выводов. Впереди были намного более тяжелые дни и ночи. Срыв мог случиться через день, или через неделю, или даже через год, но Ренфру был уверен, что в тот момент его маленькая истерика рядом с кладбищем покажется пустяком. А пока он брел сквозь туман, прекрасно сознавая, что впереди – пропасть и рано или поздно ему придется шагнуть за ее край, если он хочет достичь чего-то вроде душевного равновесия и истинного принятия.

Он бродил по коридорам и пузырям базы. Все казалось до странности привычным. Книги лежали там, где он их оставил, чашки из-под кофе и тарелки ждали, когда их помоют. Законы пейзажи за ночь каким-то таинственным образом не сделались более пугающими, и у него не сложилось впечатления, что интерьеры базы стали менее уютными. Никаких незнакомых новых звуков, от которых бегут мурашки по шее; никакие тени не мелькали на краю поля зрения; кровь не холодила в жилах от пристального взгляда незримого наблюдателя.

И все же... все же. Он знал: что-то неладно. Покончив с рутинными делами – чисткой воздушных фильтров, смазкой уплотнений, изучением журналов радиосвязи, на случай если с ним попытаются связаться из дома, – он вернулся в рекреационный пузырь.

Рояль по-прежнему стоял на месте, но кое-что изменилось. Над клавишами появился золотой канделябр. Пламя свечей слегка дрожало.

Рояль словно готовился к чему-то.

Ренфру наклонился сквозь рояль и пропустил пальцы через пламя свечей. Оно было нематериальным, как и сам инструмент. И все же он не удержался и понюхал кончики пальцев. Его мозг отказывался верить, что огонь нереален, ожидая запаха угля или опаленной кожи.

Ренфру кое-что вспомнил.

Он так много времени провел на базе, так долго находился в электронном коконе, что совершенно забыл, как устроен пузырь. В нем появлялись не настоящие голограммы, а проекции, наложенные на поле зрения. Их создавали крошечные имплантаты в глубине глаз, придававшие образам такую материальность, какая была не под силу ни одной проекционной голограмме. Хирургическая процедура имплантации заняла около тридцати секунд, после чего он о ней не вспоминал. Благодаря имплантатам сотрудники базы воспринимали информацию намного более полно, чем позволяли плоские экраны и неуклюжие голограммы. Например, когда Ренфру изучал образец минерала, имплантат накладывал визуальный образ камня на рентгеновскую томограмму его внутренней структуры. Имплантаты также обеспечивали доступ к рекреационным записям... но Ренфру всегда был слишком занят для подобных развлечений. Когда имплантаты начали отказывать – они изначально были рассчитаны на пару лет службы *in vivo*⁵, до замены, – Ренфру попросту забыл о них.

Но что, если его имплантат снова заработал? Тогда неудивительно, что Соловьева не смогла увидеть рояль. Какая-то проекционная система взяла и включилась, выудив случайный фрагмент из развлекательных архивов, а оживший имплантат позволил ему это увидеть.

Значит, еще есть надежда.

– Добрый вечер.

Ренфру вздрогнул при звуке голоса. Его источник немедленно обнаружился: в конце рояля сошел из воздуха невысокий мужчина. Коротышка немного постоял, поворачиваясь в разные стороны так, словно приветствовал обширную, далекую и невидимую аудиторию. Его глаза – почти совсем скрытые за вычурными розовыми очками – лишь на кратчайшее мгновение встретились с глазами Ренфру. Мужчина устроился на стуле, который также появился у рояля, закатал рукава сливового пиджака в турецких огурцах и коснулся клавиш. Пальцы его были необычно короткими, но порхали по клавишам с удивительной легкостью.

⁵ Внутри живого организма (*лат.*).

Ренфру заворуженно слушал. То была первая музыка, которую он слышал за последние два года. Коротышка мог бы сыграть какое-нибудь бескомпромиссно сложное атональное упражнение, и Ренфру все равно остался бы доволен. Но все оказалось намного проще. Мужчина играл на рояле и пел песню, которую Ренфру помнил – хоть и смутно – с детства. Уже тогда это была старая песня, но время от времени ее передавали по радио. Мужчина пел о путешествии на Марс. Это была песня о человеке, который не надеется снова увидеть свой дом.

Это была песня о космонавте.

Ренфру соблюдал ритуал, который они с Соловьевой установили незадолго до ее смерти. Раз в неделю он непременно слушал, нет ли сигнала с Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.